

В номере:

Статья редактора

Георгий Каюров. *Русские писатели с тобой, Молдова!* 3

Автор года

Михай Албанец. *100 лет! Автор года-2012!* 4

Юбилей

Алла Коркина. *Поздравляем!* 9

Публицистика

Юрий Рошка. *В поисках потерянного прошлого* 11

Очерк

Сергей Андронаки. *Свидание с Байконуром* 16

Проза

Евгений Триморука. *Спички* 19

Сергей Скорый. *Шестидесятые далёкие года...* 28

Владимир Шатров. *Личное дело сержанта Бессарабова* 39

Дмитрий Воронин. *Поздняя месть* 52

Наталья Романова. *Стук* 62

Сергей Власов. *Герой Днепра* 74

Поэзия

Любовь Прокопий..... 91

Татьяна Некрасова 93

Дмитрий Унгурия..... 94

Ольга Кичигина..... 96

Критика

Евгений Барданов. *Ах, этот Власов еще и прозаик?* 97

Дневник путешественника

Борис Куделин. *Попутный ветер до стен Нотр Дам де Пари* 99

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Международного сообщества писательских союзов
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

**Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Дмитрий Нечаенко, Ольга Бедная,
Анна Кашина, Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Иван Дуб,
Матвей Левензон, Максим Замшев, Борис Куделин, Анна Малдофа, Надежда Дёмина,
Маргарита Сосницкая, Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд.**

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Бережинская

Вёрстка

Дмитрий МАЗЕПА

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать
в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Георгий КАЮРОВ

Русские писатели с тобой, Молдова!

Четыре года позади! С гордостью об этом говорю, потому что и дата 12.12.12 позади – авторы, читатели и все единомышленники отпраздновали 100-летний юбилей журнала «Наше поколение». Отчёт можно увидеть в материале несколькими страницами ниже, и потому я не стану на нём останавливаться подробно. Скажу только о коллективе Национальной библиотеки. Вот уж не знаешь – где найдёшь, а где потеряешь. Сотрудничество с Национальной библиотекой РМ – это самое весомое в каждодневной работе над журналом. Алексей Рэу, Раиса Мельник, весь коллектив – это созвездие подвижников, хранящих национальное достояние Республики Молдова. В стране можно не иметь университетов, но если будут развиваться библиотеки – это будет самая просвещённая, самая образованная нация. Как писатель, как редактор литературного журнала с низким поклоном и благодарностью всегда буду относиться к этим людям – большим подвижникам, патриотам Молдовы.

Как оценить прошедшие четыре года? Прежде всего, хочу отметить, что журнал «Наше поколение» имеет исторические корни литературной Бессарабии, а это значит, наш журнал можно называть национальным проектом Республики Молдова. Всё, что сделано редакцией, авторами, читателями и сторонниками журнала, направленное на популяризацию, распространение и развитие русской литературы, можно смело отнести к весомому вкладу в многонациональную культуру Республики Молдова. Регулярный выход журнала стал качественным индикатором укрепления демократии в нашей стране.

Стоя у порога пятого года, могу смело говорить о том, что журнал удалось сохранить как литературное писательское достояние, никем не ангажированное. Вместе с нашими авторами и читателями мы выстояли под напором потоков лжи и грязи «профессиональных русских», поддерживаемых чиновниками иностранных государств. Те же чиновники пытались «утопить» нас в склоках и собираемых ими сплетнях от различных околотипических типов и финансовых аферистов. Те же чиновники пытаются противопоставить, разделить писательское сообщество, импортируя издания с черносотенскими названиями и финансируя их, желая унижить, сравнить авторов и читателей. Ничего у них не получилось. Потому, что все их потуги шиты белыми нитками и лучше читателя и авторов никто не смог дать их «деятельности» оценку – авторы и читатели сплотились вокруг журнала «Наше поколение». Иностранные посулы

и коврижки пришлись не по вкусу русскому литературному сообществу Молдовы. Потому что русский человек – это благодарный человек, где бы он ни проживал – в Молдове, Франции, Италии, Румынии и любом другом уголке мира. Всегда будут смешны и лживы людишки, родившиеся в Молдове, а клянущиеся в любви к России, Украине, Болгарии. Москва – слезам не верит! Именно такие почему-то попадают в покровительственные объятия дипломатов. Но так уж повелось со времён Ивана Грозного, что царские приказы на чужбине формировались особым контингентом чиновников. Да простим их за это.

Не перестану благодарить всё писательское сообщество России – МСПС, Союз писателей России, Московскую городскую писательскую организацию, все вместе мы показали, что для русской литературы нет границ; русская литература – посол доброй воли!

Владимир Николаевич Крупин, когда приехал в Кишинев на презентацию Хрестоматии, сказал: «Дорогой Георгий, не знаю, какими усилиями тебе всё это даётся, догадываюсь – невероятными, но в самолёте стюардесса узнала меня. Я спрашиваю её, как? Она отвечает: Читала ваши произведения в журнале “Наше поколение”».

Компания «Сибирь S7»!!! Спасибо Леонтьеву Сергею Владимировичу. Светлый человек! Спасибо всему коллективу компании. Значит, бизнес не у всех источил мозги.

Итогом каждодневной кропотливой работы редакции, обеспечивающей регулярный выход журнала, стал выпуск Хрестоматии современной русской литературы для лицеев и филологических факультетов. Большую работу провели мои коллеги – редакционный совет. Нам снова пришлось взять на себя ответственность и показать, что на местном материале и своими силами мы можем сделать замечательную книгу! У нас ещё сохранились прекрасные учёные-филологи и педагоги. Конечно, наша работа пришлась не по душе посредственностям, которые привыкли клясться в любви к иностранным государствам и тащить от туда не самое лучшее и навязывать, используя ангажемент в министерствах, но очень хорошо, что их единицы. Наша работа послужила прекрасным примером того, как надо противостоять серости и посредственности – каждодневное служение избранному делу, несмотря ни на что!

Благодаря журналу «Наше поколение» в Республике Молдова начал формироваться литературный процесс как культура литератора. Нам

удалось привлечь внимание авторов к творчеству своих коллег и читать произведения своих современников. То, что отсутствовало напрочь. Постыдство! – автор читал только собственные произведения и совершенно не читал ни классиков, ни современников – ещё вчера было чуть ли не нормой пирующей братии.

Сегодня, благодаря школе журнала «Наше поколение», молодые поэты читают произведения наизусть, а не мямля считают выдуманные строчки и рифмы с листочка, как это сделали нормой случайно заскочившие в литературу личности,

а что ещё постыднее – читающие свои произведения из литературных журналов. Таким образом пытаюсь зарабатывать дешёвый авторитет.

Нам удалось укрепить чувство уверенности в своих творческих силах многим молодым авторам.

Впереди пятый год. Ещё двенадцать интереснейших выпусков ждут нашего читателя. Мы будем продолжать делать всё от нас зависящее, чтобы вернуть человека к чтению, особенно молодёжь. Ведь читающий человек – это всегда успешный человек, а читающий народ – это крепкое наследие нации.

Михай АЛБАНЕЦ

100 лет! Автор года-2012!

После завершения «Автор года», общаясь с гостями и участниками, я отметил, что все были довольны и говорили о высоком уровне проведения мероприятия. Восторг переполнял всех собравшихся: «Получилась настоящая церемония награждения лучших», – возбуждённо делилась с подругой одна женщина.

Спешу с вопросом к главному редактору Георгию Каюрову:

– Георгий Александрович, с каким настроением завершаете год?

– С гордостью! Говорю об этом смело, потому что в памяти хранится эпизод из 2009 года. Сидя на террасе в компании с молодыми поэтами, мы строили планы на будущее. Самыми главными из них была номинация «Автор года-2012». Так и условились – начиная с девятого года проводить все номинации «Автор года» 12 декабря, чтобы в 2012 году отметить столетний юбилей журнала. Когда это было – 2009 год?! С трудом верилось, что журнал доживёт до заветного юбилея! И вот, 12.12.12 позади. Сегодня мы лучшие и по праву ведём литературный процесс в Молдове.

А всё начиналось с фойе. Несмотря на разыгравшуюся метель, на церемонию награждения «Автор года», которую проводит ежегодно редакция журнала «Наше поколение», собралось много почитателей изящной словесности. Автор церемонии и ведущая, поэтесса Анна Гросул, встречала гостей в элегантном вечернем платье. Для себя я отметил, по-видимому, статья Георгия Каюрова, в которой он высмеял наших доморощенных «театралов», ходящих в театры, как в конюшню, – в верхней одежде, – работала. Гости, все нарядные, оставляли верхнюю одежду в гардеробной и торопились в актовый зал. Сотрудники Национальной библиотеки как всегда подготовились во всеоружии – организовано было по высшему разряду – музыкальный центр, сцена, кинопроектор, экран. Не случайно в 2011 году Национальная библиотека удостоена диплома от редакции журнала «Наше поколение» в номинации «Партнёр». Собравшиеся могли в этом в какой раз убедиться – вся церемония прошла блестяще!

До начала церемонии гости могли просмотреть архив фотографий мероприятий, проведенных редакцией журнала за истекшие четыре года. На экране появлялись именитые писатели, молодые поэты, чиновники, работники библиотеки, иностранные дипломаты и гости, даже премьер-министр РМ Влад Филат с интересом пролистывает журнал «Наше поколение». Люди разные, а объединены горящими от восторга глазами, и это понятно – наше общество соскучилось по культуре. По лицам с фотографий можно прочесть всю торжественность мгновений, в которых их зафиксировала фотокамера.

Просматривая фотографии, можно увидеть, как менялось отношение людей, собирающихся вокруг журнала, к тому, что и как делает его руководитель, член Союза писателей России Георгий Каюров. Если первый год все сплошь в джинсах, некоторые даже в измятых рубашках и обвислых батниках, в верхней одежде нараспашку – заскочили мимолётом, кто-то из малообразованных молодых невежд даже позволял себе сидеть на столе – то уже в 2011 году зрители в строгих нарядах, номинанты в костюмах и торжественных платьях. По напряжённым лицам угадываю номинированных. И снова с экрана смотрят почитатели русской литературы – посол России Валерий Кузьмин сменяется заведующей библиотекой Тamarой Химерик, примар села Хорень Юрий Иванов со статуэткой, полученной в номинации «Проза» и следом очаровательная Ольга Рушникова, которая в 2009 году стал лауреатом премии года в номинации «Лучший эфир автордио». За три года двадцать номинантов!

В юбилейный 100-летний год редакция объявила тринадцать номинаций. Ровно в 17.00 в зал вошёл Георгий Каюров, и всё началось!

Автор и ведущая Анна Гросул объявила начало церемонии. В юбилейный год церемония «Автор года» стала по праву международной, – на награждение приехали писатели из Болгарии, Украины, России, Италии, Молдовы. Всё действие представлялось как импровизация, если так, то это была очень хорошо продуманная, отрепетированная импровизация. Два часа пролетели незаметно. Номинанты получали премии и горячо благодарили. Почётные гости, взволнованные и торжественные, открывали запечатанный конверт с дипломом и оглашали победителя. Не обошлось без сюрпризов, генеральный директор Национальной библиотеки Алексей Рэу вручил писателю Георгию Каюрову диплом и денежную премию как лучшему писателю и редактору 2012 года.

В номинации «Проза» лучшим автором года стал Валерий Реницэ.

Приз за поэтические достижения получил Виктор Хантя.

В номинации «Очерк» победил Владимир Шатров с произведением «Личное дело сержанта Бессарабова».

Лучшим публицистом стала филолог из Болгарии Татьяна Караиванова.

А вот номинация «Учитель года» стала урожайной для молдавских учителей-филологов. Впервые появившаяся в 2010 году, она стала престижной среди учителей, и уже в 2012 году Главное управление образования, молодежи и спорта города Кишинёва отметила дипломами учителей дополнительно.

Так, лучшими авторами-учителями стали: Инна Куликовская (лицей им. А. Руссо), Светлана Гайбу (лицей им. М. Коцюбинского) и Валентина Попельных (лицей им.А.Пушкина), а вот по версии журнала «Учителем года» стала Оксана Мартышова из Чишмикиойского лицея.

В номинации «Лицей года» лучшими стали сразу два лицея – самый читающий лицей им. Алеку Руссо и лицей им. Бориса Янаогло из села Копчак.

Из рук генерального директора Национальной библиотеки Алексея Рэу премию в номинации «Библиотека» получила библиотека им. Христо Ботева, а лучшим университетом стал Молдавский государственный университет.

Премией «Партнёр года» удостоены сразу два издания: газеты «Панорама» и «Новое время».

Все номинанты получили дипломы, фирменные статуэтки, значки «Автор года», и каждому был посвящен музыкальный подарок.

Георгий Каюров, Алексей Рэу и Анна Стратьева

Татьяна Титушкина

Григорий Кушнир и Татьяна Караиванова

Алексей Чигрин

Георгий Каюров, Татьяна Арон и Валентина Попельнюх

Георгий Каюров, Татьяна Арион и Инна Куликовская

Юрий Рошка

Никола и Татьяна Караивановы, Цонка Христова

Валерий Реницэ

Георгий Каюров и Владимир Носов

Надежда Донцу

Ансамбль «Чершарул»

Георгий Каюров, Владимир Носов и Владимир Шатров

Оксана Мартышова

Игорь Хомечко

Елена Замура

Виктор Хантя

Михай Вилку

Григорий Рычу

Вячеслав Игнатенко

Юрий РОШКА

В поисках потерянного прошлого, или Что объединяет народы бывшего СССР?

Заметки после журналистского форума

Ставший уже традиционным, ежегодный Форум Европейских и Азиатских Медиа собрался в этом году, 10-11 декабря, в Минске. Более двухсот журналистов, политологов и издателей откликнулись на приглашение РИА НОВОСТИ, под эгидой которого проходит вот уже седьмой раз встреча представителей прессы стран СНГ, Балтии и Грузии.

Естественным толчком для данной инициативы стало желание журналистского сообщества бывшего СССР выстроить партнерские отношения после определённого периода отдаления, произошедшего вслед за обретением независимости. События более чем двадцатилетней давности, заставшие нас по разные стороны политических баррикад, одних – стремящихся к независимости своих народов, других – пытавшихся содействовать сохранению Союза, развели в разные стороны наши народы на долгое время. И вот теперь усилия политиков, экономистов, людей культуры и науки, а также журналистов всё чаще направлены на поиск общих начал и возможных общих проектов сближения стран нашего региона.

В этом смысле встреча в Минске продолжила наши разговоры, начатые год назад в Астане. Доминирующей темой, как и следовало ожидать, стала проблема преимуществ участия в интеграционных процессах вокруг России. Таможенный Союз, ЕврАзЭС и другие формы экономического и политического сближения были широко представлены рядом ведущих московских экспертов. Конечно, говорилось и о новых медиа технологиях, и о неожиданных вызовах, связанных с взрывом социальных сетей, и об обмене материалами и опытом между медиа структурами наших стран.

Я внимательно вслушивался в аргументацию проводников сближения, стараясь уловить суть их аргументов. В основе этих выступлений лежали экономические доводы. Солидные цифры, диаграммы и цветные рисунки демонстрировались со всей силой научно обоснованных теорий, смысл которых сводился к простому логическому выводу – вместе нам всем будет лучше.

И почти ни слова не было сказано о том, что, на мой взгляд, действительно может стать ключом к нашему сближению, а именно о духовности и культуре. Поэтому я и задал вопрос Руслану Гринбергу, директору Института экономики Российской Академии наук, не кажется ли ему, что

чрезмерный акцент на экономику вряд ли станет тем привлекательным началом для реинтеграции (на сей раз, надо полагать, добровольной) и что «экономический детерминизм» не послужит нашему сближению.

Со всем уважением к приведённым доводам и понимая, что такова задача экономистов, я осмелюсь заметить, что наше возрождение и наше взаимное понимание могут подняться на качественно иной уровень, если мы сумеем глубоко вникнуть и понять суть нашего не столь далёкого прошлого. И только проникнувшись истинным смыслом произошедшего, мы обретём возможность снять с наших глаз пелену предрассудков и очистить наши души от взаимных обид.

На форуме в Минске кто-то из ведущих ораторов попытался возразить мне вскользь, что никак нельзя однозначно рвать с советским прошлым хотя бы потому, что нужно учитывать существующий «континуитет». То есть правовая преемственность России по отношению к СССР, которую никто не оспаривает и которая является частью международного права, видимо, считается или преподносится как преграда для зрелого, мудрого и серьёзного переосмысления прошлого. А ведь именно тогда случился гигантский надлом, имевший столь трагические и беспрецедентные по размаху и жестокости последствия. И как бы мы ни юлили, я лично глубоко убеждён – нам нужно докопаться сообща до корня этого зла, не для того, чтобы возобновить взаимные упреки, а с тем, чтобы духовно очиститься и исцелиться. И лишь тогда станет возможным просветление в наших умах и сердцах, лишь тогда мы обретём друг друга в качестве братьев по несчастью, желающих взаимного добра и готовых всегда прийти на помощь ближнему и близкому народу. А это несколько иное понятие, нежели «ближнее зарубежье», являющееся, скорее, геополитическим, стратегическим, военным концептом. Без того, чтобы абстрагироваться от данных жизненно важных тем, мы всё же не можем не понимать принципиальной разницы между **правом силы и силой правды**.

А для этого точкой отсчёта наших общих страданий и бед, омрачивших кровью и массовым помешательством наши народы, не может быть взято другое событие, нежели большевистский переворот 1917 года. И до тех пор, пока политические, религиозные и культурные элиты России не решатся окончательно

но дистанцироваться от этой величайшей трагедии в истории, наши шансы на духовное оздоровление и обретение внутренней свободы, столь необходимой для познания истины, ничтожны.

Вспомним слова великого русского мыслителя Ивана Ильина, который сказал поистине сакрально-ментальную фразу: «Советский Союз – не Россия». Это чёткое изречение, конечно, было и реакцией на то, что на Западе, да и во всём мире, СССР называли Россией. И это происходило именно в то время, когда сам русский народ был поработанным, замученным, распятым народом, страдающим под гнётом красных оккупантов. Именно эта смысловая ошибка, вследствие которой народы, пострадавшие от большевистского террора, будь то в Украине, на Кавказе, в Средней Азии, Прибалтике или Польше, накопили столько затаённых или озвученных обид, является основным препятствием на пути нашего движения навстречу друг к другу. Поскольку «экспорт революции» распространялся географически с территории поработанной России, зачастую пострадавшие от коммунистического террора народы связывают все свои беды именно с русскими. И пока не произойдёт окончательное расставание русского народа, посредством своих элит, с кровавым большевистским прошлым, нам не удастся залечить наши исторические раны и взглянуть друг на друга глазами добрых соседей.

В Минске мне снова довелось услышать ностальгические нотки по СССР, а с ними и надежду, что русский язык, знаменитые художественные фильмы или Юрий Гагарин смогут служить ещё долгое время связующими факторами для постсоветского пространства. Но время течёт немолимо быстро. Всё меньше молодых людей из бывших «братских республик» владеют русским, а следовательно, не понимают ни общих культурных символов, ни тем более былых кумиров космонавтики, кино или спорта. Молодому человеку из стран бывшего СССР уже даже собственные национальные герои не нужны. Они заменены Гарри Поттером, Бэтменом, Мадонной (Господи, до чего же кошунственный сценический псевдоним!) или голливудскими звёздами. Да и мы, сами того не замечая, даже по-русски говорим, уже используя чужой сленг и имитируя массовую культуру. Вот и в Минске то и дело слышались словечки вроде «бренд», «тренд», «контент», «кейс», «дискурс» и прочие модные термины. И речь здесь не столько о неминуемых инновациях в языке, а, скорее, о бессознательном подражательстве.

Итак, вернемся к Ивану Ильину. «Советское государство – не Россия, – с горечью подчеркни-

вает он. – Эту историческую и политическую истину надо понять и почувствовать раз навсегда и до конца. Это должны сделать, прежде всего, русские люди, а затем и все народы Вселенной». Напоминая о пораженческом мире, подписанным Лениным с немцами, великий православный философ продолжает: «И когда в 1922 году было официально объявлено о переименовании России в Союз Советских Социалистических Республик, то этим была выговорена основная истина советского строя: Советское государство – не Россия, а Русское государство – не Советский Союз.

С тех пор коммунисты нигде и никогда не называли своего государства Россией и были в этом правы. С тех пор только наивные люди или же сознательные обманщики называют Советский Союз – Россией, советский нажим и гнёт – «русской политикой», советские международно-революционные интриги – «русской нелояльностью», советский шпионаж – «русской разведкой», советскую манию величия – «русской заносчивостью», советские территориальные захваты – «русским империализмом». И называя так, смешивая Советский Союз с национальным Русским государством, они обманывают самих себя и всех других».

И вот, даже спустя два десятилетия после развала СССР, многим так и не удалось понять этих простых вещей. А ведь это переосмысление помогло бы всем народам, пострадавшим от советского режима, превзойти собственные исторические предрассудки и не распространять старые обиды на русский народ. Но, к сожалению, замалчивание, половинчатое осуждение прошлого, а порой и его усиленное восхваление остаются доминирующими в правящих кругах России. Очевидно, ментальные последствия тяжелейшей коллективной травмы еще далеко не изжиты, а homo soveticus по-прежнему занимает значимое место в политической и отчасти и культурной элите Москвы. Неосоветизм как психологическое и интеллектуальное состояние так и прёт из всех официальных СМИ. А кичливое, зачастую презрительное и уничижительное отношение к новым «малым соседям» стало частью официальной пропаганды. И мало кто утруждает себя попыткой понять, а почему же новые независимые государства европейской части нашего региона с такой лёгкостью оказались в объятиях геополитических конкурентов России? От чего бежали эти народы, и почему оказалось так просто заманить их на ту сторону? И нет ли в этих тенденциях глубинных, недосказанных причин?

Перестройка и последующий развал коммунистической системы, как бы мы к этому ни относились, среди прочих, имеют два серьёзных изъяна.

ПЕРВОЕ. Провозгласив развод с прошлым, Россия всё-таки сделала только полшага на этом пути. Мумия Ленина по-прежнему довлеет над русским народом, ее зловещая колдовская сила продолжает своё пагубное деяние. Красная Площадь по-прежнему осквернена этим бесовским духом, и не найти покоя и равновесия русскому народу, пока тело этой кошмарной фигуры не будет предано земле. Только окончательно парализованному с религиозной и нравственной точки зрения человеку данная необходимость может показаться праздным занятием или второстепенным делом. Видимо, даже Православная Церковь еще не окончательно оправилась после долгого подчинения и унижения, вынесенные за время советского периода. По крайней мере, она ещё не способна оказать достаточного духовного влияния на высший состав руководства страны, если Храм Василия Блаженного всё ещё соседствует с мавзолеем Ленина, а города, области, улицы и газеты еще носят имена красных палачей.

ВТОРОЕ. Конец СССР стал в то же время знаковой победой Запада в «холодной войне». И тут победитель восторжествовал вдвойне. Произошла не только геополитическая и идеологическая победа, но и мировоззренческая. То есть, воспользовавшись крахом отживших себя коммунистических ценностей, Запад сумел с лёгкостью насадить в ослабленные умы постсоветских обществ либеральную модель с её мифами, идолами и ценностями. Либеральное общество постепенно было воспринято нами чем-то исторически неизбежным, неким подобием «Рая земного»; деньги заменили Компартию, потребление – интернационализм, массовая культура – советскую пропаганду, права человека – так и необретенную Веру.

Несмотря на огромные усилия людей культуры и Церкви, Русь Святая не стала той исторической и духовной моделью, к которой стремились бы элиты. Всё та же идея «континуитета» традиций Великой Руси, в советском смысле этого понятия, кажется, ещё долго будет лидировать в официальном дискурсе Москвы. А величие это видится во всё той же материалистической плоскости, что-то вроде США, только на нашем континенте. Нисколько не умаляя необходимости экономического развития, да и значения технического и военного потенциала, я убеждён, что истинная мощь России, которая может стать чрезвычайно привлекательной для народов бывшего СССР, – мощь духовная.

И если найдутся внутренние силы собрать весь русский дух в огромный потенциал нравственного, религиозного, а следовательно, христианского воз-

рождения – Москва как лидер гигантского геополитического проекта может стать истинной альтернативой Вашингтону и его спутнику Брюсселю.

Речь идёт об иной цивилизационной модели, об иной парадигме, об ином восприятии мира, человеческих и международных отношений. Это можно сказать и так: разрушительный «триумфальный марш» Глобализации может и должен быть остановлен, но не столько силой оружия или экономическим потенциалом, сколько силою духа. Оставаясь частью мировой политической и экономической системы, Россия должна вернуться к своим историческим корням, а без Православия этой огромной глыбы человеческой цивилизации просто нет. Следовательно, познав сполна ужасы прошлого, Россия, а вместе с ней и все народы Востока (с точки зрения принадлежности к традиции), должны вернуться к первопричинам своих бед и страданий.

И если мы действительно решили порвать с коммунистическим прошлым, мы всё-таки не должны продолжать наивно полагать, что западная модель может и должна быть удачно скопирована и реализована у нас. А чтобы в дальнейшем избежать ошибок, совершённых нашими народами в последние два десятилетия, мы должны восстановить связь времен, понять, КОГДА и КАК произошёл надлом, приведший в итоге к трагическим результатам двадцатого столетия. Я имею в виду «падение в историю», задолго предшествующее перевороту 1917-го. Возрождение (Ренессанс), начиная с XII века, Реформа, взявшая своё начало в XIV, Просвещение XVIII (с его кульминацией – Французской Революцией) и последовавшие XIX и XX века как логическое завершение победы «модерна» над «традицией», – вот звенья одной цепи, завершившиеся октябрьским переворотом.

И чтобы не было никаких сомнений в общих исторических, философских либо интеллектуальных корнях либерализма и коммунизма, я напому лишь ряд фундаментальных совпадений этих двух братьев-близнецов «нового времени»:

- **АНТРОПОЦЕНТРИЗМ**, то есть в центре мира уже не Бог, а человек; он низвергает Творца Вселенной и узурпирует место хозяина жизни и смерти;
- **СЕКУЛЯРИЗМ**, или отделение Церкви от государства, вследствие которого Церковь теряет свой духовный авторитет перед государственной властью и перед обществом;
- **МАТЕРИАЛИЗМ**, сводящий мир к видимым вещам и отрицающий его божественное начало;
- **РАЦИОНАЛИЗМ** как абсолютизация процесса познания посредством человеческого разума;

- **СЦИЕНТИЗМ**, признающий в качестве подлинных наук только естественные науки, математику и абсолютизирующий их роль в системе культуры, в изучении и объяснении всех сторон жизни общества;
- **ЭВОЛЮЦИОНИЗМ**, или **ДАРВИНИЗМ** как объяснительная теория, подменяющая собой божественное происхождение мира и человека, именуемое креационизмом;
- **РЕСПУБЛИКАНСТВО**, то есть осуждение монархии и аристократии и формальное уравнивание всех людей;
- **ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ**, то есть абсолютизация материальных потребностей общества и человека в ущерб духовных, религиозных, нравственных потребностей;
- **ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ**, то есть концепция, согласно которой мир развивается по «объективным», фатальным, неизбежным историческим этапам. Данные этапы представлены как движение по восходящей, ведущей неминуемо к «высшей стадии» исторического процесса – капитализму либо коммунизму;
- **МИФ ПРОГРЕССА**, то есть иллюзия, что человечество неуклонно движется по нарастающей научной, политической и экономической лестнице, вплоть до достижения полного земного благоденствия;
- **АВТОНОМНАЯ МОРАЛЬ**, или мораль как отражение доминирующей идеологии, а не как следование божественным заповедям. В демократических обществах религия заменена «правами человека», а в коммунистических – кодексом строителя коммунизма;
- **ПРОМЕТЕИЗМ**, или навязчивая идея завоевать мир и Вселенную, не имеющие другого предназначения, как удовлетворить бесконечные прихоти оставшегося наедине с самим собой человека;
- **ТЕХНОЛОГИЗМ** и **МАНИЯ ПОКОРЕНИЯ КОСМОСА**;
- **КУЛЬТ ТЕЛА** в ущерб духовному развитию.

Обе стороны одной и той же медали **МОДЕРНА**, западный либерализм и западный же коммунизм, прервав связь с Создателем, отошли от **ВЕРТИКАЛЬНОГО** восприятия мира к **ГОРИЗОНТАЛЬНОМУ**. В обоих случаях человек поверил, что он – сам себе режиссёр, сам себе хозяин, то есть стал поклоняться самому себе.

Эти параллели и совпадения можно продолжать до бесконечности. С подобной перспективы различия высвечиваются как менее существенные. В обоих случаях мы имеем дело с властью безбожной, для которой религия (в лучшем случае) – придаток культуры и историческое насле-

дие, или, по Марксу, «опиум для народа», пережиток старины.

Я напомнил обо всём этом лишь для того, чтобы подчеркнуть мою личную приверженность к убеждению тех авторов, которые считают, что Россия должна и может стать альтернативой Западу. Понятно, что подражательство, копирование – путь тупиковый. На то есть горький опыт последних двадцати лет. Но подобная роль сможет стать под силу России, а вместе с тем и привлекательной для нас, народов и стран, находящихся в непосредственной близости к ней, если только она будет основываться на совсем иных мировоззренческих началах, чем Запад. И здесь все мы ощущаем общую опасность, перед которой вместе устоять проще: это – **ГЛОБАЛИЗАЦИЯ**, с её претензией на тотальный политический, финансово-экономический, культурный и медиа контроль. А вместе с ней грядёт и размывание границ, религий, культур, языков, семей, экономик, экосистем и т.д.

Следовательно, русский мир или русская альтернатива должна искать союзников духа, которые лишь затем станут надёжными политическими и экономическими партнёрами. Иначе, если проигнорировать необходимость глубокого переосмысления нашего общего прошлого, необходимость искреннего **ПОКАЯНИЯ** в наших общих грехах, из которого только и может вырасти взаимное уважение и столь необходимое **ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМИРЕНИЕ**, всяческие экономические заклинания окажутся тщетными. Да, мы, молдаване, нуждаемся в российском газе и в её рынке сбыта. Но пока на нас из Москвы посматривают с трудно скрываемым чувством превосходства, а нередко и презрения, мы, как и другие народы бывшего СССР, имеем все основания поглядывать с опаской на Россию. А пока мы остаёмся узниками собственных незаживших исторических травм и опасений, Запад работает на всех парах, с тем, чтобы превратить наши страны в лучшем случае в часть его геополитической игры против России. Когда я говорю о покаянии и об историческом примирении, я нисколько не имею в виду необходимость унижения России перед пострадавшими от коммунизма народами. Напротив. Россия, как и мы, была жертвой этого дьявольского эксперимента, следовательно, ей, её народу нет необходимости извиняться.

И всё-таки первый ход должен принадлежать Москве. Инициатива любого другого государства не может иметь того же эффекта. Я всё о том же, о переосмыслении общего трагического прошлого и о предложении начать совместное духовное возрождение. И не против Запада, а для нас самих, для наших народов. Сила Евразийского мира

– в его Традиции. Это мир Православия, но это в той же мере и мир Мусульманства. Это мир сынов Господних, желающих вернуться к своим тысячелетним истокам и понимающим суть человеческой жизни в служении и добродетели, а не только в повышении производительности труда, росте ВВП и экспорта, комфорте и потребительстве. Наш мир – это мир созерцания. Именно это общее свойство Востока – предаваться созерцанию мира как творению божьему – объединяет нас. Это совсем не означает, что мы не способны к действию. Отнюдь нет. Вот только действие это должно быть следствием правильного выбора.

Вначале мы должны продумать и решить, какие именно действия необходимо предпринять и в какую сторону нужно двигаться. В противном случае, если наша политическая и экономическая модель не будет держаться на твёрдой духовной основе, на надёжной религиозной основе, шансов на успех у нас попросту нет. В этом случае можно заранее записать нас в ряды побеждённых, а значит, и порабощённых народов. И если у нас не хватит духа преодолеть собственные предрассудки, стереотипы и слепоту, значит, нет в нас достаточной искры божьей, да и воли подняться с колен, перестать молиться на Мамону и направить наш взор к Спасителю. А ведь именно подобное усилие может

стать ещё одним свидетельством нашей свободы. Выбор только за нами.

Поиск утерянного прошлого – веление времени. Вот только навыки добраться до глубинных причин приходят не сразу. «В страданиях мудреет человек». Это изречение принадлежит тому же русскому мыслителю Ивану Ильину. И сила этой фразы не в её оригинальности, а в её правоте, исходящей из опыта Традиции Восточного Мира. Настрадались ли мы достаточно, с тем, чтобы обрести мудрость древних, укрепить духом и стать плечом к плечу под знаменем Господа нашего Иисуса Христа? Возродится ли в душе русского народа святой образ града Китеж или образы массовой культуры навсегда растворили её в потребительстве, Интернете и шоу-бизнесе?

Верю, что при титаническом, общем усилии наше сближение познает новый уровень. Но только, ради Бога, согласитесь: стремиться интегрировать постсоветское пространство на основе тоски по СССР не суть одно и то же с ностальгией по утерянной дороге к Храму. В противном случае всякие разговоры об общем прошлом и благих намерениях попросту растворятся, а языковые, религиозные и географические барьеры станут непреодолимыми.

17 декабря 2012 года

Сергей АНДРОНАКИ

Родился в 1958 году в пос. Слободзея, Республика Молдова. В 1980 году окончил Харьковское Высшее военно-командное училище по специальности: инженер по эксплуатации радиотехнических систем космических комплексов. Служил на БАЙКОНУРЕ в должностях: инженер, начальник телеметрической станции, инженер-испытатель телеметрического оборудования наземных и бортовых систем космических аппаратов. В 1990-1992 годы – преподаватель в космической академии г. Санкт-Петербурга. В 1992 году вернулся в Молдову на должность военного комиссара Леовского района. С 1999 года – заместитель начальника Военно-административного департамента. В 2002 году в звании полковника вышел в отставку.

Свидание с Байконуром

(отрывки задуманных воспоминаний «Прикосновение к мечте»)

Это было в 1980 году. Окончив Харьковское Высшее командно-инженерное военное училище, я получил воинское звание лейтенанта и квалификацию военного инженера и был направлен для прохождения службы в п-скую воинскую часть, то есть на космодром БАЙКОНУР. В моем детстве все мальчишки мечтали полететь в космос, и я тоже не был исключением. Школу окончил с отличием, для меня были открыты двери любого молдавского вуза. Я же принял другое решение. Тогда мне не было и семнадцати лет, когда я с маленьким чемоданчиком отправился поступать в Харьковское военное училище, толком не зная ничего своей будущей профессии. Родители были категорически против моей затеи, надеясь, что я не поступлю. Однако к их разочарованию я легко сдал вступительные экзамены и был зачислен в училище. Даже после поступления чётко не знал, на кого буду учиться. И только после прохождения курса молодого бойца нам рассказали, что мы будем учиться на единственном в то время в СССР факультете, который готовит специалистов для работы в космической отрасли, в частности, для подготовки космических аппаратов к запуску и полёту. Я очень обрадовался тому, что приближаюсь к осуществлению своей мечты. В 1980 году я заканчиваю полный курс обучения и получаю направление на космодром Байконур. К этому времени я уже был женат.

Имея все документы на руках, мы выехали к новому месту службы. Однако попасть на космодром можно было только через Москву, причем билеты приобретались в кассе у военного коменданта. Изучив документы, он вдруг говорит, что есть

проблемы, ведь город секретный, меня пропустят, а жену нет. Услышав такое, мы расстроились, особенно жена, можно представить себе наше состояние. Что же делать? Выход один – едем поездом, а это двое суток, в самый разгар лета, стояла невероятная жара. Вечером – Алма-атинским поездом отправились в далёкий путь. Первые сутки ехали по бескрайним просторам России, переехали Волгу, на вторые сутки, когда проснулись, леса уже закончились, началась равнина, где-то к обеду впервые (не считая зоопарка) увидели на пастбищах верблюдов. Было очень душно, кондиционер в поезде не работал, и всё это сопровождалось непередаваемым ожиданием страха, что нас с космодрома вернут, ведь тот комендант сказал, что наши документы оформлены неверно. К вечеру доехали до ст. Тюра-Там (небольшая станция в степях Кзыл-ординской области Казахстана). Вопреки нашим страхам на перроне нас ожидал автобус. Без всяких проволочек привезли в гостиницу г. Ленинска, позже мы узнали, что точно таким же образом встречали и в аэропорту и никого назад не отправляли, даже если документы были бы оформлены неправильно. Оказалось, как раз наши документы были в полном порядке. Какая тут злость взяла на того коменданта, из-за которого мы промучились двое суток в грязном и душном поезде. В дальнейшем мы летали только самолётами.

Но это ещё не Байконур, это город, где живут люди, в той или иной степени связанные с подготовкой запуска космических аппаратов (КА). Наутро я пошёл представляться начальству и получить назначение.

Космодром представляет собой территорию в несколько сот квадратных километров, на которой размещены технические и стартовые комплексы для подготовки и осуществления запусков ракет-носителей с различными КА, комплекс средств с вычислительным центром для обработки результатов испытаний, пункты командно-измерительного комплекса, вспомогательные промышленные предприятия и сооружения, транспортные коммуникации и т.д.

Сейчас это многотысячный современный город с прекрасным Дворцом культуры, кинотеатрами, спортивными комплексами, учебными заведениями, детскими садами, парками. Всё руководство космодромом было расположено в самом городе, который в нашей классификации назывался 10, а вокруг города находились те самые пусковые площадки с разными цифровыми индикаторами, на которых находились п-ские воинские части и пусковые площадки. На одной такой площадке в 30 км от города под кодовым названием -1 и находился Гагаринский старт.

На службу нас доставляли специальные поезда, или, как их называли, мотовозы. Поезда уходили от специальной железнодорожной станции в центре города и строго в определённое время. Опаздывать на поезд считалось всё равно что не выйти на службу, так как добраться до работы больше было нечем.

Недалеко от первой стартовой площадки космодрома находились два небольших побеленных деревянных домика. В одном из них в дни подготовки к стартам жил Главный конструктор ракетно-космических систем С. П. Королёв, в другом провёл предполётную ночь Юрий Гагарин. Теперь они так и называются – королёвский и гагаринский. По традиции в эти мемориальные домики перед полётом приходят космонавты.

На стартовой площадке, в сотне шагов от стартового сооружения, установлен обелиск, увенчанный зеркальным шаром с откинутыми в стороны антеннами. Чуть ниже шара рельефный Герб Советского Союза и плита с выбитыми словами: «Здесь гением советского человека...»

На второй день мы с женой получили ключи от квартиры и пошли знакомиться с городом. А на улице, как в печке, температура воздуха около +40 в тени и спрятаться негде. Город часто называют Звездоградом. На центральной площади, носящей имя В.И. Ленина, установлен ему памятник. На фасаде административного здания – изображения ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции и ордена Красной Звезды. Ими отмечены выдающиеся заслуги байконуровцев-испытателей космической техники. Здесь же на площади га-

лерея почётных граждан Байконура. В их числе ученые, конструкторы, советские и зарубежные космонавты.

Несмотря на свое месторасположение, город довольно-таки зелёный. Правда, около каждого дерева проходит арык, который каждый вечер заботливо наполняется водой.

Город живёт бурной и яркой жизнью. В его домах культуры и клубах проходят отчёты художников, чьё мастерство связано с космосом, выступают ведущие мастера искусств Москвы, Санкт-Петербурга и других городов страны. Местный телецентр принимает программы Центрального и республиканского телевидения, ведёт свои интересные передачи. Славится литературное объединение, выпустившее несколько сборников «Звездоград».

Недалеко от площади Ленина – другая площадь с камнем-обелиском из розового гранита. Надпись на полированной грани гласит, что на этом месте 5 мая 1955 года военными строителями заложено первое здание будущего города. Несмотря на молодость, в городе много памятников. Нет другого такого города, где было бы столько символов космической эры.

Недалеко от магистрали, соединяющей город – жилой отсек Байконура – с техническими и стартовыми позициями, разместился комплекс подготовки космонавтов. В нём учебные классы, тренажеры, макеты космических кораблей, медико-биологические лаборатории, спортивные комплексы, гостиница «Космонавт».

В примыкающем к комплексу парке есть удивительная аллея, состоящая, по образному выражению Ю. Гагарина, из живых автографов. По сложившейся традиции каждый космонавт после возвращения из первого полёта высаживает деревце-карагач. Первый такой «автограф» в парке оставил сам Гагарин в апреле 1961 года.

На одной из площадей на высоком пьедестале висит ракетно-космический комплекс «Союз». Кажется, вот-вот поднимется он над городом и, движимый могучей силой в 20 млн. лошадиных сил, сотрясая землю и воздух, умчится в космос. Ему не суждено стартовать, но у него не менее счастливая судьба – напоминать грядущим поколениям о тех, кому космический исполин обязан своим рождением, кто научил его летать, верно служить людям. Это монумент, сооруженный в честь 25-летия космодрома Байконур.

Встреча с земляками

На Байконуре служили многие из Молдавии, как среди офицерского состава, так и среди солдат срочной службы. Первое знакомство состоялось с

таким же лейтенантом, как и я, но выпускником военного института им. Можайского из Ленинграда, который впоследствии стал моим другом на всю жизнь. Нас, молодых лейтенантов 1980 года выпуска п-ской в/ч, по приезду собрал командир части в методическом классе для заполнения анкет, и мы с Володей Николаевым по чистой случайности оказались за одним столом. В процессе заполнения анкеты по-ученически заглянули друг другу в анкету и ахнули – мы земляки, Володя был из Дубоссар. Сейчас семья Николаевых проживает в г. Запорожье. Владимир работает в космическом Агентстве Украины. Про нашу дружбу и жизнь в г. Ленинске отдельный рассказ.

А встреча с солдатами-земляками произошла тогда же, в те первые дни службы на Байконуре. Помимо профессиональной деятельности мы были еще воспитателями и командирами вверенных нам подразделений. Согласно плану политико-воспитательной работы проводили различные мероприятия, включая и хозяйственные работы. Так, в один из таких дней мне с личным составом необходимо было вырыть канавы для прокладки водопровода. Получилось так, что в подчинении оказались земляки. Однако ни я, ни они об этом не знали. Во время работы я обратил внимание на группу из трех солдат, которые оживленно что-то обсуждали. Прислушался, а говорили они на молдавском языке, причем обсуждали меня, правда, ничего обидного. Я слушал-слушал, а потом вдруг на молдавском спрашиваю, как, мол, идет работа. Тут надо было видеть их лица, некоторые даже открыли рты от удивления, у кого-то даже лопата выпала из рук. Вот такая интересная встреча произошла там, далеко от дома.

Рукопожатие с президентом Франции

В 1970 в СССР была учреждена программа ИНТЕРКОСМОС, что ознаменовало собой качественно новый этап сотрудничества стран в космических исследованиях – переход от наземных наблюдений за полётом спутников к совместной разработке и изготовлению аппаратуры для КА и исследовательских ракет. (Кстати, первый международный экипаж стартовал в 1978 году). Программа полёта каждого международного экипажа предусматривала: старт с космодрома Байконур на космическом корабле «Союз», сближение и стыковку с

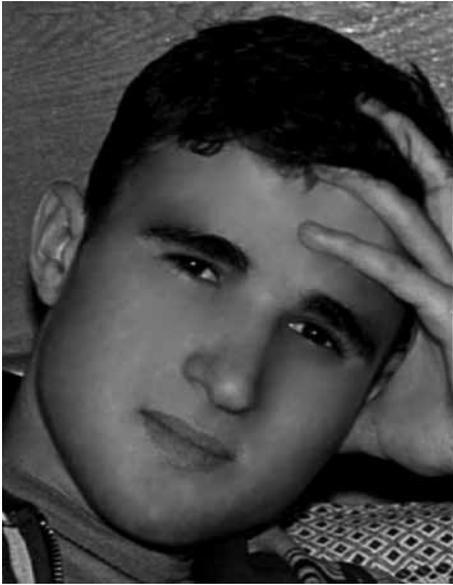
долговременной в то время орбитальной станцией «Салют», переход на борт станции, совместные с основным экипажем в течение семи дней научные исследования, затем отстыковку корабля «Союз» с международным экипажем от станции и возвращение его на Землю.

Наиболее крупные совместные программы космических исследований выполнялись с Индией, Францией, США, Швецией. Сотрудничество Советского Союза и Франции в изучении и освоении космического пространства основывалось на межправительственном соглашении, подписанном во время визита в СССР делегации во главе с генералом де Голлем. В рамках этого сотрудничества готовился уже второй полёт французского космонавта. На запуск ракеты на Байконур прилетели президент Франции Франсуа Миттеран с делегацией и семья космонавта (жена и сын). Миттерана сопровождал министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе.

В то время я был в чине капитана и работал в службе главного инженера космодрома. При возвращении Миттерана на родину в аэропорту г. Ленинска было выставлено оцепление, как всегда это делается для безопасности. В оцеплении стояли солдаты срочной службы, а непосредственно у самолёта (а прилетел президент Франции на личном президентском самолёте «конкорд») – офицеров, в их числе и я. Находился я чуть сзади и на два шага левее от официальных представителей, дипломатов. Миттеран начал прощаться с каждым официальным лицом в отдельности за руку, а за ним и Шеварднадзе. После этого Миттеран пошел дальше по цепочке оцепления, я стоял вторым, со мной он последним попрощался за руку, и тут Шеварднадзе вежливо потянул его за рукав, давая понять, что тот делает что-то не так. На прощание Миттеран поклонился всем и поднялся по трапу в самолёт. Когда самолёт начал выруливать на взлётную полосу, обнаружилось, что остался десятилетний сынишка космонавта. Самолёт останавливать не стали, а передали по радиации решение Шеварднадзе – он заберёт мальчика в свой самолёт.

Вот такой курьёзный случай произошел со мной, и до сих пор приятно вспоминать, что хоть и неосознанно, но всё же держал за руку президента Миттерана.

Евгений ТРИМОРУКА

Родился 8 апреля 1986 года в г. Рыбница. Окончил Приднестровский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко по специальности филолог русского языка и литературы. Периодически печатался в приднестровских газетах «Новости» (2002) и «Приднестровье» (2007-2009), в альманахе «Литературная Рыбница» №2 (2003), в журнале «Тирасполь-Москва» №3 (2008), в журнале «Мы» №5 (2009), №1 (2010), в журнале «Литературный Микс» №1 (8) г. Санкт-Петербурга за 2009 год, в красноярском альманахе «Новый Енисейский литератор» №1 (2010), художественно-публицистический журнал Литературный Башкорстан №10 (2010) и «Берега России» (антология писателей русского зарубежья) 2010.

Спички

Сквозь пыльное, в светло-коричневых присохших каплях жира и темно-багровых пятнах вина, с прикрытой полиэтиленом форточкой и фанерой вместо одной стороны окна стекло пробивался, освещая многие уголки комнаты, томный луч солнца. Показался пол, застланный старыми, рваными персидскими, молдавскими коврами, кое-где сравнявшимися с мокрым серым бетоном от толстого слоя щепок, мусора, окурков, ваты и перьев из-под подушек. Обои, утратившие былую окраску, местами оборванные, в тускло-присохших струйках из-под чая и кофе.

Кругом парило в луче серебристое облако пыли, которое плавно, то опускаясь, то стремительно взвиваясь к потолку, окутывало затхлым, замкнутым воздухом всю отяжелевшую перегаром и мужским запахом комнату. Переливаясь с ярко-зеленого в тусклый темно-желтый цвет, душная волна неслышно проникала во все щели и трещины вещей и мебели комнаты, в хрипящие легкие и в отяжелевшие головы спящих.

Двое чернявых юношей уже встали и, не умывшись, зашуршали непроснувшимися телами по комнате. Один отправился на кухню ставить чайник, а другой, задумавшись, затаился, закурил и, не сбрасывая пепел с сигареты, перелистывал страницы газеты.

– Черт! – услышал он сипловатый голос из кухни. – Опять спичек нет! Куда они пропадают вечно?!

– Зажигалку возьми.

– И сахару нет, – гневно произнес ставивший чайник, вернувшись и поудобнее располагаясь на диване.

– Давно нет, – услышал он в ответ уравновешенный, равномерный голос хозяина квартиры, который, словно задумавшись над взволновавшей его статьей или высказыванием в газете, не поднимая головы, сосредоточенно тербил пальцами по столу. Друг недовольно обратил на него внимание, но, видимо, не очень заботясь о его мнении кроме своего и привыкнув только к звуку своих забот, сбросил пепел на пол и со свистом затаился.

– А я без сладкого не могу, – добавил он через некоторое время, – иначе тошнить начнет...

Но читающий не продолжил разговора и, не сбивая пепел, ухватился за голову, внимательно изучая содержание статьи.

– Н-да, – раздосадованно промолвил собеседник, тут же вскинув голову в сторону скрипнувшей входной двери.

– У вас не заперто, Ирас, – прозвучал голос появившегося на пороге высокого, жилистого мужчины с большими черными бровями, сросшимися на переносице. – Как всегда, – тряхнул он давно не стриженными цветами смолы локонами, подходя ближе к столу. Сидевший на диване все-таки встрепенулся, но тут же осел, наблюдая за гостем, который беззаботно ворвался к ним в квартиру. Ирас даже не пошевелил бровью, давая понять, что занят.

– Кого бояться?! – не поднимая головы, заметил он бесстрастно.

– А на улице не стоит показываться – духота. Два пожара на моих глазах... – сверкнул он пожелтевшими зубами, – вот и подумал заскочить...

– Ник, не мели ерунды, – отрезал хозяин.

– Ладно, ладно – раскусил. Долго ли тут, когда столько друг друга знаем, размахивая руками, улыбнулся гость. – А кто там дрыхнет, в уголке, словно неприкаянный?

– А, как воробьи прилетели, он и объявился.

– Как воробьи?

– Или жиды, – вставил свою фразу безмолвно сидевший на диване друг Ираса, который опешил вначале при виде гостя: на лице появились озабоченность и тревожная искра, как у людей, с трудом понимающих происходящее. – Ты, Николай, редкий гость... А с зимы воробьи и прилетели.

– Скорее, боровьи... тезка, – задумчиво произнес гость, пристально наблюдая за спящим на кушетке. – Но от него так разит?!

– От всех разит, – холодно ответил Ирас, слегка метнув взгляд в угол, но тут же вернувшись к заинтересовавшему его любопытству заголовку. – Привыкли... Ты объясни мне, Ник, как тебе по вкусу война?

– Какая вина?

– На войну... Вот здесь статейка... Говорят, снова будет... Последняя, наверняка.

– Конец света близок, – вскричал неожиданно сидевший на диване, – но я не пойду на войну: у меня истерия. Я бы еще не воевал! За кого, для кого? Вот, снесли великую стену, так? Я ее обязан снова отстраивать? – причитал Николай. – Иголки нет?.. – успокоенно спросил он через некоторое время. – И нудит меня не по-детски, ведь желудок у меня испорчен. Меня всегда тошнит. И от мысли о портянках и окопах всего крутит. Ой, тяжело, пацаны.

– Дурень ты, Кол, сегодня другая война – информационная. А таких, как ты, что мусора в моей квартире. Хоть и удобно.

– Верно, Ирас, верно. Только война стоит того, чтобы меньше нас стало, а значит, не грозит перенаселение. И экология чистая, и мы больше проживем.

– Мне бы сегодня пережить, чего большего желать? – завопил Кол, потирая под майкой живот.

– Сходи лучше за водкой, – неожиданно предложил гость, вытягивая бычок из рук задумавшегося хозяина, – жжет изнутри, хоть вой.

– Не могу, ноет все...

– Заодно и в аптеку сходишь, а лучше хряпнешь с нами, – не унимался гость, – все веселее будет.

– Пожрать бы лучше, – крикнул хозяин, скрываясь в кухне.

– Обойдетесь, – резко перебил гость, потушив бычок о стол и внимательно поглядывая на спящего. – А не попросить ли вашего нового дружка? – затянул он хитровато. И, не дожидаясь ответа, незнакомец приблизился к спящему на кушетке: – Эй, брат, вставай, дело есть.

– Значит, не сон, – блеснула первая мысль у Чиркина, увидев улыбку гостя, – а зубы-то, а зубы, как йода напился. Черт, и еще раз черт. Как надоело просыпаться с проклятиями всему миру, и то, что он скучен, тоже надоело думать.

– Брат, вставай, дело к тебе, – услышал он зудящий голос, обращавшийся к нему, словно из другого измерения. Чиркин все еще не хотел верить, что он просыпается.

Ближе к окну стоял стол, покрытый листами пожелтевшей газеты, с открытыми пластиковыми бутылками из-под пива и дешевой водки, с недоеденной закаткой икры, затвердевшей горбушкой хлеба и ссохшимся хвостиком колбасы. Несколько жирных вилок, два ножа (один проржавевший, другой – без рукоятки), алюминиевая ложка, одноразовые стаканчики, кружка, чашка, тарелки со следами макарон, пустые пакеты майонеза и кетчупа, костями сельди – и все в крошках хлеба и пепла. На подоконнике стоял масляный, словно перегоревший, чайник. Несколько упаковок крупнолиствого чая и верх дном перевернутая сахарница; блюдечко, переполненное пеплом, лежала рядом. Кое-где попадались скелеты вечно домашних животных. Порой появлялся припозднившийся ночной гость, усики которого вяло двигались в поисках лакомого кусочка в разные стороны, словно зондировали местность.

Ленивыми движениями проснувшийся подошел к столу, глотнул чая из стакана; несколько секунд пощупывая что-то в карманах, смотрел в окно, затем достал спички и сигарету, медленно подкурил и направился к двери.

Он что-то чуть слышно прошептал, придав своим словам несколько чужой оттенок. И, не обращая внимания ни на кого, в облаке сигаретного дыма, ощущая на затылке их взгляды и липкую одежду на спине и на животе, отправился в ванную.

– Снова трубы меняют, – размышлял он, повернув желтую рукоять крана и все еще засыпая на ходу. В животе заклокотало, воздух тяжелел, раздирал горло вкус табака. Полилась ржавчина, тень которой черной струей текла по эмалированной ванне. Шум воды вводил вновь в дремоту. Чиркин прислушался к потоку, к биению сердца тяжелого пульса в висках, прижал к ним длинные, как циркуль, пальцы, и все еще не отрывая взора от стремительных желтоватых брызг.

Откашлялся через силу, избавляясь от комка, застрявшего в горле. Сигарету положил на ванное зеркало и, закатав рукава, потянулся к мутной воде. Руки похолодели, летняя влага проникла через кожу, каменную голову бросило в жар, закрытая душевая кидала в пот, а за дверью – солнцепек, спертый, затхлый воздух, полиэтилен, сигаретный дым, застоявшийся мусор.

«О чем они говорили? – всплыло в его хмельном рассудке. – О войне? И школьник разберется – достаточно беглого взгляда: девятый, двенадцатый, четырнадцатый... – Путались у него отрывки фраз и выражений. – Те же революции... Паника, суматоха, смешение, брожение начинаются в конце века. Именно, в конце. Агитации, прокламации, призывы, лозунги. Апогей, высшая точка, приходит на начало столетия – и вновь пришли к разбитому корыту. Не то... Другого хотели. – Обильно набирал он в ладони пропущенную воду, подолгу задерживая ее перед лицом, не всматриваясь в свое отражение. – И я не то хотел. А что я?.. – он ощутил влагу. – Затем оттаивание, отсеивание, очищение. Все переходит в иное русло, иной поток, отголоском доходя до наших больных ушей и водяных взоров. Взоров, – подумал он, впервые обратив внимание на два дерзко горящих карих огонька. – Еще война... и еще. А там – безвременье, хаос, молчание. И еще раз выдвижение позиций, теорий, установок, взглядов, накопление сил – и всплеск, и выплеск!.. И что? Итог снова печален. Не то... – Отстранил он руки от воды. – Шестнадцатый – не позже. Хотя, может быть, новое тысячелетие принесет что-нибудь... новенькое?.. Хотелось бы верить. – Нащупывал он полотенце. – Конец света? Вряд ли. Если придет, то лишь тогда, когда его никто уже не ожидает. Война, только война возвращает человеку его первородный облик, подобие даже человеческого. Облик утерян навсегда и бесповоротно: скотского больше. И когда я стал так думать? Думать. Снова думать. Проклятый мир и скучный. До чего скучный! – Отбросив тряпку в сторону. – Ведь есть и мирное время, относительно? Не ощущаю разницы: сопят, хнычут, показывая, словно хвастая, свои болячки, как тот, судорожный. Кол, что ли? А я? Я здоров... Черт с ними, с легкими, с желудком, с сердцем! Ничего не делаю, так для чего же они нужны? Но я же не против войны, поэтому она меня не застанет. Но попробуй, докажи твердолобым, что земля круглая? У них все еще на черепахах...ах держится, – полоская рот, урчал Чиркин. – Война – огонь – смерть, или рождение, воскрешение? Огонь – символ прогресса. Символ мужчины. Символ Прометея и... дьявола. Какая грубая ирония. Хотя нет. И солнце – стихия мирового огня. В малых размерах огонь подвластен человеку. Но в больших. Вот и спички... порой зажигаются, порой нет. Есть разные... Какой символ, маленький, удачный. Человек в кармане носит дьявола. И сколько судеб? Кто знает, что раньше в состав спичек входил белый фосфор? Кто знает, что при смешении с водой образуется ядовитый клей, который не раз применяли самоубийцы? Но и это не страшно. Самоубийцы – что там у них, здоровые ли они, или нет – другое дело. Какие болезни появились благодаря этому клею. «Благодаря» – дарить благо. Выпадение зубов, опадание носа – это дать благо? Прогресс не может без жертв, даже при такой маленькой составляющей, как коробок спичек. Целое состояние, как и одноразовые стаканчики.

Спички – это символ величия человека над стихией и над властью дьявола. Хех, я же не верующий.

Да, когда-то я хотел написать аналитический очерк или статью. И получалось изящно. Может, ничего новенького, но зато в более сжатой, тонкой, не расплывчатой форме. А кому и время, и силы пожертвуешь? На наученных суровостью жизни? Зачем им? Не любят они, не нравится им, а кому нравится? Многим не нравится, но терпят: есть же своя тяга, свой интерес. Нет же, им в бровь ударь, в рот положи. У них трава должна быть только табачного цвета. Нет, им я ничего не скажу, как плюнуть в воду или подуть на ветер – ничего не изменится, – заключил Чиркин, концами ногтей отыскивая бычок сигареты. Обнаружил он ее затушенной на полу. С недоумением поднимая сигарету, Чиркин мокрыми руками прикоснулся к карманам брюк. – Загорится ли? Полотенце, чтоб его... – И, на ходу играя пальцами со спичечным коробком, чтобы не тронуть краев, возвращался в комнату, где его уже с нетерпением ожидали.

Зажгутся ли?..»

Набекрень склонившийся шкаф со следами от острого ножа на двери, календарный плакат, изображающий грудастую девицу в обнимку с мужчиной; на гвозде висевшая связка ключей и рядом приклеенной, почти заплесневевшей жевательной резинкой. Диван с затасканными, беспорядочно скомканными

простынями и пододеяльниками, образующими бесформенную свалку; пропахшие перегаром лоскутки одеял; наволочки в следах грубого тона, пуховик, полушубок, шапка-ушанка. Несобранная раскладушка покоилась по другую сторону комнаты с бесчисленным количеством рубашек, штанов, покрывал, залепленных уличной грязью и травой; пустая, скомканная пачка из-под сигарет и полуоткрытый спичечный коробок с пеплом и окурками. Под диваном и раскладушкой вразброс лежали битые осколки стекла, бутылки, засохшие луковицы и картофель, пустивший корни. Несколько банок из-под тушенки и паштета, закрутки огурцов и помидоров, жестяные миски и тарелки с остатками пищи, а под диваном еле заметно видны старая, помятая кружка, чайная ложечка, с заломленным зубчиком вилка. Ко всему примешивались пробки, перья, обломки земли с подошв, части прищепок, медные куски ржавеющей проволоки, гайки, растоптанные тела тараканов разных возрастов и даже плюшевый волк с оторванными передними лапами и без правого глаза.

В самом дальнем углу картонная в один кусок тряпка, бывшая ранее пледом, полушубок, застланная на голом полу лежанка. Возле нее аккуратно собранные в маленькую кучку пригоршня табака на черной обложке журнала с портретом девушки в стильном черном пиджаке и прожженной сигаретой правым зрачком; клочки бумаги, старая расческа, кусок хозяйственного мыла и зубная щетка.

– Что ты так долго? – скривив губы, с возмущением произнес гость. – Иди сюда – выпьешь.

Чиркин подошел к столу, на котором уже стояла полувыпитая бутылка домашнего вина.

«Черное вино. Прошлогоднее, видать. А почему я не написал очерк-то? Пошел же консультироваться для точности и выразительности к журналистке одной. А как встретила, пышная такая, румяная».

– Скоро за квартиру платить?

– Ирас, цинтрамончика нет? – не унимался Кол. – У меня от вина снова голова разболелась.

– Анальгин только, – отвечал хозяин обоим, – родители обещали скоро прислать...

«Крепкое. Нет же, пришло ей в голову... выпить, разогреться, так сказать, разговориться для тона... Сбежал ведь. Ни слова о деле. Дурак? Дурак. Хватило же духа... или слабость? Я сбежал, жена приняла... не меня. Останься я у журналистки – и ничего бы не узнал. А жена... перед дочерьюхватило ей наглости».

– У меня все желудок сводит.

– Бросай пить... Держи, твоя очередь, – проговорил властно гость, подавая стакан.

«Нашли же... Бензин бы еще принесли, Кол хоть желудок бы себе прочистил. Так бы и жили, так многие живут, так многие считают правильным: ты мне, я тебе, ты у меня, я у тебя. Нет, правильно, зачем голову себе ломать: я сегодня у одной, она у другого. Кто виноват? Я виноват: не по-мужски, не по-бабски, зато по совести, как смог, на что решился. Мог остаться у чужой – ничего бы не знал, мог у родной остаться – перетерпел бы. Нет, сбежал. Правильно? Что врать: и семья – не семья, и муж – не муж...»

– Дрянь! – прошипел Кол.

– Не кривляйся. Лучшего не сыщешь, – назидательно сказал непрошенный гость.

– Снова я... – Вертелось у Чиркина. – Дочку зачем оставил? Почему не забрал, взрослая уже – в первый класс пошла – поняла бы, согласилась. Обоих бросил. Или стоило терпеть? Скорее, насиловать себя. Надо же, сбежал. А, казалось, никогда не решусь на подобное: учился десять лет в школе, четыре в институте на историческом, отслужил, вернулся назад, женился. И что? Так бы и дожил до пенсии. Ни шагу в сторону, ни шагу назад – боялся, а знал, что тесновато. Не узнай об измене, так бы и прожил до конца. Сбежал, тоже нужна выдержка, чтобы не вернуться хотя бы. Нет, против нее нет мне оправдания». Будьте здоровы... – в руках снова показался спичечный коробок.

– Может, еще сообразим?... – спросил гость, искоса взглянув на Ираса, затем на Чиркина, что первый и второй заметили.

– Душно же, – запричитал Кол, единственный, кого больше всех беспокоила погода – говорят, удар солнечный поймать, как раз плюнуть.

«Излучение? Каждый год одно и то же».

– Жарень невыносимая, – не унимался Кол, – железо плавится, ты сам говоришь, что пожары да обмороки и посылаешь еще.

– Да, мусорку подожгли, хуже некуда – кругом вонизма...

– А я женщину недавно видел в обмороке – никто не подошел. Никто и не подойдет...

«Как всегда...»

– Я пойду, – произнес Чиркин так, чтобы ему не пришлось повторяться, пряча спички в карманы и бросая сигарету на грязный пол.

Солнце палило с утра. Бессмысленно и беспощадно. Предметы, как пугливые животные, оскалившись в жестокой либо извиняющейся, почти ускользящей усмешке, расплывались перед глазами. Наворачивались тупые слезы. Эта тупость передавалась во все и всему в каком-то не закономерном круговращении: в улицах полупровинциального городка (если есть такое в обозначениях городков), в заторможенных домах, в замедленном шорохе деревьев.

Люди бродили по улицам, как надломленные тени, плыли в никуда. Меньше всего им хотелось двигаться, еще меньше появляться на улице.

Хозяином-тираном в этот день явился сам день. Солнце! Оно освещало бреши окон. Те окна, которые кажутся обыкновенными в любое время суток и ничем не выказывают своего характера и лица. И только теперь, с этим прямо бьющим солнцем окна показали свои черные дыры, темное брюхо бездны. Эти окна, как пыль в комнатах при ярком освещении. Они могут быть с разбитыми стеклами, из полиэтилена, из фанеры, но самые угрожающие те, которые кажутся вымытыми и без занавесок, которые непонятно чем закрыты.

Чиркин вышел на улицу в старой, давно не стиранной черной майке, которая теперь походила на половую вылинявшую тряпку. Но у него не хватало сил обращать на это внимания, стараясь всю волю вложить в ноги, чтобы дойти до магазина. И все же на минуту он остановился отдышаться, откашлялся, поглубже вдохнул горячий, обжигающий воздух – и ощутил резкую, рвущую боль в груди, казалось, что доля, и они, легкие, разорвутся изнутри. Постепенно, не спеша, маленькими глотками Чиркин восстановил приток воздуха в легких, но ясно осознавал, что не может вдохнуть на всю мощь, намного больше. Он шел, как больной, ссутулившись, шаркая ногами, иногда искоса поглядывая по сторонам на дорогу. На тротуаре собралось около десятка воробышек, которые в каком-то необыкновенном природном танце крутились вокруг своих хвостиков, кувыркались в пыли и непрерывно чирикали, словно никого кроме них нет в целом мире, хотя, по сути, если посмотреть на пустынные улицы, то да – вся поднебесная твердь принадлежала сегодня им. Солнце уже огнедышащим драконом разгоралось над головой. Язык прилипал к небу.

– Зря выпил вина – еще больше сушит, а вначале вроде как полегчало, почему и отправился, – размышлял он, невольно устремив взор в сторону постройки, где трое загорелых мужиков без футболок делали кладку. – Вот так, – шевельнулось в его хмельном мозгу, – я старый, иссохшийся генетический код, унизившей себя нации. Я молдаванин по крови, по национальности и... по диагнозу. Во мне кровь моих предков, но кто они, какие? Сильные, слабые? Массовое сдвижение умов на почве жратвы и питья, – причмокнул он, ощущая во рту липкую сухость. – Я чуть не задохнулся собственной пуповиной при рождении, когда отец уж бросил мою мать, а она в муках умирала. Для нее дать жизнь еще одному человеку являлось редким даром или шансом прожить еще немного. У нее не вышло и... Но я родился, я желанный человек, я требование природы!.. Пусть, пусть, пусть... По рассказам сестры, она умерла бы и так. Но и сестра натолкнулась на безнадежно несокрушимую стену: я оказался сплошным ступором. А как воспитывать человека, когда он сам ничего не понимает, не желает, да еще замкнут в себе. Если бы хоть что-то во мне... Но нет – я просто не разговаривал долгое время. Когда же она вышла замуж и у нее появились детишки, я остался сам. И я принял все как есть. Все забивал себе голову зубрежкой, надеясь, что после дойдет. Дошло, да уж поздно, – прошептал он, открывая дверь минимаркета, откуда тут же повеяло свежим воздухом, – хорошие вентиляторы. Взяв две бутылки водки и кое-что из закуски, Чиркин вышел вновь на улицу. Спичечный коробок соскользнул из влажных рук. Чиркин, слегка притупив взор на безжизненном предмете, наклонился.

– Да, я твердокаменный, заблудившийся в предрассветных проблесках солнца гриб. Мой стержень из мягкого и хрупкого металла, не ржавеющий, неизнашиваемый, но и не твердый. Но нет – я не заблудился. – Огонь снова вспыхнул в его руках. – Как можно забрести в никуда, не сделав шага? Я все еще жду красную полосу горизонта. – Остановился он перед палящим солнцем, словно ожидая, что оно его испепелит, словно бросая ему вызов, жаждая столкнуться с ним. – Как глупо, – подумал он. – Я стою на месте. Я даже не истукан, не идол: мой камень еще не найден в недрах земли, мое дерево еще не проросло. А чтоб найти, нужен шаг, нужен путь. – Чиркин открыл дверь квартиры и, никого не видя, ни к кому не обращаясь отдельно, произнес:

– Я сейчас – душновато, – отправился в ванную. – Вода ржавая. Сладкая... Стоп, стоп... Я все еще плаваю на поверхности, как... Градус, где градус? Сбить мысли, перезагрузиться, как говорит студент, переродиться. Что там за крики? – кто-то за стеной, пытаюсь приглушить кашель и отрыжку, издавал тихие, но характерные вопли и стоны. Тяжело отдышавшись, процесс вновь повторялся. – Мужик, что

ли? Нет. Баба. Баба? Что там? Девочка? Зачем она пришла, чего хочет? Дура. Кто ее привел: Ирас, Кол, Ник? Сволочь же, знает, что с ней! Или не знает? Дура-дурую. Ищет ведь тоже на свою голову или... Как противно, как низко видеть их. Но что же, сиди, пьянствуй, лежи, грабь, кружись волчком... и... и убей. Да, убей, что таиться? Признайся себе хоть раз в том, чего ты желаешь, чего ты хочешь, и не ищи себе оправдания. Спускайся вниз... убей – последний шаг в никуда, на дно. Убей черный дух, черное семя, черный гриб. Улыбайся черными зубами, говори черные слова. У меня в крови черная смесь саж и пепла, черная батрачья воля. Чернь, черти, чернь... Дура. Мужа, значит, ищет. Здесь и себя, и его... убьет. И она убийца, а кто узнает.

Чиркин услышал музыку, возвращаясь из ванной.

– Кто радио принес? – поинтересовался он, увидев изумленные лица за столом.

– Я, – ответила девушка надтреснутым голосом за его спиной. Чиркин повернулся: бледность девушки бросилась ему в глаза, он постарался незаметно взглянуть на ее живот, но признаков особых не заметил.

«Может, показалось или так отравилась – в такую жару мало ли?»

– Да, мы разнежались слегка, пока тебя ждали, – проговорил Ирас, – провинциальную волну нашли... Крутят тут повторные передачи. Думали, снова старье включают, так нет, там мальчишка какой-то стишки свои читал. За душу берет.

– Молокосос... – прошипел Кол.

– Все равно. Разнежил. Высоковато он, конечно, взял. Но пробивает, нашел же слова...

«С ума сойти можно. Прирежут, не посмотрят, а туда же. И не плюнете даже в его сторону, и имени не спросите. И я с вами». Жаль, что я не послушал...

– Глубоко влез, – с тонкой ноткой нежности и умиротворения произнес Ирас.

– Все, хватит. Водку жрать будем или нет?.. Холодильник сломался, поэтому придется пить теплую.

– Жара-то какая...

– Ничего, – бодро, словно свеженький, как с утра, произнес Ник, – главное – не думать.

«Пока трезвые... почему вредно?.. Нет литературы... нет настоящих писателей, а что они нового придумают? А есть ли читатель?.. Вот трое и я – мы читаем? Черта-с-два! Некому читать. Все образованные. Но ничего. Придет время, когда все сократится до минимума, и вернемся мы, как всегда, к тому, с чего начали. Все возвращается к своему логическому итогу... или началу. Спыхватятся – снова возьмутся за дело»?

– Я тоже стишки писал, – невзначай как бы вспомнив, сказал Кол, – ничего не вышло.

– Правда? – промурлыкала девушка, подхватив стакан у гостя.

– Конечно, – с похвальством отрекомендовался он, – но во дворе посильнее хлопчик жил. Он – да, мог бы стать известным.

«Поднадоест, и человек снова обратится к старой религии, к древности, начнет искать свои корни. А писатели и есть древность. Хотя, зачем мне? Какое дело до них?»..

– Что же случилось? – с интересом спросила девушка, закусывая.

– Сгорел...

– Как сгорел?

– Просто...

«Послушали радио – утешились и забыли», – не вслушиваясь в разговор, рассуждал Чиркин.

– Пей, – услышал он слева все тот же зычный голос Ника и, не оборачиваясь к нему лицом, взял стакан, подавил кислоту во рту и выпил.

«Девушка на жену похожа»...

«Душно, а я мокрый, – думал Чиркин сквозь сон. – Черные люди, рабы, батраки. Куда вы пришли, к чему? – Рисовалась ему картина с тремя рабочими возле магазина. – Студент, чернорабочий и вор. Я знаю, что он вор, я знаю, что ты вор. Глупые, невежественные, а туда же прут. Предатели. А я не предатель? Ты – лицемерная струя загаженного зловониями некогда чистого источника. Не испив влаги, вдохнул пыль. В горле першит, жжет. Паленая водка, наверное, и вино прошлогоднее. Что так сжимает в груди, я же ничего не сделал. И пусть горит все ярким пламенем – я не рвался к спасению своей души, своей жизни, тем более человечества. Я мелкий, а значит, другим в руки, кто о себе мыслит как о спасителе. Пусть вам. А я задохнусь, захлебнусь, подавлюсь в ваших мирках, в ваших тайниках. Огонь, откуда огонь, сжимающий, испепеляющий? Где его начало, что рвется из меня так, куда стремится, бунтует против чего. Воды... воды, – Чиркин открыл глаза, осознавая, что он на лежанке».

– Проснулся, – услышал он, – тебе вредно пить: все кровью испачкал.

– От жары, наверное, – как холодный воздух ворвался голос Ираса в сознание Чиркина, – и вина ты потерял сознание. Мы даже не заметили. Кое-как перенесли тебя.

Чиркин притронулся к голове, нащупал повязку, но, не придав особого значения, стянул и положил рядом.

– Но что так смердит? – взревел чей-то незнакомый пронзительный крик, – ваш-то друг, видать, болеет, – более спокойно продолжал Ник. Девушка подавилась водкой от смешка и прикрыла рот ладонью. Чиркин вскользь посмотрел на всех: Ирас рылся возле дивана, затем принялся тщательно взбивать подушку, Кол с неестественной задумчивостью всматривался в него, а Ник с кривой усмешкой в уголках губ нашептывал что-то девушке, показывая на Чиркина своими черными маленькими глазками.

«Похожи-то как. Раньше не замечал. Черные все, одного роста».

И, уже не обращая ни на кого внимания, без слов вышел из комнаты.

– Да чтоб вас всех, – бросил он мысленно им в проход, – что с вами делать... уйти от вас? Стоп, – прижавшись к холодной трубе в ванной, закрыл глаза Чиркин. – Я всегда порывался уйти, но почему, зачем, отчего? Рамки... Я женился или меня женили? Как я с ней познакомился? Первая встреча... сессия... подруга невзначай уходит из дому. Конечно, привет, в двенадцать ночи, наверное, в библиотеку... или за тетрадками к другой подружке?.. Я не первый... или я первый?.. И что там за шум – снова бунят? Мне бы их заботы, хоть и своих нет. От них уйти? Почему я остановился? А как все же она меня... я же хотел позже десятки раз развернуться и уйти. Просто, без слов. Десять лет в школе, четыре в институте, два в армии, восемь в браке – и рамки, рамки, рамки, которые я не терпел, а перекачивался с одного бока на другой. Я дремлющий. У меня нет запала? Не знаю!.. – Устало развернулся он. – Не знаю... Они душили меня сквозь сон, но отчего я не просыпался? – Повернул кран. – Те трое: Ирас, Кол и Ник – беспредельщики самые натуральные: судорожный и не вспомнит о желудке, когда нож под ребро воткнет кому-нибудь, новенький – совсем отмороженный, может, хозяин, он студент?.. Ирас, почти женское имя. Нет, безразличное животное, даже бровью не поведет, когда рубанет по голове. Но у них нет рамок, поэтому возле них испытываешь страх... Страх... Я бы дожил до пенсии, порывался бы уйти еще сотню раз, пытался бы бросить все, но так бы и остался топчущимся на месте, незаметным середняком без воли и голода, молчаливым растением. Но я ушел. От нее? От себя. От себя? Нет, мой побег в поисках себя: я родился в тот момент, когда душа затеряла меня в списках новорожденных. Видать, у кого-то две души. Я бы попросил у него поносить оставшееся время жизни. А Ирас, видать, свою книжку прятал под подушку, чтобы никто не знал. Стесняется... Но ты будешь жить иначе, Чиркин. И как? Без рамок, как те, которые там хлещут водку и режутся в карты почти с утра до вечера, живя только сегодняшним днем, думая лишь о жратве? На что? Я не святой, но где мой жертвенник? Тоже свое ныкают по углам да по карманам. За пазухой хранят свои кресты. Чувствую, что не плотник, не повар, не сторож, не водитель, но где? Пьяница я, вор, а завтра убийца. Предатель? Чего, кого? Я не помню школы, первой встречи с женой, рождение дочери. Смутно все, словно бы не я. И чем я лучше других? Вчера она мне так улыбнулась... Ничего в тебе нет. Ты – призрак ночного фонаря, ты сбежавшая тень дворника, ты – четвертый цвет светофора, ты однотипный облик деревянной статуи в анфас. Нет рамок, кто же ты? Все... хватит... где полотенце?

Когда Чиркин показался в дверях, он почувствовал какой-то новый атмосферный запах, который изменил всех собравшихся людей в один день.

– Сколько лет исполнилось Пушкину? – спросил Кол, от чего Чиркин даже вздрогнул.

– Разве вчера читали Пушкина? – тут же поинтересовался он.

– Для кого завтра... Читали одну статейку... Название не помню, но что-то сравнивали прошлое и нынешнее тысячелетие... На салфетки употребили, – но Чиркин, подсаживаясь к столу, где появилось еще несколько бутылок водки, уже не слушал Ираса.

– Образованные собрались, – не выдержал Ник.

– Все образованные, – ответил студент.

– Я-то уверен в себе, а сцыкуна вашего что-то не разберу.

– Отчего ты так на него?

– Он... он какой-то... нет... даже не другой... он какой-то третий, словно лишний, но его никто не гонит. Он и есть, а повернешься – его уж и след простыл. Он как черная дыра, то здесь, то там, как бермудский треугольник – в нем многие себя теряют. Хорошо, что у них нет разума, у неизвестных вещей.

А если есть. Они проглотят все и вся. Он проглот, который движется по инерции, а такие люди самые опасные.

«Молчи, молчи. Пусть говорят. Не пей... пей... Не пей... пей... Но молчи... молчи. Пусть базарят, трепяся, разглагольствуют. Пусть делают все. Что им вздумается, а ты молчи, молчи. Что они понимают? Закрой рот».

– В тебе водка говорит, – защищал Ирас.

– Ты меня знаешь, не первый день замужем. Он опасный только для нас, как ты говоришь, образованных. Их и раньше топили, и сейчас надо. Они...

– Я считаю, что есть люди первичные и вторичные, есть и последние, есть и другие. Но в категорию особенных, точнее странных, входят иного пошива люди. Особенности есть самая вычурная категория, потому что у них нет категорий. Они – самовиты. Каждый целая категория, своя статья. Они и все, и ничего одновременно.

– Пить меньше надо, больной. Пора идти, – перебил Ирас, – я устал от вашей болтовни, напридумываете... – запнулся он, заметив хитрую, замысловатую улыбку Ника, от которой его внутри всего перевернуло, как ток прошел сквозь него. – Идем, – через силу добавил он.

– Куда? – удивился растерянный Чиркин, вновь опорожня стакан.

– По дороге расскажем, – приснул Ник и, как ни в чем не бывало, словно только что он говорил не о нем, о Чиркине, улыбнулся.

– А Пушкин?

– Пушкин – вчерашний день, – как всегда холодно произнес Ирас, выходя из комнаты, – вот, лучше покури.

Дверь открылась, опустошая третью стопку подряд, Чиркин пошел за всеми. По пути взяли еще и еще... Мысли дергались в разные стороны. Чиркин уже не обращал внимания на количество стаканов и шел позади всех.

«Я старая электрическая плита, – размышлял он, от чего-то отталкиваясь в своих глубоких отяжелевших мыслях. Он подходил к чему-то важному, но скопление всего сбивало его с толку. Он замедлил ход. – На меня поставили пустой котел и наполнили водой. Закипать-то он закипает, но медленно. В такую жару куда-то еще идти? Я с ума сошел или они. Себе же знают цену, знают, чего хотят, так чего прут неизвестно куда? Закипает внутри. Котел – голова, в котором плавают мысли, и, чем дольше я включен в розетку, тем яростнее накаливается котел. Мысль бурлит, испаряется, уносится в воздух и где-то снова падает, превращается в лед, пока он снова не попадет в котел... другой, третий, крепче моего. Я добавляю в кипящую мысль специи и ингредиенты – все, что есть у меня, и готовлю наваристую, питательную смесь. Главное – терпение. Доварить борщ, и готово. Но у меня нет терпения, нет опыта. Вот вскипает, выкипает, я придерживаю выключатель – и все усилия тщетны. Я начинаю заново, но приправы недостаточно – снова недодоварил. На моей кухне нет больше продуктов. Человек есть кухня, сплошная, закопченная или сияющая кухня. А холодильник – его память, где хранятся его блюда: чужие мысли, искусственные, фальшивые, накрученные, природные, переработанные, отравляющие, полуфабрикатные. Но холодильник нужно пополнять и опорожнять, иначе, как мне, нечего бросить в котел. Но у меня нет холодильника, у меня заплесневевший, затхлый погреб, в котором ничего нет. Пока ничего нет. Пока на кухне лежали специи и продукты – готовился суп, но теперь их нет, а вода кипит, бурлит, но... в пустую. Я ничего не положил в погреб, нечего туда и спускаться, нечего предложить умного гостям. Жена приготовила, наверное. Будь там хоть что-то, разные виды еды, приготовь я борщ – положил бы его к другим блюдам, наутро бы снова взял, по усмотрению. И угостил бы кого. Утро... скоро. Нет, показалось снова. Занесло же меня с ними. А день-то хоть какой настает? Траурный день... и день рождения – только и помню...»

«Что... о чем они говорили? Куда идти? Если так... Теплая в стакане, горячая внутри. Ни ветерка, ни дождика, а если пронесется автомобиль – обдаст огнем с пылью, совсем потеряешься. Нет, их надо остановить. Лучше вернуться – нехорошее в небе пятно. Больно смотреть. И девочка с ними. Куда она? Еще немного, и я сам свалюсь, а она, дурочка... дочурка ж у меня родилась, маленькая такая. Я ж ее из роддома на руках принес. А ноги не мои... что? Домик? Где мы? Разговаривают, опять разговаривают и о чем? Я их не понимаю, никогда не понимал, не хочу понимать. О чем они говорят? И бабка откуда взялась? Подозрительная, сварливая. Студент смотрит устало, наверное, я такой же. Но с искринкой он странной, видимо, задумал что. А Кол присел возле куста, в яму провалится. Тошнит его... и меня... Нет, стоять, стоять. Держись, Андрей. Не садись. Сядешь – ляжешь – не встанешь, а кто поможет?.. А

костлявый где? Я видел его улыбку с йодом на зубах, мелькнула. Черный затылок... Снова говорят. Где девушка, где бабка?»

– Пошли, пьянь.

– Лучше, чем стоять на месте...

– Ирас, последи за дверью.

– Мы идем? Куда? Холодом повеяло. Погреб поблизости? Хоть какая-то свежесть.

– Ты идешь? Черт, как темно, хоть глаз выколи. Спички...

«Зачем ему спички?» – Холодно что ли?

– Быстрее...

«Костер хочет развести».

– Ты что, уснул? Спички давай.

– Зачем?

– Подсвети, придурок!

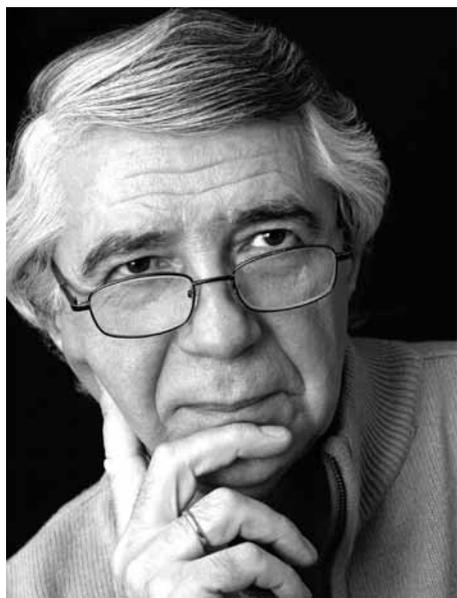
– Хо... ро... шо... Не поджигаются.

– Дай сюда. Где ты? Черт, хоть глаз выколи. Где, чтоб тебя? Спички... .. Они же мокрые! Ты, сцун! Зараза. Знал, что тебя не стоило брать. С дороги...

«Прохладно же здесь. Свежо на земле. И голова полегчала. Холодная земля, липкая. Я так полежу, так, малость... малеха... .. Водички бы, дорогая... Почему я на земле? Радость моя, ты где? И где я? Водички. Углы, банки, паутина. Подвал что ли? О, вот и ступеньки – я поднимусь. Так... так... И что там за крики? Дорогая, я иду, здесь слишком темно. Почему моя жена так кричит? Со мной ссорится? А почему? Как всегда, что-то сделал не так или недодумался... Я во всем виноват. Ты во всем виноват. Голосит же... И не своим голосом, видать, натворил больше. За дочуркой недосмотрел. Мне бы сказать: прости. Но я еще не дошел... Хорошая она у меня... .. Кол лежит – больной человек, в яме. А студент?.. Ирас, Ирас... Зачем ему топор?.. И бабка тут... Что с ней? Дурак, отдай железяку – она еще живая. Ржавый, лезвие отлетело... Но где кричат не своим голосом? Водички бы. Нет... родная, нельзя так кричать – ты только из больницы... А, вам спички нужны. Руки прочь, злыдень! Я вижу тебя насквозь. Ты меня породил, я же тебя убью... .. Говорил же: старый топор. Древко не тяжелое... не кричи, дура! Воды принеси. Хоть бы голову отпустило. Водички бы... .. Дождь, дождь, дождь, дождь, дождь, дождь, дождь, дождь, дождь, дождь... .. Дочка у меня родилась. Верочкой назову. Уж и рассвет, а я еще цветов не нарвал. Поторопиться бы... Вся жизнь впереди, зачем спешить?»

Сергей СКОРЫЙ

Автор четырёх поэтических сборников. Стихи, публицистика, проза издавались в журналах и альманахах Украины, России, США. Член Союза русских писателей Восточного Крыма, Союза русских украинских и белорусских писателей АР Крым. Археолог, доктор исторических наук, профессор. Живёт и работает в Киеве.

Шестидесятые далёкие года...

Ностальгические новеллы

Оксай, Польша и Летучий Голландец

До сих пор, по прошествии значительного времени, не могу понять: почему пацанов из небольшого крымского городка, которыми верховодил Генка Оксаев, называли «бандой» Оксая и как ему удавалось держать в подчинении иных ребят? На первый взгляд, у этого щуплого, прихрамывающего на одну ногу подростка лидерских задатков вовсе не было.

В моём детстве начала 60-х годов прошлого века веял некий романтический дух. От окончившейся Великой Отечественной отделяло каких-то 18-20 лет. К фронтовикам, особенно калекам, было трепетное, душевное отношение. Следы войны ещё отчётливо проступали: во многих домах хранилась различная амуниция, а в крымских лесах встречалось много нашего и немецкого оружия – винтовки, автоматы, пистолеты. Но чаще всего стрелять из него было уже нельзя. Мы разыскивали «наследие войны», где только можно, а затем, во всеоружии, с упоением, играли в наших (обычно партизан) и немцев. Иногда при этом «задействовались» лохматые домашние дворняги, выполнявшие роли немецких овчарок.

У пацанов «банды» Оксая «оружия» было, пожалуй, больше, чем у любой иной ватаги. Бандитские же действия оксаевцев сводились, как правило, к налётам на приусадебные участки и реже – к стычкам с другими мальчишками. Нужно отдать должное: эти «акции» под предводительством хромого «атамана» проходили довольно успешно. Наверное, поэтому попасть в команду Оксая было – выражаясь современным языком – престижно, и принимались туда далеко не все. Он был, несомненно, кумиром для большинства городских ребят.

Место, где собирались оксаевцы гордо именованное «штаб», располагалось в полуразрушенном деревянном сооружении довольно внушительных размеров, в одном из наиболее заросших уголков городского сада. Не берусь утверждать, пилось ли там что-либо горячительное, но сам Оксай (лет 15-ти от роду: он был одним из наиболее старших ребят) и кое-кто из его окружения с форсом покуривали папиросы «Беломор», лихо заминая мундштуки.

Любопытно, но «банда» Оксая привлекала некоторых городских девчонок, и мы, пацаны, либо младшие по возрасту, либо не имевшие «счастья» попасть в ряды избранных, с завистью и интересом наблюдали из городского сада, как в «штаб» ходили те или иные «чувихи».

Среди них выделялась четырнадцатилетняя Польша. Она была коренастая, статная, со стройными ногами, имевшими крепкие икры, и не по годам пышными верхними формами. Если к этому добавить мальчишескую стрижку густых тёмных волос и выразительные чёрные глаза под чёлкой – облик Полины в общих чертах представлен. Польша была симпатичной и нравилась многим ребятам и – чего уж скрывать – и автору этих строк.

Но для нас она была абсолютно недосыгаема, ну, как луна на небосводе. А потому, что Полина была девчонкой самого Генки Оксая! И что их объединяло? Не знаю... Забавно порой их было видеть рядом:

она стройная, с гордо поднятым подбородком, он – щуплый, сутулый, ниже её на полголовы. Но что-то же их сблизало! Для меня это было большой загадкой... Оксай, несомненно, гордился своей подругой, вышагивая с ней по городскому саду в окружении приближённых.

И так продолжалось примерно с полгода. А потом... случилось то, что никто из нас даже в фантазиях не мог себе представить. Как-то тёплым летним полуднем мы увидели на тенистой главной улице города, у входа в городской сад, приодетую Польшку, и вовсе не с Генкой... Рядом с ней был незнакомый парень, и когда они приблизились, Польшка сразу перестала быть предметом нашего интереса. И не только потому, что её спутник, в отличие от Оксая, был рослым, светловолосым и старшим по возрасту.

– Знакомьтесь, – гордо сказала Полина, – мой дальний родственник, из Голландии!

Голландский родственник Польшки улыбнулся и кивнул нам. Мы таращились на него во все глаза. Ещё бы! Это был первый человек «оттуда», с Запада, которого довелось увидеть. И во многом не такой, как мы: иная причёска, модная, невиданная одежда, стильная обувь. Помню также тонкий аромат, исходящий от него, явно не напоминающий знакомый нам одеколон «Шипр». Особенно поразили туфли: длинноносые, чёрные, лакированные, с металлическими накладными украшениями. Казалось бы, ну и что из того! Но эта встреча почему-то запомнилась на всю жизнь. Может, потому, что мы тогда были совершенно другими...

Несколько дней подряд Поля гордо прохаживалась по городку с голландцем. Конечно, Генке Оксаю об этом сразу донесли. Но он счёл ниже своего достоинства встречаться с Полиной. И даже процедил сквозь зубы: «Подумаешь, Летучий Голландец! Как появился, так и исчезнет, а Польшка всё равно ко мне вернётся!» В первом Оксай оказался прав, но Польшка к нему больше не вернулась...

Прошли годы. Приехав в очередной раз в родной город, встретил я как-то у пивного ларька сгорбленного, основательно спившегося мужичонку, в котором с большим трудом узнал кумира моего детства и начала юности – «бандита» Генку Оксая...

26.01.2012

Граната для полковника Маринина

Боже мой, как же мне нравилась Танька Маринина! Пухленькая, с румянцем на щечках, украшенных ямочками, двумя косичками, торчащими в разные стороны, но главное – акающим московским говором, разительно отличающимся от нашего южного произношения. Она была младшей и любимой дочкой полковника Маринина, лётчика-истребителя, фронтовика, солидного полноватого мужчины с ёжиком седых волос и строгим взглядом. Маринины жили в Москве, но летом отдыхали в нашем небольшом старинном крымском городке, где у них был свой дом – нечто вроде дачи. Приезжали москвичи на собственном автомобиле – просторной и – как мне казалось тогда – удивительно красивой «Победе». Такой машины ни у кого из местных жителей не было.

Дом Марининых стоял по соседству с нашим подворьем. Именно это сыграло определённую роль в произошедшей со мной истории.

Я всячески хотел обратить на себя внимание столичной соседки, но сделать это мне, тринадцатилетнему провинциальному мальчишке, было совсем непросто. Выразительной внешностью я не отличался, что же касается одежды, то о каких-то гардеробных изысках и говорить не приходится! Как и все мои сверстники, летом ходил в обычных спортивных трикотажных шароварах, которые сильно вытягивались и пузырились на коленях, или хлопчатобумажных брюках, имевших странное народное название – «штаны из чёртовой кожи». Сверху наряд дополнялся майкой или рубашкой с короткими рукавами, которые к исходу лета приобретали основательно выгоревший вид. Обувью обычно служили лёгкие кожаные тапочки на шнурках, недостатком которых являлось то, что они сильно скользили, особенно по траве. Какие-либо головные уборы попросту игнорировались. Зато положительными моментами моего облика были смуглость, худощавость и чрезвычайная подвижность.

На фоне моей провинциальной обыденности Танька явно выглядела принцессой. Чуть ли не каждый день она появлялась на улице в новом платье, что сопровождалось соответствующей реакцией местных девчонок. Таньку они не любили, в отличие от меня...

Воспитывали меня (если так вообще можно сказать) бабка и дед, поскольку родители временно жили в Киеве, где учился отец. Рос я свободолюбивым подростком и «шлялся» – как говаривал мой дед – с местными пацанами по окрестным лесам. Наши «походы», порой на довольно большое расстояние, объяснялись не только и не столько любовью к родной природе. Мы искали на местах боёв, партизанских стоянках оружие времён Великой Отечественной войны, и нередко эти поиски были успешными. Во

всяком случае, у меня был замечательный, хотя и ржавый, арсенал: винтовка системы Мосина (в просторечье – «трёхлинейка»), знаменитый автомат ППШ, несколько немецких миномётных мин без зарядов и взрывателей, каски – наши и немецкие. Особой гордостью, вызывавшей негромкую зависть у друзей, была наша противотанковая граната, но без заряда. С «личным оружием» мы разыгрывали целые батальоны, за городом, подальше от людских глаз. С неизменным восторгом в стан «неприятеля» металась граната, в чём я особенно преуспел...

Моё чрезмерное желание понравиться Татьяне не прошло мимо внимания её бдительного и строгого родителя. Однажды, встретив меня, «дежурившего» возле их дома и ждущего появления «московской принцессы», полковник Маринин, очевидно, с профилактической целью, больно надрал мне уши, приговаривая: «Чтобы я тебя, сопляк, возле моей дочери больше не видел!»

Случилось это на глазах вышедшей на улицу Таньки... Надранные уши горели, но ещё больше – лицо, от нестерпимого стыда и обиды. Я закусил губу, чтобы не расплакаться...

– Эх, полковник, полковник, – размышляю я сейчас, по прошествии очень значительного времени. – Наверное, был ты отважным истребителем: видел тебя в кителе, увешанным наградами. Быть может, «завалил» в воздушном бою не одного «мессера» и «фоккера»... Но не сомневаюсь в одном: ты был плохим знатоком человеческой души. Нельзя истреблять так безжалостно первую влюблённость, да ещё на глазах у «предмета обожания»! Невозможно и противоестественно унижать формирующуюся в юном существе гордость...

Это у меня сейчас такие мысли. А тогда... Тогда я вообще ни о чём не думал. Схватив спрятанную в сарае противотанковую гранату, я, что было силы, швырнул её в окно комнаты, где находился мой обидчик...

Раздался звон стекла, и, прежде чем убежать, я увидел, как полковник с неестественной для его комплекции скоростью юркнул под кровать. Он, конечно, не догадывался, что противотанковая граната не имеет заряда, но как бывший фронтовик прекрасно знал поражающие способности этого взрывного устройства...

...Нет, никто меня не забирал в милицию. Ну не мог же бесстрашный боевой офицер, горевший однажды в самолёте и чудом выживший, признаться, что испугался простой болванки. Дело завершилось серьёзной домашней экзекуцией, осуществлённой любимым дедом.

Вы меня спросите: – Сожалею ли я об этом поступке? Или по-другому: – Стыдно ли мне? А я вам отвечу: – Нет!

30.01.2011

«Уходи!» – сказала Наташка...

Это было в конце 1960-х...

...Но вначале – о Кольке Таргане. Собственно говоря, фамилия у него была другая, не очень благозвучная, а потому в памяти многих, знавших Кольку, он так и остался носителем именно этой – как тогда говорили хулиганистые подростки – «кликухи».

Ко времени моего знакомства с Тарганом он уже отсидел год в колонии для малолетних преступников за участие в массовой драке местной молодёжи с отдыхающими санатория, носящего имя нашего небольшого крымского города.

Я тогда учился в политехникуме, а он работал слесарем на одном из городских предприятий и завершал образование в вечерней школе. Колька был года на полтора старше меня и в силу этого обстоятельства и жизненного опыта относился ко мне покровительственно, но отнюдь не свысока. О своём пребывании в «местах не столь отдалённых» он предпочитал не говорить вообще, во всяком случае, мне. Будучи на зоне, не приобрёл он и никаких наколок, т.е. татуировок. Но, оказавшись на свободе, Тарган, на удивление быстро, сумел «сколотить» группу отчаянных ребят и, действуя мало дипломатично, а чаще – довольно жестко, «подмять» под себя почти все молодёжные группировки города. К слову сказать, никаких криминальных дел в это время я за ним не припомню – обычные разборки в борьбе за лидерство. А быть лидером или «королём» в среде молодёжи Кольке, несомненно, нравилось. Задатки к этому у него определённо имелись. Он был хитёр, смел, расчётливо жесток и циничен. Умел драться и всегда выяснял отношения с противником «один на один», не прибегая к помощи друзей. Последнее способствовало росту его авторитета. Колька имел примечательную внешность: был ростом около двух метров, худощавый, стройный и – как говорят в народе – жилистый. Волосы чёрные, курчавые, лицо смуглое, на одном из передних зубов – золотая коронка – «фикса». И дивное дело: даже его основатель-

но деформированный нос – следствие многочисленных баталей – не портил общего облика. Одевался он аккуратно и по тем временам довольно модно: мать его, помимо основной работы, слегка занималась фарцовкой.

Тарган, бесспорно, нравился прекрасному полу. И вот тут нужно отметить одну, почти парадоксальную черту его характера. Будучи в мужской компании циничным, а зачастую наглым и жестоким, по отношению к женщинам Колька вёл себя совершенно иначе: был не то чтобы мягким, но, безусловно, более добрым, если не сказать – порядочным. Во всяком случае, я никогда не слышал от него ни одного плохого слова о девушках, с которыми он проводил время. А их было немало... Впрочем, на эту тему он вообще предпочитал не говорить. Наверное, и по этой причине он был притягателен для представительниц прекрасного пола. Каждая из них знала: о своих амурных делах Колька молчит как рыба. «Крутил» он романы не только с городскими дамами, но и с многочисленными девчонками из близлежащих сел, приезжавшими в наш городок на работу на швейной фабрике. Знакомство с ними происходило обычно на танцах в местном Доме культуры. У меня, в отличие от многоопытного Кольки, никаких навыков близкого общения или – как сейчас принято говорить – сексуальных отношений с противоположным полом не было. Конечно, мне очень нравились девушки, с некоторыми из них случались даже поцелуи или объятия, но – не более... Колька, по-видимому, догадываясь об этом, подтрунивал надо мной, впрочем, беззлобно.

Я так много уделил внимание портрету Кольки Таргана по той причине, что в истории, о которой пойдёт речь далее, он сыграет отнюдь не последнюю роль, да и в целом его фигура была довольно яркой в моей далёкой, южно-провинциальной юности...

Хорошо помню появление на танцах Наташки... Да, именно на танцах, поскольку нигде в городе ни я, ни Колька до этого её не видели.

В тот вечер она не просто вошла в зал нашего ДК. Она как-то вплыла в него, почти по-лебединому. Высокая, статная, русоволосая, с удивительно голубыми глазами девушка, лет 19-ти. Ну прямо – русская красавица! Она действительно приехала в наш город из средней полосы России и поселилась в доме, за которым её временно оставили «присматривать» родственники, отправившиеся за «длинным рублём» куда-то в Сибирь. Ко времени нашего знакомства с Наташкой она уже работала крановщицей на заводе железобетонных изделий, который в то время был основным местом трудоустройства местной молодёжи. Работа была там не из лёгких, но платили хорошо.

Наташка всем своим обликом и крупной статью выделялась на фоне наших не особенно рослых девушек-южанок, в основном брюнеток, а если блондинок или шатенок, то явно крашенных... Конечно, она сразу же стала объектом самого пристального внимания парней, и Кольки Таргана – в первую очередь. Не скажу, что она мне не нравилась. Вовсе нет! Она была очень привлекательна и, в общем, – необычна. Но смущали её размеры: она смотрела на меня сверху вниз, а я – наоборот, как на недостижимую горную вершину... А вот Колька и по росту, и по общему облику ей явно подходил: они довольно впечатляюще выглядели рядом. Когда Тарган танцевал с Наташкой, «народ» глядел на них во все глаза.

Как он перед ней «распускал хвост», какие круги выписывал, демонстрируя и определённую (в его представлениях) галантность, и свой «королевский» авторитет! Привыкший к недолговременным ухаживаниям и лёгким победам, Колька вскоре был обескуражен... Наташка танцевала с ним, шутила, внимательно слушала мастерски рассказываемые Тарганом анекдоты и житейские истории, позволяла иногда провожать себя домой... и на этом – всё... И надо сказать, что Колькины любовные страсти через некоторое время перегорели, и он стал относиться к Наташке чисто по-дружески. Мы – Колька, Наташка и я – часто встречались на танцах, бродили по городу, провожали Наташку домой, и – чего греха таить – иногда вместе выпивали. Несколько раз она приглашала нас к себе. Однажды – уж не помню, что послужило поводом для этого разговора – Наташка сказала, что к ней пристаёт сосед, которому за сорок, с недвусмысленными предложениями. Помнится, мы не придали этому какого-либо серьёзного значения, Колька даже хмыкнул тогда, произнеся что-то крайне легкомысленное...

А потом был случай, едва не стоящий нам голов – в самом прямом смысле слова. Мы сидели вечером у Наташки, «играли в литрбол» (как было принято говорить тогда по этому поводу в молодёжной среде), шутили, а Тарган вполне артистично «вёл трёп за жизнь»... Вдруг за окном послышался звук, как будто что-то стукнулось оземь, а затем прошуршали шаги...

– Сейчас посмотрю, что там, – и Колька быстро вышел во двор.

А затем донеслись: какая-то возня, крики, глухие удары, и появился Тарган, таща одной рукой за шиворот пьяного с виду мужика, а во второй – сжимая топор.

Наташка слегка побледнела:

– Это – тот самый сосед... Значит, перелез через забор, калитка – заперта.

Тарган был не в себе:

– Эта сука, – кричал он мне, – ждала нас в тени, с топором, за углом дома!

Мужик злобно, исподлобья, рыскал глазами...

– Говоришь, пристаёт к тебе? – вдруг как-то, почти ласково спросил Тарган Наташку, а сам пристально и хищно всматривался в соседа...

И было в этом вопросе, вернее – в его интонации, что-то такое, что мне совсем не понравилось...

Колька налил почти полный двухсотграммовый «гранчак» водки и процедил мужику:

– Пей, тварь!

Тот, поколебавшись с секунду, опрокинул в себя стакан и почти сразу же рухнул наземь от сильнейшего удара, который нанёс ему Тарган в лицо.

– Это тебе, дядя, за топор! – произнёс почти буднично Колька. Отряхнув правую руку, он вновь налил полстакана водки: – Пей, сволочь, под наркозом – легче!

Мужик снова распластался на полу, кровавая разбитым ртом.

– А это тебе, козёл, за приставание к Наташке...

Колька вдруг цепко глянул на меня:

– А теперь ты бей его!

– Не буду!

– Гуманист сраный! – «завёлся» Тарган. – До тебя что, не доходит: он же зарубить нас хотел!...

Колька сгрёб в охапку обмякшего от водки и физического воздействия мужика, вытащил из комнаты и перебрал через забор в его собственный двор.

– Больше он к тебе «клеиться» не будет, – сказал Тарган Наташке.

Она молчала и как-то странно глядела на Кольку...

Через несколько дней я встретил Наташку на танцах. Кольки не было. Я знал, что у него появилась очередная пассия, видел, как он с шиком и грохотом катал её на своей двухцилиндровой «Яве» по центральной улице нашего городка. А чешский мотоцикл «Ява», да ещё двухцилиндровый, в те годы, да будет тебе известно, мой дорогой читатель, был столь же престижен у молодёжи, как позже пресловутые иномарки...

Танцы затягивались и закончились где-то к полуночи.

– Проводи меня! – попросила Наташка...

Если честно, мне совсем не улыбалось идти с ней на городскую окраину, да ещё на улицу, расположенную вблизи с густо заросшим деревьями кладбищем. Но не мог же я отказать девушке, тем более в такой просьбе!

Мы молча шли по мало освещённым улицам. Разговор как-то не клеился. Наташка – как мне показалось – о чём-то сосредоточенно думала. У калитки, когда я было собирался сказать ей традиционное «Пока» и отправиться восвояси, вдруг сказала:

– Зайди, на минутку!

Я ничего не понимал... Когда мы оказались на веранде, промолвила:

– Свет зажигать не будем, иди за мной.

В тёмных комнатах её большого дома под ногами скрипели половицы. Моё сердце учащённо билось, а в памяти свежо всплывала недавняя встреча со злобным соседом, вооружённым топором... Наташкины шаги стихли. Остановился и я. Нервы были – на пределе. Зная примерное расположение комнат, я понял, что нахожусь где-то в районе спальни. Что-то вдруг зашуршало и как будто упало наземь, затем раздался лёгкий щелчок. Меня внезапно пронзила совершенно дикая мысль: а не караулит ли меня в темноте её безумный сосед, с которым она в сговоре?! А если нет – почему она ведёт меня по всему дому, в темноте, не зажигая света? И в унисон с этой мыслью я метнулся к стене и щёлкнул выключателем...

Затем я зажмурился изо всех сил... Нет, вначале посмотрел... Наташка стояла вблизи кровати абсолютно голая. Платье, трусики и лифчик валялись на полу. Но она их – словно не замечала. А мне казалось, что от её тела исходило какое-то удивительное свечение. Может, потому, что я впервые так вблизи увидел полностью обнажённую женщину?! Не знаю, сколько это продолжалось: несколько секунд или минуту...

– Уходи! – сказала Наташка.

И было в её голосе что-то такое, что я так и не смог понять: разочарование ли, горечь или что-то совсем иное...

Но, бредя той далёкой ночью по спящим узким улочкам своего родного городка, я вдруг отчётливо осознал две вещи: Наташка по совершенно непонятной для меня причине отдала предпочтение мне, а не более яркому во всех отношениях Кольке Таргану. И второе: она хотела, чтобы всё случилось во мраке и ночь надёжно укрыла следы содеянного...

Больше ничего подобного не было, а вскоре Наташка уехала к себе, в Россию.

А во мне, очевидно, навсегда укоренилась замечательная мысль: как странны, загадочны и непредсказуемы женщины...

24.05.2012

«Время стилиг»

До сих пор из моей памяти иногда выныривают слова этой совершенно дурацкой песенки из 60-х годов:

*Не ходите, дети, в школу,
Пейте, дети, «Кока-колу»,
Не играйте в баскетбол,
А танцуйте рок-н-ролл!*

Господи, как же давно это было! Удивительное «время стилиг»... Впервые я узнал о них в году 1964-м, увидев яркую карикатуру в сатирико-юмористическом журнале «Крокодил» (его выписывала семья моего соседа и друга Сашки Решаева). На ней были изображены молодые люди, своим видом сразу же поразившие моё воображение. Парни – с диковинными причёсками, струящимися вперёд такими «коками», длиннющими бакенбардами и подбритыми усиками, в клетчатых пиджаках с немислимо расширенными плечами, невероятно узких брюках и туфлях на толстой подошве. Девушки – с подобранными волосами, туго перевязанными на затылке вверх и струящимися затем вниз, по плечам (позже эта причёска получила наименование «конский хвост»), узких коротких брючках или широких плиссированных юбках, туфлях на высоких каблуках-«шпильках». Молодые люди, взявшись за руки, лихо отплясывали, высоко задирая ноги, неведомый мне танец. Стихотворный пассаж под рисунком с обвинительным жаром сообщал, что это – «стиляги», пижоны, бездельники и проходимцы, оторвавшиеся от нашей социалистической действительности и попавшие под влияние западной разлагающей морали. А танцуют они идеологически вредный танец «рок-н-ролл»...

Это было захватывающе и интересно! В нашем южном провинциальном городке «стиляг» пока еще не было. Однако старшие ребята, учившиеся в Симферополе и других крупных городах за пределами Крыма, приезжая домой, привозили не только всевозможные рассказы об этой – выражаясь современным языком – «продвинутой» молодежи. Некоторые из них тоже начали щеголять предметами одежды, не виданной нами ранее и неведомой каким образом попавшей к ним. Особенно впечатляли рубашки на выпуск, с «кричащими» изображениями типа тропических пальм, с обезьянами на них, загорелых заморских красоток в откровенных купальниках и аналогично украшенные галстуки. Словарный запас моего поколения медленно, но уверенно стал пополняться диковинными словами: «чувак», «чувиха» («чуваА») (со временем модифицированные в «чудак», «чудоха»), «кайф», «лабать», «мэн». Некоторые из них, несмотря на почтенный возраст, бытуют в «великом и могучем» и поныне. С именами собственными в молодёжной среде стали происходить любопытные метаморфозы: Бори стали почему-то именоваться Бобами, Жоры – Джонами, Сени – Сэмами...

Появилась музыка, неслыханная ранее... Она приходила разными путями: иногда попадала в наши приёмники с волнами западных радиостанций, прорывая сети мощных отечественных «глушилок», но чаще носителями её выступали гибкие пародии на пластинки – так называемые «рёбра», записи, сделанные на рентгеновских пленках. Поставленные на проигрыватель, «рёбра» шипели, подпрыгивали на крутящемся диске, но под настойчивым воздействием корундовой иглы начинали издавать ритмические мелодии с англоязычными текстами. Настоящих пластинок «из-за бугра» у нас не было. Но и «рёбра» являлись предметами живого обмена и продажи. Откуда они появлялись, постепенно наводняя городок, понятия не имею...

Одними из первых, невероятно захватывающих мелодий, которые мне довелось в то время услышать, были «Rock Around The Clock» и «Let's Twist Again». Тогда я, конечно, не знал, что исполнителями этих песен были один из первых «королей рок-н-ролла» Билл Хэйли и легендарный «твистер» Чабби Чеккер...

Любопытно, что почти сразу на «роковые» мотивы появился слегка похабный песенный «фольклор», в котором вовсю обыгрывались популярнейшие слова – «чувак», «чувиха», «рок»... К примеру, вот что вовсю распевало младшее поколение:

*На развилке трёх дорог
Стоит терем-теремок.
Из окна несётся рок.
Вышел зайчик на крыльцо,
Почесал своё я...»*

А старшие подростки предпочитали это:

*На столе чувиха гола,
Под столом бутылка «Колы»,
Рядом с ней лежит чувак,
Напевая «Мамбо-рак»...*

По сей день не знаю, что это за творение – «Мамбо-рак»... Догадываюсь, что речь, вероятно, могла идти о «Мамбо-Роке» – одном из наиболее известных рок-н-роллов, исполняемых Биллом Хэйли... Но из той песни – слова не выкинешь!

Стало шиком носить брюки-«дудочки», зауженные до такой степени, что снять их порой было делом нелёгким! Спасали лишь разрезы с двух сторон швов. Считалось модным поднимать вертикально воротник рубашки... Конечно, клетчатых пиджаков, с подставными ватными плечами, рубашек с пальмами, обезьянами и красотками, как и обуви на толстой микропорке, у нас не было. Но всё же...

Наши сверстницы старались не отставать и поражали мальчишеское воображение не столько «нарядами», сколько необычными причёсками. Впечатляющие названия трёх из них помню до сих пор: «Я у мамы – дурочка», «Приходи ко мне в пещеру», «Я упала с самосвала, тормозила головой». Яркой особенностью первой была чёлка, почти закрывавшая глаза, вторая же характеризовалась довольно сумбурным начёсом, внутри которого, по-видимому, и находилась та самая «пещера»... Чтобы представить, как выглядела третья причёска, большого воображения не надо...

Проводником «стиляжьи» моды в нашей компании был мой одноклассник Вовка Скакунов, которого мы звали Скакуном, а в свете распространившейся моды – Вольдемаром. Жил он в многодетной семье, без отца, учился – так себе... Но что касается всяких западных «штучек» – равных ему не было. Я думаю, «поставщиком» всего этого являлся его старший брат Колька, работающий в порту одного из южных городов. Вольдемар одним из первых в нашем городке вырядился в «дудочки» и стал гордо носить купленную братом яркую рубашку с попугаями. Более того, ему удалось завести удивительную причёску с выступающим вперёд «коком», точно такую же, как я видел на карикатуре в «Крокодиле». Эта деталь его облика вызывала особую зависть. Бакенбарды и усы у Вольдемара пока ещё не росли... Именно он у себя дома продемонстрировал нам, как под звучание «рёбер» нужно танцевать рок-н-ролл, по-видимому, выучившись вычурным «па» у старшего брата. От Вольдемара я впервые услышал имя «Элвис Пресли». Он же показал маленькое, плохого качества фото Элвиса и дал послушать записанные на «рёбрах» рок-н-роллы в исполнении голосистого американца. Понятное дело, мы в большинстве своём подражали Вольдемару... Правда, мои попытки завести такую же, как у него, причёску – ни к чему не привели: непослушные вихры никак не хотели приобретать вид впечатляющего «кока»...

Однажды Вольдемар таинственно сообщил, что вместе с Колькой приезжают несколько его друзей, настоящих «стиляг», и вот они-то и покажут, как надо «лабать рок»...

В летнюю пору основным центром культурного времяпровождения молодёжи нашего городка являлась открытая танцевальная площадка – «пятак», расположенная в старинном тенистом парке, именуемом жителями сокращённо – «горсад». «Пятак» возвышался над местностью и был обнесён оградой. Украшали её фигурные бетонные столбики, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга и придающие забору даже некую ажурность. Внизу, по его периметру, на приличной от земли высоте находился бордюр. Стоя на нём и держась за край ограды, можно было вволю наслаждаться видом танцующих на «пятаке». Именно этим и занимались мы раза три в неделю, когда в парке устраивались танцы. Сама танцплощадка нам (14-15-летним) была не доступна. Остальным для входа на неё нужно было покупать билет. Некоторые шустрые «безбилетники» лихо перепрыгивали изгородь и растворялись в толпе танцующих. За порядком на «пятаке» чаще всего следили бдительные «народные дружинники» с красными повязками на руках. Обычно они удаляли с танцплощадки молодёжь, танцующую не «те» танцы, затевающую потасовки или пребывающую основательно «под шефе». Но бдительность «народных дружинников» вовсе не ограничивалась слежением за «пятаком». Влюблённые разных возрастов ни в коей мере не должны были выражать свои чувства друг к другу прилюдно. Например, молодому человеку нельзя было «на людях» целовать

девушку, ибо это считалось аморальным. По этой причине потенциальные «нарушители» старались уединяться в тёмных аллеях парка или скамейках, под сенью густых кустов...

И вот вечером одного из воскресений на «пятак» появился брат Вольдемара – Колька, а с ним две незнакомые «чувихи» и «чувак. Компания была практически копией «стиляг» с той самой карикатуры из «Крокодила»! Разве что у ребят не было пиджаков, поскольку царила летняя теплынь. Зато всё остальное – крайне впечатляло! Думается, что Кольке удалось договориться (не знаю – безвозмездно ли?) с киномехаником Витькой, который параллельно с показом фильмов в местном кинотеатре «крутил» музыку на «пятак»... После завершения плавного вальса вдруг во всю мощь нескольких «колонок», установленных по кругу, близ столбов освещения, грянул «Рок вокруг часов»!

Боже, что тут началось!... «Народ» в центральной части «пятака» расступался, создавая для танцующих пространство... А брат Вольдемара, его приятель и две их подружки, перемещаясь с приличной быстротой то взад-вперёд, то в стороны, выделяли ногами и руками в такт музыки совершенно невообразимые штуки... Венцом танца явилось «пробрасывание» между ногами парней взъерошенных «чувих», что было сделано мастерски, без нанесения травм последним о бетонный пол «пятака». При этом девчонки сверкнули тем, что обычно прячется под юбками... Восторгу «народа» – не было предела!

Но... набежали «дружинники» и дружно, взяшей вытолкнули с танцплощадки Кольку и заезжих «стиляг», всячески порицая их нехорошими словами... Да, это было зрелище, память о котором осталась навсегда!

...Мы, игнорируя призывы глупой, но популярной песенки, куплет из которой приведён в начале этого повествования, продолжали ходить в школу, играть в баскетбол... Хотя при этом – признаюсь честно – всё же учились танцевать рок-н-ролл. А вот «Кока-колы» – одного (как считалось) из символов «загнивающего» Запада – в те годы так и не пришлось попробовать: в Советском Союзе этот идеологически чуждый напиток не производился и не продавался...

1.02.2012

Любовь – не продаётся!

Моему поколению в юности посчастливилось быть свидетелем мировой популярности, широчайшей известности и планетарной славы четырёх молодых людей, певцов и музыкантов из портового Ливерпуля. Они оказали огромное воздействие на музыкальную культуру, моду, внешний облик, поведение и мировоззрение молодёжи 1960-х годов... Квартет «Битлз»... Их музыка не знала границ, проникая и в центры, и глубоко в провинцию...

...«Экспансия» «ливерпульской четвёрки» на территорию 1/6 части земного шара на удивление совпала с новыми техническими веяниями. Наступило время, когда в СССР, в быт, стали широко входить плёночные бобинные магнитофоны, для краткости называвшиеся молодёжью – «маги». Как правило, они были довольно массивны по размерам и стоили немалых денег. Тем не менее записи популярной западной музыки на рентгеновских плёнках, или «рёбрах» («костях»), исчезли, а проигрыватели и пластинки слегка подвинулись, смутившись техническими возможностями новшества. А взявший разгон прогресс и не думал притормаживать... Вскоре появились переносные «маги» на батареях, и – если мне не изменяет память – первый образец такого чуда техники имел прозаическое название «Весна». Стать владельцем переносного «мага» и нести, в прямом смысле слова, музыку в «народ» – было вожделенной мечтой каждого молодого человека. По размерам и по весу такой «маг» был раз в 10 больше кассетных плееров 1990-х годов... да и звучание его было несравненно хуже...

В нашем провинциальном городке одним из первых, кто «завёл» музыкальную «Весну», был Борис, которого со «времени стиляг» величали Бобом – щеголеватый парень лет девятнадцати, бывший старше меня и моих сверстников года на 2-3, из довольно обеспеченной, как тогда считалось, семьи.

Первые песни в исполнении «битлов» (а именно так именовались они в молодёжной среде) – Can't Buy Me Love и Rock And Roll Music – я и ребята нашей компании услышали в 1966 году, именно из «мага» Боба. Позже я узнал, что первая из них на определённое время стала чуть ли не «визитной карточкой» молодых музыкантов из Ливерпуля.

Любопытно, но при наличии – пользуясь языком западных идеологов – в СССР «железного занавеса» и отсутствии в тот период могучих возможностей Интернета, без которого нынче трудно представить жизнь современного человека, эти композиции проникли в провинцию относительно быстро: первая из них – через два года после написания, вторая – вообще через год... Гораздо труднее «пробивалась» в нашу среду рок-н-рольная музыка «времени стиляг». К примеру, некоторые песни, исполненные одним из «королей» рок-н-ролла – американцем Билом Хэйли в середине 1950-х годов, «долетели» до границ

СССР лишь через 7-8 лет! Бесспорно, главную роль в столь быстром распространении музыки «битлов» сыграли именно магнитофоны, давшие возможность записывать их песни, звучащие на волнах западных радиостанций...

Итак, в отличие от «времени стиляг» «эпоха битлов» наступила у нас иначе... Вначале – их музыка, и только потом, во всяком случае для меня и моего окружения, появились некоторые сведения о них, и мы увидели первые изображения «ливерпульской четвёрки»...

Волны начавшейся в 1963 году в Великобритании «битломании», невероятно усилившейся после их первого, в 1964 году визита в США, к середине 60-х докатились до Советского Союза и захлестнули всё его пространство с востока на запад и с севера на юг, по меньшей мере – на четыре года.

На борьбу с британским «злом» дружно ополчились отечественные средства массовой информации. Поражает следующий факт, в те годы прошедший почему-то мимо меня и моих сверстников. Оказывается, с началом неудержимого роста популярности «битлов» на западе, но ещё не достигшей Союза, уже в 1964 году, как по команде (а, по-видимому, так оно и было!), в ряде многотиражных изданий появились статьи о «жуках» (так их называли в советской прессе того времени) крайне обличающего характера. Речь идёт о журналах «Крокодил», «Украина», газете «Комсомольская правда», «Литературной газете». Названия некоторых статей говорят сами за себя: «Идолы и поклонники», «Гитары, барабан и акробатика», «Из жизни «пчёл» и навозных «жуков»... В чём только ни обвиняли наши СМИ «ливерпульскую четвёрку!» Так, в одной из статей утверждалось, что «...„жучки“ ловко умеют разжигать самые тёмные и примитивные страсти у своей аудитории...» Но «перещеголял» всех известный советский композитор, любимец народа и будущий народный артист СССР Никита Богословский, написавший в «Литературной газете» (19 декабря 1964 года), бесспорно, заказную статью «Из жизни „пчёл“ и навозных „жуков“»... Она имела превентивный характер – максимально развенчать «чуждое» советскому человеку творчество британцев. Читать её и сегодня неловко и стыдно... Но я не могу удержаться, чтобы не процитировать вот это: *«Бедные наивные „жуки“! – патетически восклицал метр советской музыки, обращаясь к «битлам». – Вы, наверно, твёрдо уверены в том, что всё это – слава, бешеные деньги, рёв и визг поклонников, визиты к королям – всё это навсегда и по заслугам. Но готов биться об заклад, что протянете вы ещё год-полтора, а потом появятся молодые люди с ещё более дурацкими причёсками и дикими голосами, и всё кончится. И придётся вам с трудом пристраиваться в маленькие провинциальные кабачки на временную работу или идти «пчёлами» (обслуживающим персоналом – С.С.) к новым „жукам“».*

P.S. «Если вы заметили, дорогой читатель, у меня в заголовке к слову „жуки“ произвольно добавлен эпитет – „навозные“, но мне почему-то кажется, что вы не осудите меня за эту вольность. Тем более что по этому поводу мы вам кое-что объяснили».

Ныне мне думается, что знаменитый композитор, проживший ещё четыре десятилетия после этого газетного опуса (а умер Н.В.Богословский в 2004 году в возрасте 90 лет) и ставший свидетелем мирового триумфа «The Beatles», а затем последующей нескончаемой славы «ливерпульской четвёрки», чрезвычайно сожалел о написанном... И мне становится грустно...

К счастью, тогда мы о подобных статьях не знали...

«Битломанию» я ощутил на себе по-настоящему с 1967 года, когда жил и учился в южном портовом городе – Феодосии... Магнитофонные записи с «битловскими» песнями, в основном в рок-н-рольном или твистовом ритмах, слышались повсюду. Но разве только это! Непонятно откуда (а сейчас я думаю – это привозили в виде контрабанды моряки дальнего плавания) появились многочисленные фотографии «битлов» и даже некоторые предметы с именем ансамбля, например, солнцезащитные очки, на дужках которых было – *The Beatles*. Теперь мы знали (и гораздо лучше положений некоторых изучаемых в техникуме учебных дисциплин!) имена всех его участников: Джона Леннона, Пола МакКартни, Джорджа Харрисона, Ринго Старра, легко различая их на фото... Как мы влюбились в них! Как удивительно совпал их юный, задорный облик с теми песнями, которые мы слышали...

Молодёжь повсеместно, и мы в том числе, отпускали длинные волосы под «битлов». За этот «грех» нас изгоняли с занятий, заставляя стричься. С нами искренне боролась бдительная комсомольская организация, всюду осуждая проявление в нашем моральном облике тлетворного влияния запада... К слову сказать, вследствие этой «борьбы» я не вступал в комсомол (это случилось со мной лишь в 20 лет в период службы в Советской армии). В моду вошли пиджаки без воротников – «битловки», которые мы на южный манер называли «клифтами». Помню, сколько было радости, когда родственница тётя Алла сшила мне костюм с пиджаком без воротника, а мама сделала округлыми края воротника на рубашке...

Получили распространение узконосые туфли без шнурков, на резинках, именуемые в молодёжной среде «корами», напоминающие обувь «битлов». Начался гитарный бум... Собирались доморожденные группы, которые пытались петь, подражая «ливерпульской четвёрке», не зная чаще всего слов песен на английском... Сами себя мы именовали «битломанами»...

*Гитар аккорды полнили двory...
Кумиры в Лету канувшей поры –
Квартет звонкоголосых англичан
Нам помогал английский изучать.*

У меня была обширная коллекция фотографий *The Beatles* – около сотни. В нашей компании, да и в целом в молодёжной среде, широко процветали обмен и продажа «битловских» фото, магнитофонных записей. Среди фотографий была одна, которой – как я сейчас понимаю – цены нет. Это небольшое фото Джорджа Харрисона, на котором он изображён сидящим в кресле, закинув ногу на ногу, в сером костюме, белой рубашке и галстукe, с бокалом в руке. Длинные волосы аккуратно причёсаны. Через всю фотографию, слегка наискосок, чёрными чернилами слегка округлыми буквами была чёткая роспись: George и Harriso... без последней буквы. Это был настоящий автограф одного из «битлов»! Как я стал его владельцем – увы, уже забыл... Но зато точно помню, как с ним расстался... У меня попросили сделать копию, и я, по своей доверчивости, не отказал. Разумеется, фото «потеряли»... Через много лет я рассказал истории об автографе Джорджа Харрисона одной даме, приехавшей в Киев из Великобритании, в научную командировку. Удивлённо посмотрев на меня и покачивая головой, она сказала: «У Вас в руках было целое состояние!» А я и теперь думаю: «Да разве дело в цене? Это ведь – любовь! А настоящая любовь – не продаётся!»

Важнейшим годом в моей «битломании» считаю 1967-й. Именно тогда я вначале услышал эту песню и буквально через небольшое время взял в руки настоящую пластинку, на которой она была записана... *Girl* ... Это была совсем иная музыка «битлов» – плавная и, если можно так сказать, – нежная. Разительно отличающаяся от ритмичных композиций, которые слышал ранее. Это было чудо! Позже я написал об этом такие поэтические строки:

*Шестидесятые далёкие года...
Соседка с именем загадочным «Виола»
Окно открыла, и, как птица, с радиолы
Взлетела песня в воздух без труда*

*О девушке, которой нет с тобой,
Надменно презирающей любовь...
Не всё понять – в английском языке,
Но капля грусти тает на щеке...*

Как сейчас вижу эту маленькую пластинку – «миньон» (скорость 33 оборота) из серии «Музыкальный калейдоскоп», выпускаемой Апрелевским заводом фирмы «Мелодия». На одной из сторон – пять песен, исполняемых популярными эстрадными певцами тех лет, и последняя из них – «Девушка». На круглой этикетке значилось: музыка и слова – народные, квартет «Битлс». Оформители то ли ошиблись, назвав песню, написанную Джоном Ленноном и Полом МакКартни, «народной», то ли интуитивно почувствовали, что так оно и будет...

В последующие годы мне посчастливилось прослушать много различных песен и альбомов *The Beatles*, но «Девушка» и по сей день остаётся наиболее любимой из всех «битловских» композиций...

*Боролся с нами прыткий комсомол,
Вменяя длинный волос нам – в грехи...
Но всё же свои первые стихи
Я написал под впечатленьем *Girl*...*

А вот строфа одного из тех, первых моих стихотворений, написанных на мелодию «Девушки»:

*Ей жестокой, что ни разу не дарила поцелуя,
Пел я песни в звёздной тишине,
Ну а если так случится, что от грусти вдруг умру я,
Вы ей расскажите обо мне*

Ах, Girl!

И припев:

*Нет её нежней, красивей,
Стал грустней я и тоскливей*

О-о-о-о-о-о-о!

*Но года ведь мчатся мимо,
Станет ли она счастливой?*

О-о-о-о-о-о-о

Ах, Girl!

Замечу, что «Девушка» стала первой песней «Битлз», прозвучавшей в СССР на русском языке (слова Олега Гаджикасимова). Её исполнил замечательный певец Валерий Ободзинский. Мне посчастливилось побывать на его концерте в Феодосии в 1969 году, где, наряду с чрезвычайно популярной среди молодёжи в это время «Восточной песней», прозвучала и «Девушка»...

...Какое же было интересное «революционное» время у нас – середина – вторая половина 1960-х годов! Время почти безумной популярности мини-юбок (кстати, тоже «пришедших» из Великобритании), в которые облачилась, порой не взирая на параметры и возраст, лучшая половина человечества, распространения колготок, вызванного резким укорачиванием женских юбок, моды на расклешённые, иногда чрезмерно мужские брюки, замены чернильных ручек – шариковыми (первое время стержни таких ручек заполнялись пастой в специальных мастерских) и прочих новшеств. И всё это проходило на фоне музыки «битлов».

И ещё один факт. Именно с этого времени, под влиянием *The Beatles*, как грибы после дождя, в Советском Союзе стали появляться рок-группы, которые получили облагороженное наименование «Вокально-инструментальные ансамбли» (ВИА). Наиболее популярными из них являлись ВИА «Поющие гитары» (Ленинград) и «Весёлые ребята» (Москва), заявившие о себе в 1966 году... Из «котла» нужно было выпустить пар, и его выпускали...

...Я часто думаю о том времени и музыке «ливерпульской четвёрки» и уверен, что если бы эти безмерно талантливые молодые ребята написали всего лишь три композиции – *Girl*, *Michelle* и *Yesterday* – этого вполне хватило бы для того, чтобы навсегда войти в историю мировой музыки... А что?! Ведь на песню *Yesterday* сделано 3000 аранжировок, больше чем на любую другую из когда-либо написанных...

...От далёких 1960-х отделяет уже почти полвека. Но когда я сегодня слушаю песни «Битлз», этот временной промежуток будто бы не ощущается, а юность – вот она, рядом... И особенно ласкают душу наиболее дорогие для меня предметы: видеоальбом *The Beatles. The First U.S. Visit*, двойной кассетный аудиоальбом *The Beatles. Live at BBC* и чрезвычайно объёмная книга *The Beatles. 10 Years That Shook the World*. Наверное, потому, что это – подарки из Великобритании, родины легендарной «ливерпульской четвёрки»...

*... Пусть дни летят, как из колоды карты,
Но ливерпульских слышен звон гитар:
Поют сквозь годы Леннон и МакКартни,
Им подпевают Харрисон и Старр...*

10.02.2012

Владимир ШАТРОВ

Личное дело сержанта Бессарабова

Рассказ

Продолжение. Начало в №11,12 (2012).

3

Миллионер

Танк, стоявший в окопе, казался каким-то доисторическим животным, которое свалилось в яму и, будучи не в силах выбраться из неё, решило для начала выспаться, а утром попытаться снова. Ровный свет луны заливал автобан, идущий к границе ГДР и ФРГ, палатки-казармы, стоявшие в ста метрах от танка, и опушку леса, вплотную подходившую к палаткам.

Со стороны опушки к танку приближался человек, который обладал всеми приметам киношного агента прогневшей насквозь буржуазной разведки.

Человек был одет в чёрный комбинезон и чёрные высокие сапоги, голова диверсанта была прикрыта чёрным беретом, за спиной висел чёрный короткий автомат АКС-74У.

Старательно избегая открытых мест, человек приблизился к окопу и спрыгнул вниз, а через несколько секунд оказался уже «на броне». Видимо, хорошо зная привычки советских танкистов, шпион пошарил рукой под сложенным на косом ЗИПе танковым чехлом и нашёл г-образный ключ от люка. Ещё несколько секунд понадобилось ему для того, чтобы открыть люк и забраться внутрь боевой машины.

Удобно устроившись в кресле командира, человек устало перевёл дух, после чего достал со штатного места «боевую укупорку». «Боевая укупорка» представляла собой цилиндрическое ведро из-под танкового порохового заряда с плотно подогнанной крышкой, и хранились в ней пистолет-ракетница с десятью ракетами, сотня патронов к автомату Калашникова, шесть обойм к пистолету Макарова и десяток гранат Ф-1 с запалами.

Открыв крышку, человек вполголоса произнёс по-русски: «Темно, как у негра под мышкой», – затем протянул руку к потолку башни и, щёлкнув тумблером, включил аварийное освещение.

В тусклом красноватом свете небольшой лампы вдруг стало видно, что человеком этим был старший сержант Бессарабов, более известный в 55-м танковом полку как Румын. Оставался непонятным только один момент: зачем Румыну понадобилось забираться тайком в свой танк, да ещё среди ночи? Однако дальнейшие действия полуночника дали ответ и на этот вопрос.

Достав из «боевой укупорки» гранаты, Бессарабов аккуратно уложил их на казённую часть пушки, потом извлёк из ставшего почти безопасным ведра несколько пачек денег. Сначала на свет появилась толстенная упаковка купюр достоинством в пять марок каждая, следом две пачки чуть потоньше, состоявшие одна – из десятимарковых, другая – из двадцатимарковых банкнот, потом тонкая пачка купюр по пятьдесят марок и наконец несколько банкнот достоинством в сто марок каждая, свёрнутые в трубочку и перехваченные резинкой.

В том, что деньги назывались марками, ничего удивительного не было. Румын служил в Группе Советских войск в Германии и зарплату получал в валюте ГДР. Удивляла только общая сумма, а также настораживало и даже пугало то, что это были не восточные марки, а марки ФРГ...

Дальнейшие действия Бессарабова были тоже неясны и подозрительны. Достав из кармана три купюры по сто марок, он присоединил их к свёртку аналогичных банковских билетов, а потом вытащил из пачек два десятка пятёрок, несколько червонцев и двадцаток и спрятал их в карман.

В это время по броне вдруг застучали чьи-то сапоги. Старший сержант, скрипнув зубами, быстро переложил деньги на танковую радиостанцию, убрав их за пределы прямой видимости, а потом схватил автомат, снял его с предохранителя и, передёрнув затвор, направил оружие на открытый люк.

В отверстии люка появилась голова рядового Рошки – земляка Бессарабова и по совместительству механика-водителя его экипажа. Увидев направленный в свой лоб ствол автомата, Рошка изменился в лице и еле слышно прошептал: «Володя, свои!»

- Что тебе здесь нужно, клоун? – задал прямой вопрос подчинённому Румын.
- Володя, убери автомат, – всё тем же шёпотом попросил Рошка.
- Я повторяю свой вопрос, – произнёс Бессарабов, несколько отведя ствол в сторону.
- Да я вышел из палатки до ветру, – заметно оживился механик. – Смотрю, из люка нашего танка свет пробивается. Решил разобраться, в чём дело. А ты что здесь делаешь?
- «Боевую укупорку» проверяю, – указав на гранаты, соврал Бессарабов.
- Знаешь, Румын, – покачал головой Рошка, – а нервы у тебя ни к чёрту, ты так до дембеля не дотянешь.

Произнеся последнюю фразу, механик-водитель убрал голову из люка и, протопав сапогами по броне, спрыгнул с танка.

Убедившись в том, что звук шагов Рошки стих, Бессарабов утёр со лба пот и, повернувшись в сторону радиостанции, плюнул на сложенные деньги, пробурчав вполголоса: «Из-за этих бумажек чуть товарища

не угробил». Затем, отсоединив магазин от автомата, Румын снял головной убор и, положив его на колени, передернул затвор так, чтобы патрон выбросило в берет, после чего вернул патрон в магазин и, присоединив последний, поставил автомат на предохранитель. Ещё немного посидев без движения, старший сержант взял пачки денег, аккуратно стёр с них собственный плевков и бережно положил их в «боевую укупорку», а потом, небрежно ссыпав туда же гранаты, вернул ведро на штатное место и покинул танк...

На путь стяжательства и нарушения Уголовного кодекса в той его части, где говорится о валютных махинациях, сержант Бессарабов встал как-то незаметно даже для самого себя. Произошло это два месяца назад в славном городе Бресте, во время возвращения из отпуска на родину. После заполнения таможенной декларации, по предъявлении которой в любом банке ГДР можно было обменять тридцать советских рублей на девяносто шесть марок, и прохождения самого досмотра, всех отъезжающих за рубеж выпустили на железнодорожный перрон. Советские солдаты, возвращавшиеся в ГСВГ и Польшу, а также небольшое количество штатских оказались на нейтральной полосе. Государственная граница СССР находилась позади, в здании вокзала, железнодорожный путь, лежавший под ногами, был по-европейски узким, в конце платформы в открытом положении застыл полосатый шлагбаум, за ним начиналась Польша.

И вдруг непонятно откуда на перроне появился странный человек. Одет он был в яркую заграничную куртку и новые джинсы, на ногах его красовались высокие кожаные полусапожки, а голову украшала меховая кепка. Человек шёл по нейтральной полосе, держа руки в карманах куртки и покуривая длинную тонкую сигарету, всем своим видом показывая, что чувствует себя здесь так же вольготно, как на прогулке в городском сквере Москвы. Бессарабов, который стоял в стороне от основной массы будущих пассажиров, с интересом смотрел на человека.

Подойдя к Бессарабову вплотную, подозрительный тип, не вынимая сигареты изо рта, спросил, шелевя только уголками губ: «Декларации с печатями не нужны?»

В голове Румына щёлкнул какой-то тумблер, он вспомнил, что многие его сослуживцы в письмах из дома время от времени находят советские рубли, которые вкладывают в конверты сердобольные родители. Папам и мамам, воспитанным в духе строителей коммунизма, было невдомёк, что на свете есть страны, где рубли СССР – не более чем фантики и купить на них ничего не возможно. Их дорогим чадам приходилось менять эти деньги дембелям на марки ГДР по курсу один к одному, и рубли возвращались в Союз.

- Хотелось бы увидеть товар, – в лучших традициях фильма «Крёстный отец» произнёс Бессарабов.
- Смотри, – протянул бланк незнакомец.

Примерно минуту Румын сравнивал свою заполненную декларацию и документ, полученный от фарцовщика, в поисках десяти отличий и не нашёл ни одного. Всё было на месте: штамп Брестской таможни, личная печать и подпись таможенника.

- Почём? – наконец выдавил из себя потенциальный покупатель.
- Как для тебя, так по три рубля, – ответил продавец.
- Я беру двадцать пять по два рубля за штуку, – решился Бессарабов.
- Приятно иметь дело с акулой бизнеса, – хмыкнул незнакомец. – Двадцать штук за пятьдесят рублей, и это последняя цена...

Вернувшись в родную часть, Румын развил бурную финансовую деятельность. В первый же день он отправился в ближайший банк и по своей декларации поменял оставшиеся у него тридцать рублей на марки. Затем по секрету сообщил сослуживцам о том, что он имеет желание поменять марки на рубли по курсу полторы к одному. Через пятнадцать минут, потратив девяносто марок из девяности шести, полученных в банке, купил шестьдесят рублей. Потом, усадив за стол в ленинской комнате Рошку и Гетто, заставил их заполнить на свои имена таможенные декларации.

После обеда под присмотром Бессарабова Рошка и Гетто посетили две разные сберкассы и обменяли рубли на марки. Банковская система Германской Демократической Республики принимала декларации Румына как родные. Купив подельникам по бутылке пива, сержант вернулся в часть и ещё до ужина обменял сто восемьдесят марок на сто двадцать рублей.

Отужинав, сержант Бессарабов уютно расположился в ленинской комнате и долго занимался какими-то вычислениями, записывая столбики цифр в тетради с конспектом книги «Капитал». Выходило, что каждые сорок пять марок, вложенные в обмен, приносили ему (после вычета стоимости самого бланка и бутылки пива за сорок семь пфеннигов) девяносто марок, что составляло сто процентов прибыли. Такие барыши даже не снились Карлу Марксу и его сподвижнику Фридриху Энгельсу. Оторвав взгляд от тетради и оглянувшись по сторонам, Румын заметил, что освещение в ленинской комнате стало как будто ярче и серая армейская жизнь заиграла всеми цветами радуги. Несколько, правда, огорчало то, что запас деклараций был ограничен. Однако мозг сержанта Бессарабова, уверенно вставший на рельсы развитого капитализма, через минуту нашёл решение и этой проблемы. Первому же солдату родного батальона, который поедет в отпуск, Румын решил дать пятьдесят рублей и чёткие инструкции по покупке бланков.

Команда «отбой» застала в ленинской комнате Генку Антоненко, Ваську Лычманюка и обоих Вальдосов, заполнявших под диктовку Бессарабова декларации.

На следующее утро вся перечисленная пятёрка покинула расположение части, перемахнув поочерёдно через забор у танковых боксов. До обеда рубли ушли в казну ГДР, а восточные марки – в карман Бессарабова. Друзья сидели в ближайшем кафе, попивая пиво и восхищаясь новым предпринимателем, сам Румын пиво не пил из скупости...

Вечером того же дня к Бессарабову стали поступать рубли из соседних батальонов. Ещё через пять дней Румын истратил последнюю таможенную декларацию и, предчувствуя застой в бизнесе, вновь зашел за конспект книги «Капитал» в ленинской комнате. Пересчитав осевшую в карманах наличность, он трезво содрогнулся. Афера с бланками за неделю принесла без малого тысячу марок ГДР. Точно такую же сумму он заработал за полтора года безупречной службы в виде зарплаты, получая в первые полгода по двадцать пять марок в месяц, вторые полгода – по пятьдесят, а после – по семьдесят шесть марок.

Сделанное Румыном открытие расстроило его. Он понял, что родная страна его не ценит и, возможно, даже не любит. Любой другой гражданин Советского Союза на его месте опустил бы руки и затосковал, но Бессарабов был уже закалён жестоким миром капитализма. В его голове вновь щёлкнул какой-то тумблер, и взалкал Румын новых званий и должностей.

Прекрасно зная, что к комбату месяц назад приехала жена, которая контролирует весь семейный бюджет, вследствие чего майор не имеет денег «на пропой», сержант стал готовить почву для переговоров. Рыдая в душе от жадности, купил он в ближайшем немецком магазине бутылку хорошего коньяку, несколько лимонов и кубинскую сигару в алюминиевом футляре, а после ужина, держа подношение в пластиковом пакете за спиной, постучал в дверь канцелярии. Рык трезвого комбата, означавший разрешение войти, мог развернуть от двери кого угодно, но только не решительно настроенного Бессарабова. Открыв дверь и произнеся: «Разрешите?», – он вошёл.

– Румын! – удивлённо и даже как-то радостно произнёс комбат. – Заметь, из наших встреч никогда ничего хорошего для тебя не получается. Я тебя не трогаю, а ты сам лезешь на конфликт, как гвоздь на стену. Чего тебе?

– У меня день рождения скоро, товарищ майор, – заявил Бессарабов.

– Поздравляю, – выдавил из себя Богданов. – А что ты там за спиной прячешь? Гранату принёс? Решил себе на день рождения подарок сделать, взорвать отца-командира?

– Да тут это... – засуетился проситель и стал выкладывать на стол дары.

Изумлённо крякнув, комбат открыл ящик стола и достал стакан и нож. Налив половину стакана коньяку и нарезав лимон, майор поднял палец вверх, требуя абсолютной тишины, выпил, закусил и блаженно откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. Бессарабов молча стоял, ожидая продолжения. Наконец офицер открыл глаза и налил себе ещё полстакана.

– Тебе не предлагаю, – изрёк комбат. – У срочной службы от алкоголя наблюдается падение уровня патриотизма и неуверенность в завтрашнем дне.

– Согласен, – кивнул сержант.

– Ну, раз согласен, можешь быть свободным. Чего стоишь?

– Поговорить хочу.

– А о чём нам с тобой разговаривать, Румын?

– Я думаю, – пожал плечами Бессарабов, – два умных человека всегда найдут, о чём поговорить.

– И кто тут второй умный? – прищурил глаз, поинтересовался комбат.

– Я не могу ответить на этот вопрос, пока не узнаю, кого вы считаете первым умным человеком, – заметил Бессарабов.

– Ну-ну, – улыбнулся майор. – Продолжай в том же духе. На трое суток родной гауптвахты ты уже наговорил.

– Я хочу быть старшим сержантом, – понимая, что влиять в разговоре больше не надо, взял быка за рога Румын.

– Это всё? – ухмыльнулся комбат и залпом выпил вторые полстакана.

– Нет, ещё не всё, – уточнил Бессарабов. – В девятой роте вакантна должность заместителя старшины, и я хотел бы эту должность занять.

– У тебя сейчас какая зарплата? – снова наполнив стакан и задумчиво глядя на бутылку, поинтересовался Богданов.

– Семьдесят шесть марок.

– Даже если станешь старшим сержантом и заместителем старшины, твоя зарплата будет составлять девяносто семь марок. И это – предел. Денежное довольствие военнослужащих срочной службы не должно превышать ста марок ни при каких условиях. Не скоро коньяк окупится?

– Не скоро... – пригорюнился Бессарабов. – И тем не менее, могу я рассчитывать на новое звание и должность?

– Рассчитывать можешь, – кивнул майор. – Как только мне дадут звание подполковника, ты сразу становишься старшим сержантом.

– А что, есть надежда, что вы станете подполковником, товарищ майор? – возрадовался Бессарабов.
– Надежды нет, – в очередной раз наливая себе, честно признался комбат. – С вами, паразитами, как бы обратно в капитаны не разжаловали.

– Разрешите идти, товарищ майор? – поняв по тону начальства, что разговор окончен, обратился сержант.

– Иди, Румын, – разрешил Богданов. – И помни, что тот, кто даёт взятку, ничем не лучше того, кто эту взятку берёт...

Через несколько дней после этого разговора бесцельно слонявшегося в районе КПП Румына окликнул из окна штаба полка командир девятой роты капитан Тарасюк. Капитан в этот субботний день заступил в наряд – дежурным по части, чем, естественно, был недоволен. Чтобы не злить командира своей роты, Бессарабов «изобразил бег». Слегка подпрыгивая почти на месте, он начал перемещение в пространстве в сторону штаба. Зайдя в каморку дежурного, сержант соорудил верноподданническое лицо и приготовился слушать.

– Румын, ты знаешь, где живёт комбат? – поинтересовался Тарасюк.

– Русская улица, дом 5. Номер квартиры не знаю.

– А номер дома откуда знаешь?

– Поинтересовался у посыльного, чтобы за два километра его обходить, – честно признался Бессарабов.

– Ладно, – кивнул капитан. – Квартира номер 12. Сходи, вызови Богданова в часть, на его имя из штаба армии пришла телефонограмма. А у меня в наряде одни «молодые», я не могу никого из них в город послать – заблудятся.

– А если патруль? – слабо возразил Бессарабов.

– Слушай, Румын, – почти зашипел командир роты, – ты из меня глупую буратинку не делай. Ты в городе проводишь больше времени, чем в полку, и ни я, ни патрули тебя не трогают. Впервые тебя в город официально отправляют, а ты мозги компостируешь. Кто посыльного тронет? Иди давай.

Прежде чем отправиться в путь, сержант Бессарабов зашёл в комнату, где находился узел связи штаба. Там, в окружении телефонных аппаратов, селекторов и полевых радиостанций, сидел ефрейтор секретной части по прозвищу Ухо.

– Здорово, Ухо, – поприветствовал связиста Бессарабов, усаживаясь в свободное кресло.

– Здорово, Румын, – оторвался от какой-то «писанины» ефрейтор. – Там на двери табличка висит – «Посторонним вход воспрещён». Читал?

– Читал. Меня это не касается. Мой дедушка во время войны Штирлицем работал. Так что кто из нас посторонний – это ещё надо в прорезь прицела посмотреть.

– Давай короче, что тебе надо? – прервал воспоминания Бессарабова о героическом дедушке Ухо.

– Телефонограмму для нашего комбата из штаба армии ты принимал? – невинно поинтересовался посетитель.

– Ну, я...

– Что в ней было?

– Я фигею от тебя, Румын, – откинувшись на спинку кресла и восхищённо глядя на собеседника, воскликнул ефрейтор. – А секретный маршрут выдвижения полка к границе с ФРГ в случае боевых действий тебя не интересует?

– Нет. До границы я и так доберусь. Меня телефонограмма интересует.

– Пошёл к чёрту, – отрезал Ухо.

– А если так? – покопавшись в кармане, Бессарабов выложил на стол пачку немецких сигарет «Кабинет».

– Вот можешь же убедить! – неуловимым движением сметая сигареты в ящик стола, кивнул ефрейтор.

– Вашему комбату звание подполковника присвоили. Номер приказа назвать?

– Номер приказа мне не нужен, – в волнении вскочил с кресла Бессарабов. – Но если ты врешь, лучше этой же ночью беги в ФРГ по секретному маршруту, а то завтра бежать не на чем будет.

– Ты чего так возрадовался, Румын? Не тебе же подполковника дали!

– Ничего, мы своё получим, – направляясь к двери, пробурчал Бессарабов.

– Эй, псих! – окликнул уходящего Румына Ухо. – Будут лишние сигареты, заходи! Есть свежие секретные карты укрепрайонов!

Через полчаса Бессарабов постучал в квартиру №12 дома №5. Дверь открыл комбат, которого было несколько странно наблюдать в спортивном костюме и шлёпанцах. Увидев за дверью Бессарабова, Богданов устало вздохнул.

– Нет от тебя покоя, Румын, ни днём, ни ночью, ни в выходные. Чего надо?

– Товарищ гвардии подполковник, гвардии старший сержант Бессарабов, разрешите обратиться? – по-уставному вытянулся прибывший.

– У тебя, Румын, на почве карьерных амбиций совсем башню сорвало? – угрюмо поинтересовался комбат.

– Никак нет, товарищ подполковник! Вам очередное воинское звание присвоили. Попросят прибыть в штаб полка для ознакомления с приказом! – бодро отрапортовал Бессарабов.

На кухне раздался звон упавшей тарелки, и через несколько секунд в коридоре появилась жена комбата. Она приехала в Виттенберг относительно недавно, но уже знала по именам всех офицеров из батальона мужа и даже некоторых выдающихся солдат, к которым относился и Румын.

– Володенька, заходи, родной, – вступила в разговор жена Богданова и, повернувшись к мужу, добавила. – А ты одевайся быстрее.

– Ничего, я в коридоре подожду, – стал отнекиваться Бессарабов.

– Заходи, сынок. Может быть, выпьешь пятьдесят граммов под огурчик? Сама мариновала.

– Нельзя мне, – ёкнув селезёнкой и шумно сглотнув слюну, заявил Румын. – У срочной службы от алкоголя наблюдается падение уровня патриотизма и неуверенность в завтрашнем дне...

– Кто сказал?

– Товарищ подполковник.

– Какой подполковник? – явно не поняла жена комбата.

– Ваш муж! – сдал, как стеклотару, родного командира Бессарабов.

– Мой муж пусть за своим уровнем патриотизма следит, а ты выпей.

В следующие тридцать секунд в полной тишине были слышны только гулкие глотки и чавканье огурцом...

– Володя, а про очередное звание – это точно? Ты приказ сам видел? – подождав, пока Румын доест огурец, поинтересовалась жена комбата.

– Сам не видел, – признался Бессарабов. – Мне Ухо из секретной части сказал. Но если он соврал, я ему все пальцы отрежу и сделаю из них комбату ожерелье.

– Пошли, Румын, – приказал появившийся в дверях кухни одетый по полной форме Богданов. – А насчёт ожерелья – орёл! У меня в Конго было такое же, только из членов...

В этот же день на вечерней поверке до сведения личного состава батальона было доведено, что комбату присвоено звание подполковника. А в воскресенье на вечерней поверке был зачитан приказ подполковника Богданова о присвоении гвардии сержанту Бессарабову очередного воинского звания – старший сержант и назначении его на должность заместителя старшины девятой роты.

В понедельник старшина девятой рота старший прапорщик Фокин передал Бессарабову дубликаты ключей от каптёрки, где хранились парадная форма солдат, дембельские чемоданы и личные вещи военнослужащих срочной службы. Ещё один комплект ключей от так называемой нижней каптёрки, которая находилась в подвале, старшина передал Румыну с просьбой навести там порядок. Собственно, ради доступа в эту «пещеру Али-Бабы» Бессарабов к новой должности и стремился.

В нижней каптёрке, кроме лопат, топоров, молотков, гвоздей и краски, хранились списанные в утиль вещи ушедших на дембель бывших солдат роты, а именно: связки кожаных ремней, юфтевые сапоги, рукавицы, комбинезоны, шапки (тех, кто демобилизовался весной), фуражки (тех, кто ушёл осенью), абсолютно новые шинели и бушлаты (поскольку в холода танкисты предпочитали ходить в зимних комбинезонах) и множество других интересных вещей.

За наведение порядка Румын взялся рьяно. В первую очередь он собрал комплект теплой рабочей одежды, состоявший из бушлата с меховым воротником, штанов на ватине, яловых сапог, трёхпалых рукавиц и солдатской шапки-ушанки и, упаковав всё это в аккуратный свёрток, отправился к зданию гарнизонного клуба. В клубе строительная бригада из четырёх немцев чинила крышу. Тут надо заметить, что со всеми строительными работами советские солдаты справлялись сами, но класть немецкую черепицу на острых скатах крыш так и не научились.

Немецкие строители ёжились на крыше клуба в рабочих гэдээровских куртках на «рыбьем меху» и мёрзли ужасно. Результатом пятиминутных переговоров Бессарабова с бригадиром немцев Рудольфом стало то, что Рудольф стал внешне неотличим от советского солдата, а Румын положил в карман сто марок, не облагаемых налогом. До вечера в состав советской армии вошли остальные рабочие, что принесло заместителю старшины ещё триста марок. Объяснив немцам, где его можно найти, Бессарабов вернулся в батальон.

На следующий день Рудольф пришёл к Румыну и сообщил, что в его родном строительном управлении есть множество людей, которые хотят приобрести бушлаты, рукавицы, а также зимние и летние комбинезоны. Процесс пошёл...

Заявившийся в нижнюю каптёрку через несколько дней старшина работой Бессарабова остался доволен. Помещение явно расчищалось, в нём становилось просторнее и светлее. Румын угостил старшего прапорщика бутылкой тёмного пива «Дессау» и бюргерскими колбасками и попросил в ближайшее время его не беспокоить. Переговоры прошли в тёплой и дружественной обстановке. Взяв у подчинённого

ещё две бутылки «на вынос», старшина заявил о полном к нему доверии и пообещал не тревожить по пустякам.

Советская армия Бессарабова тоже сильно не напрягала. В обязанности заместителя старшины роты входило водить личный состав в столовую на приём пищи, в баню на помывку и в солдатский клуб на просмотры кинофильмов. И если ела рота трижды в день, то мылась и смотрела кино только раз в неделю, что Румына устраивало. Кроме того, Бессарабов получал на складе постельное и нижнее бельё, портянки, мыло для бани и сухпайки для заступавших в выездные караулы и оцепление полигона. Зато он был совершенно освобождён от всякого рода работ, нарядов и даже обслуживания собственного танка, что оставляло огромное количество времени для бизнеса. А бизнес набирал обороты...

Закончивший ремонт крыши Рудольф каждый день в условленный час приходил к пролomu в заборе части, дабы взять новый товар на реализацию и рассчитаться за прошлую партию. Ассортимент расширялся. Кроме военного имущества, в братскую страну через Румына стали поступать электробритвы и другие электротовары, которые солдаты привозили из отпусков, часы советского производства, почему-то ценившиеся немцами, и прочее. С каждой проданной вещи Бессарабов удерживал свой процент, а Рудольф – свой, но тем не менее цена всегда оставалась привлекательной для населения.

По прошествии месяца сумма личных накоплений Румына составляла уже более трёх тысяч марок ГДР, но тут, к сожалению, в бизнесе образовалась пауза, поскольку родной полк в полном составе отправился на боевое дежурство к границе с ФРГ.

Первый день на новом месте прошёл в делах и суматохе. Копали танковые окопы, устанавливали палатки, маскировали танки. Экипажу Румына была выделена боевая позиция на обочине автобана, ведущего к границе. Весь день Бессарабов поглядывал на дорогу, провожая завистливыми взглядами западногерманские «Мерседесы», «Опели» и «Фольксвагены», которые изредка пронеслись мимо. Гэдээровские «Трабанты» здесь не ездили, потому что выезд из Восточной Германии в Западную для встречи с родственниками был разрешён только пенсионерам.

На следующий день на противоположной стороне напротив танка остановился шикарный «Вольво». Сидя на башне, Бессарабов с интересом наблюдал, как толстый немец-водитель пытается выйти из автомобиля, а худая очкастая немка, по-видимому, жена, удерживает его от этого необдуманного шага. На заднем сидении хлопали глазами два белобрысых «Ганса» лет десяти-двенадцати. Наконец глава семьи победил и, покинув машину, стал переходить дорогу, направляясь в сторону танка. Румын подтянул к себе за ремень автомат и положил его на колени. В «Вольво» завизжала и заверещала немка. Немец, остановившись посреди автобана, поднял над головой руку с зажатым в ней пачкой «Мальборо». Кивнув головой, Бессарабов положил автомат на место. Не доходя трёх метров до танка, немец остановился и стал, путая немецкие и русские слова, громко, как будто общается с глухим, говорить.

– Панцыр. Фото. Спасибо. Сигаретен. Здравствуй, товарищ.

– Фельдмаршал Паулюс тебе товарищ, – пробурчал себе под нос Румын и добавил громко по-немецки: – Да скажи ты нормально, чего тебе надо?

Если бы с немцем в лесу заговорил по-человечески серый волк, он удивился бы меньше. Однако, совладав с собой, толстяк пояснил, что просит разрешения сфотографироваться у танка и готов за это подарить пачку сигарет.

Фотографироваться на фоне секретных «Т-64Б» было запрещено даже советским солдатам, но на совести Бессарабова за последние несколько месяцев скопилось столько грехов, что ещё один его уже совсем не беспокоил. И Румын пояснил немцу, что тот должен добавить ещё две бутылки пива и потом может снимать здесь даже фильм в пяти сериях. Немец радостно кивнул и, отдав сигареты, побежал к своей машине. Через минуту он вернулся, неся в руках две бутылки западногерманского пива. Следом за ним цаплей вышагивала его жена с фотоаппаратом.

Бессарабов проверил, хорошо ли держится на башне газета «Красная Звезда», которой он заклеил бортовые номера танка, и, взяв автомат, прыгнул с боевой машины, чтоб не «отсвечивать». Немец устроил целую фотосессию. Он фотографировался стоя у танка, сидя на броне и даже повиснув на стволе пушки. В конце концов он втиснул своё тело под днище танка и, положив голову под начало гусеницы, раззявил рот, словно в предсмертном крике. Румын, попивая пиво, смотрел на всё это с жалостью, как, наверное, смотрел капитан Кук на драку, которую устроили дикари из-за подаренных им бус.

Наконец фотоаппарат загудел, перематывая отснятую плёнку, и немка ушла назад к автомобилю. Немец пожал Бессарабову руку и вдруг поинтересовался, не хочет ли советский сержант поменять немного восточных марок на западные.

В голове Румына привычно щёлкнул капиталистический тумблер, и он согласился, предложив грабительский курс: две марки ГДР к одной ФРГ. Немец почесал затылок и кивнул, тоже выражая согласие. В течение минуты четыреста восточных марок и двести бундесмарок сменили владельцев, и немец уехал.

Бессарабов, достав из башни танка конспект книги «Капитал», устроился на корме боевой машины и углубился в расчёты. Во время отпуска в родном Кишинёве друг детства Иван, связавшийся с фарцов-

щиками, интересовался, нет ли у Бессарабова на продажу марок ФРГ, обещая по три рубля за каждую. Зная официальный курс, который составлял семьдесят копеек за марку, Румын тогда удивился, но не более того. Теперь он посмотрел на это предложение с другой точки зрения. Каждый рубль, вложенный в декларации, принёс ему два рубля, или шесть марок ГДР. В свою очередь шесть восточных марок могли при обмене принести три марки ФРГ, а те, после прибытия в Союз, – девять рублей. Процент прибыли никаким математическим вычислениям не поддавался. Что касается денег, полученных за продажу военного имущества и посреднические труды, то они изначально были чистой прибылью и, увеличиваясь в десять раз, таковой быть не переставали.

Через час, после завершения вычислений, на обочине автобана с противоположной стороны был вкопан деревянный столб с прибитым к нему листом фанеры, на которой мелом было написано «DM --- DDR-Mark», а также нарисованы танк и стрелка, указывающая в сторону боевой позиции экипажа Румына.

Расчёт Бессарабова строился на двух простых вещах – на знании законов ГДР и понимании психологии немцев. Вывоз восточных марок за пределы демократической Германии был строго запрещён. Некоторое количество этой валюты ещё попадало по официальным каналам в страны СЭВ, а вот приобрести её на Западе было совершенно невозможно. Минимальную сумму гражданам ФРГ, конечно, меняли по таможенной декларации, но её не хватало. Дело в том, что, приезжая к родственникам, западные немцы не только вкладывали свою долю в совместные походы в бар или кинотеатр, но и платили за потребляемую в гостях электроэнергию, воду и съеденные продукты.

Благодаря этим факторам меняльная контора Бессарабова процветала. До конца первого дня он положил в карман ещё четыреста западных марок. Следующий день тоже прошёл плодотворно. Однако в семь часов вечера, глядя вослед очередной отъезжающей машине и держа в руках только что выменянные марки ФРГ, старший сержант ощутил крепкий тычок в спину. Понимая, что ничего хорошего это не предвещает, Бессарабов медленно повернулся и узрел родного комбата.

– Ну, и что здесь творится? – сквозь зубы процедил подполковник.

– Меняю восточные марки на западные, – видя, что комбат смотрит на деньги, признался Бессарабов.

– Зачем?

– Хотелось бы получать зарплату в марках ФРГ.

– А в ракушках, как в Республике Конго, не хотелось бы? – слегка опешив от признания подчинённого, поинтересовался Богданов.

– Неужели, товарищ подполковник, вы там пять лет за ракушки сидели?

– За что я там сидел, не твоё дело, Румын! – отрезал комбат. – Но, если хочешь, я расскажу, за что сядешь ты и как это произойдёт.

– Сделайте милость, – кивнул Бессарабов.

– Ну, слушай, – прислонившись спиной к танку, начал пророчество комбат. – Ты в отпуск ездил на обычных гражданских поездах. У таможенников были дела поинтересней, чем обыскивать солдата, и ты поверил, что государство открыло тебе форточку в Европу. Забудь об этом! На дембель ты полетишь самолётом, вместе с сотней таких же ушлых парней с чемоданами. Самолёт приземлится на военном аэродроме какого-нибудь Суходрищенского гарнизона, где вас будут ждать сотрудники временной военной таможни. Набираются эти славные люди из лейтенантов и прапорщиков этого самого гарнизона, и все они прекрасно понимают, что в ближайшие годы им не то что Германия, но даже Монголия не светит. А потому злобствуют они не по-детски. Взвешивают конфеты из ваших чемоданов и всё, что превышает разрешенные три килограмма, отбирают. Изучают этикетки на купленной одежде и обуви, и если, не дай бог, вещь сделана не в ГДР, можешь с ней попрощаться. На любой товар требуют чек из магазина и так далее. Так вот, если эти ребята что-нибудь заподозрят, они устроят тебе личный досмотр и заглянут в такие места, в которые ты сам себе никогда не смотрел. Если они найдут марки ФРГ, то вся сумма будет тут же сдана государству и осядет в бетонных хранилищах Внешторгбанка. Что касается тебя – ты тоже не сможешь пожаловаться на хлипкость казематов, где интересно и насыщенно проведёшь лет десять...

Окончив эту великолепную речь, подполковник Богданов внимательно всмотрелся в лицо собеседника и остался доволен произведённым эффектом. Бессарабов слушал предсказание начальства, выпучив глаза, открыв рот и дыша тяжело, как рыба на суше. Сказав на прощание ласковым тоном: «Вешайся, Румын!», – комбат повернулся к старшему сержанту спиной и ушёл.

В этот же вечер всё ещё находящийся под впечатлением от услышанного Бессарабов поделился своей проблемой с другом и сослуживцем Генкой Антоненко. И тот неожиданно нашёл решение этой сложной задачи. Генка был одним из лучших сапожников полка и творил с обычной солдатской обувью настоящие чудеса. Из его рук выходили сапоги, похожие на изделия именитых модельеров: отглаженные «бутылочки», равномерно сморщенные «гармошки» со скошенными каблуками, обточенной кромкой подошв, со всевозможными подковками, изменённой формой носка и т.д. Выслушав друга, Антоненко вдруг сказал: «Придётся тебе, Румын, на дембель ехать в сапогах и полушерстяной форме. Это в виде исключения допускается, если «парадка» пришла в негодность. Но прежде я поработаю над этими сапогами. Надо будет

расслоить подошвы – в них спрячем какое-то количество листов, потом я всё склею и прибью гвоздями обратно так, что никто от заводского изделия не отличит. Сниму каблучки и в них вырежу полости, наполним эти пустоты свёрнутыми купюрами, и я приколочу каблучки на место. Правда, много всё равно не поместится, так что готовь банкноты покрупнее. И о сапогах никому не говори – оторвут вместе с ногами!»

В следующие три дня обмен денег в банке «Три танкиста» проводился по несколько странному принципу: Румын брал только сотенные купюры и иногда, скрепя сердце, полусотенные. При этом он всегда с огромным удовольствием отсчитывал сдачу мелкими банкнотами. Бывало, немцы соглашались и просто на размен денег, как на услугу человеку, который их выручил. Каждую ночь Бессарабов забирался в свой танк, чтобы спрятать крупные купюры и взять очередную партию мелких. Во время первой такой вылазки и произошла встреча с механиком-водителем, описанная вначале. К счастью, она не имела серьёзных последствий.

Через три дня обмен был завершён, и в закромах Румына вместо трёх тысяч марок ГДР оказалось полторы тысячи марок ФРГ и небольшой остаток в виде восточной валюты, отложенный «на чёрный день». Бессарабов лично свернул деятельность обменного пункта, одним ударом ноги опрокинув в кювет столбик с плакатом, который так тщательно вырисовывал пять дней назад.

Произошло это весьма вовремя, поскольку в этот же вечер пятьдесят пятый танковый полк, в котором служил Румын, снялся с насиженного места и, даже не заезжая в Виттенберг, выдвинулся на Магдебургский полигон для очередных учений.

От центра полигона, где проходили боевые стрельбы, до ближайшего немецкого посёлка было не менее двадцати километров, следовательно, условия для коммерции отсутствовали. А потому Румын вдруг вспомнил о том, что является старшим сержантом Советской армии, и рьяно взялся за службу. Уже давно он носился с идеей добиться полной взаимозаменяемости всех членов экипажа, чтобы водитель мог стрелять и командовать, а наводчик, соответственно, командовать и управлять танком. Сам Бессарабов умел делать и то, и другое, и третье, а вот зачем ему понадобилось подтягивать до своего уровня остальных членов экипажа, он и сам себе не мог ответить. Однако каждую свободную минуту в «Румынском» экипаже проводились индивидуальные занятия.

Однажды, когда из-за того, что Лычманюк не смог с первой попытки завести танк, а Рошка перепутал последовательность включения тумблеров на месте наводчика, в виде наказания оба виновника сначала вытаскивали, потом устанавливали назад тяжелые танковые аккумуляторы, а затем выгружали и загружали обратно в башню тридцатикилограммовые снаряды. Бессарабов стоял рядом и разъяснял подчинённым их ошибки, а потому не заметил, как сзади подошёл комбат.

О присутствии начальства старший сержант узнал, только услышав за спиной тихий голос: «Выслуживаешься, румынский шпион? На звание старшины анус рвёшь? Хрен тебе на погоны, а не новые лычки!» Произнеся эту сакраментальную фразу, подполковник Богданов ушёл, но индивидуальные занятия не запретил.

На следующий день были назначены боевые стрельбы, и Бессарабов на свой страх и риск произвёл перестановки в экипаже. Понимая, что с вышки, на которой находится комбат, невозможно разглядеть, кто в какой люк лезет, Румын решил сесть за рычаги, на место наводчика посадить механика, а на место командира – наводчика. Стрельба прошла на удивление успешно. Запуганный старшим сержантом, Рошка поразил все мишени, истратив строго разрешённое количество снарядов и патронов.

Проблемы начались после возвращения танка на исходный рубеж. По команде «К машине!» танк покинули только Бессарабов и Лычманюк, Рошка почему-то из люка не вылез. Разбираться, почему он там застрял, времени не было, и экипаж в неполном составе побежал к вышке для «разбора полётов».

Вышедший на смотровой балкон подполковник Богданов сразу заметил потерю бойца в одном из трёх экипажей и обратился к Бессарабову.

– Сиротка, где твой зёма?

– Видимо, заснул на обратном пути, товарищ подполковник! – бодро отрапортовал Румын.

– А танк на автопилоте на исходную вернулся? – поинтересовался комбат.

– Никак нет, товарищ подполковник. Танк вёл я, Рошка стрелял.

– Да ладно?! – искренне удивился Богданов. – А ведь хорошо стрелял. Но ты, Румын, всё равно ночные дрессировки прекращай, а то у тебя уже солдаты в танке засыпают.

– Так я сбегаю, разбужу, – засуетился Бессарабов.

– Не надо, – решил комбат. – Туда сейчас следующий экипаж побежит, они и разбудят. А вы все в курилку идите, разборов не будет, нормально отстреляли.

Через несколько минут к сидящему в курилке Бессарабову подбежал младший сержант Гетто с криком: «Румын, твоего Рошку люком по башке стукнуло, его достали, но он какой-то неживой...»

Окончание речи Гетто Бессарабов не слышал, потому что огромными прыжками, как кенгуру, уже нёсся в сторону исходного рубежа, прекрасно понимая всю серьёзность происшествия. Люк наводчика весил девяносто килограммов, и, если его плохо застопорить на старте, он открывался в движении и

начинал хлопать по башне. Закрывать люк на ходу строго запрещалось, тяжеленная железяка отрезала пальцы, как нож мясника – сосиски. В данной ситуации наводчику предписывалось ничего не предпринимать, а, съёжившись в кресле, ждать полной остановки танка, ибо что произойдёт в случае удара люком по голове, никто точно сказать не мог. Говорил ли он об этом Рошке, Бессарабов не помнил, но на всякий случай для себя решил, что говорил...

К небольшой кучке солдат, стоявших у распостёртого на земле тела, Румын подбежал одновременно с подъехавшей дежурной машиной, которая должна была увезти механика в госпиталь. Рошка лежал с закрытыми глазами и, похоже, не дышал. Из-под шлемофона сочилась кровь. Выпрыгнувший из машины медбрат Бугаенко аккуратно снял с головы раненого шлемофон и начал накладывать повязку.

– Браток, – присев на корточки, зашептал Бессарабов, – браток, ты живой?

– Я в порядке, – дрогнув ресницами, отозвался Рошка. – Что с люком, Румын?

– Да что с ним будет? – сорвался на крик Бессарабов. – Ты о себе побеспокойся! Если ты сдохнешь, ты даже не представляешь, что я с твоим телом сделаю, идиот!

– Не сдохну, – прошептал Рошка, которого несколько солдат уже загружали в машину.

Через минуту машина уехала, все разошлись, и только Бессарабов остался стоять на месте, сжимая в руке окровавленный шлемофон. Со стороны вышки неторопливо подошёл подполковник Богданов.

– Что, Румын, земляка убить – как дома побывать? – чёрство пошутил комбат.

Вместо ответа Бессарабов лишь вздохнул и пожал плечами.

– Да не расстраивайся, – продолжал попирать все человеческие чувства Богданов. – Есть разрешённый процент потерь на учениях, в Советской армии солдат много, подберём тебе нового механика. Главное, с люком всё в порядке...

Вернувшийся вечером из госпиталя медбрат Бугаенко сообщил Бессарабову о том, что у Рошки сильнейшее сотрясение мозга и рассечена кожа на голове, но кости черепа целы, а значит, жить пострадавший, скорее всего, будет. Удар здорово смягчил шлемофон. Румын в первый раз за весь день вздохнул с облегчением.

На следующий день были назначены стрельбы боевыми снарядами в наступлении. К восьми утра все машины полка выстроились в боевом порядке в начале полигона. В экипаж Бессарабова привели молодого и весьма запуганного механика из «полигонки». О том, что с этим кадром каши не сварить, Румын догадался, когда, обращаясь к новому члену экипажа, случайно чихнул. Механик подпрыгнул на полметра от земли и прикрыл голову руками. «Бьют пацана в полигонной роте», – сообразил старший сержант и махнул рукой на предстоящие учения.

В 8:30 в небо взлетела красная ракета, и танки, взревев моторами, двинулись вперёд. Механик-водитель сразу погнался боевую машину, не разбирая дороги, по всем буеракам и барханам самого крупного полигона Европы. В ответ на все крики озверевшего командира молодой только добавлял газу, Румына и Бандеру жутко «штормило» в башне. При подъёме на очередной песчаный холм танковая пушка зачерпнула ведро песка. Поскольку в этот момент Бессарабова и Лычманюка отбросило на спинки кресел, ни тот ни другой ничего не заметили. Если бы за рычагами находился Рошка, он бы предупредил командира об этой неприятности, но молодой механик или не углядел момент касания, или не решился тревожить «страшного» сержанта.

Тут надо заметить, что танк Т-64Б оснащён гладкоствольной пушкой, и снаряды, входящие в боекомплект, подогнаны к каналу ствола почти до микрона, следовательно, любой посторонний мусор в пушке может привести к разрыву или деформации орудия.

Наконец барханы кончились, и танк, проутюжив небольшую берёзовую рощу, выполз на утрамбованную землю. Впереди поднялись мишени, и Лычманюк, тщательно прицелившись, нажал на кнопку электроспуска.

Орудие грохнуло жутко. Башню заволокло дымом, с которым не могла справиться система вентиляции. В центральной части пушки образовалось вздутие размером с небольшой бочонок. Снаряд не вылетел, а просто выпал из канала ствола и через несколько секунд взорвался под гусеницей наехавшего на него 592-го танка...

Разрешённый процент потерь на учениях с боевой стрельбой в ГСВГ в те годы составлял 1,5. Если этот процент не был превышен, то по такому пустяковому поводу даже не создавалась специальная комиссия Министерства обороны. С учётом того, что в пятьдесят пятом танковом полку служило около тысячи человек, пятнадцать солдат можно было спокойно списать в покойники без каких бы то ни было последствий. Что уж тут говорить о надоевшем всему начальству «Румынском» экипаже. Однако целый боевой танк, вышедший из строя, уже представлял собой серьёзную проблему. Поэтому через секунду после взрыва на полигоне началась страшная суматоха.

К счастью, снаряд, взорвавшийся под танком, был осколочным и причинить существенного ущерба боевой машине не мог. Фактически единственным последствием взрыва было то, что экипаж на тридцать секунд оглох. Когда же через полминуты слух вернулся, вместе с ним в наушники шлемофонов ворвалась

отборная ругань комбата. Подполковник Богданов орал благим матом, причём блага в его крике было мало, а мата много. Когда комбат замолчал на секунду для забора воздуха в лёгкие, в образовавшейся тишине прозвучала команда командира полка: «Броня, я – Первый, стой! Заглушить двигатели». Учения были остановлены.

Бессарабов открыл люк и в клубах дыма высунулся по пояс из башни. Вокруг, насколько хватало взгляда, расстилалась какая-то нереальная картина. На пригорках и в низинах, то на спусках, то на подъёмах, замерла сотня обездвиженных бронированных чудовищ. И только его танк был центром непонятного разновекторного движения. Со стороны ушедшего вперёд авангарда полка возвращался танк командира части, со стороны исходной позиции неслась дежурная машина, в кузове которой, размахивая санитарной сумкой и подпрыгивая на кочках, стоял ефрейтор Бугаенко. От соседнего танка к Бессарабову бежал, потрясая над головой сжатыми кулаками, подполковник Богданов, в противоположном направлении скачками удалялся молодой механик. Во всех танках открывались люки, и экипажи занимали места на башнях, желая посмотреть, чем всё это закончится.

Первым до цели добрался комбат. Он запрыгнул на броню и, схватив Бессарабова за отвороты комбинезона, стал трясти старшего сержанта как грушу с криком: «Что же ты творишь, паразит? Пока ты калечил живую силу – я терпел! А теперь ты технику ломать вздумал? Ты что, в НАТО зарплату получаешь? Да я тебя поставлю к среднему катку танка, чтобы пули далеко не разлетались, и расстреляю, как Гитлера! За такого вредителя больше двух лет не дадут!»

Неизвестно, чем бы закончилась дружеская беседа комбата с подчинённым, но подъехавший командир полка потребовал от подполковника Богданова прекратить самосуд. Основным аргументом было то, что на это просто нет времени – надо продолжать учения. Комбат разочарованно вздохнул и ушёл к своему экипажу. Бессарабов получил от комполка распоряжение осмотреть танк на предмет повреждений, затем отогнать его к железнодорожной станции и там дожидаться батальона.

Через несколько часов полк в полном составе, окончив учения, прибыл для погрузки на эшелоны к станции, где уже давно скучал Бессарабов. Подполковник Богданов сразу подошёл к 592-й машине.

– Ну, Румын, что делать думаешь? Как теперь из этого куска железа стрелять будешь? – довольно добродушно поинтересовался комбат.

– Есть идея! – ответил подготовившийся к разговору Бессарабов.

– Да ты что? – изумился подполковник Богданов. – Излагай.

– В нашей полигонной роте десять полностью боеспособных машин, – уверенно начал Румын. – Из них четыре танка используются только для вождения и никогда не стреляют. Забираем обратно в полк один из них, рисуем на нём 592-й номер, мой танк отправляем на полигон, пусть на нём вождение отрабатывают. Едет он нормально, а какая на нём пушка и есть ли она вообще, в данном случае значения не имеет. Снимаем с полка ЧП, неприятности не нужны ни мне, ни вам.

Реакция комбата на его речь удивила самого Бессарабова. Подполковник Богданов вдруг как-то посветлел лицом и, кивнув головой, просто ушёл. Румын вытер со лба пот и нервно закурил...

Через полчаса прибыл первый товарный эшелон, состоявший из трёх теплушек для солдат, одного плацкартного вагона для офицеров и тридцати двух платформ для танков. На него загрузился первый батальон и экипаж танка комполка. Погрузка заняла два часа времени и прошла без сбоев. Сразу после отправки первого эшелона к танковой аппарели был подан второй. Ещё через два часа – третий. Настала очередь третьего батальона.

Тут надо заметить, что заезд на грузовые платформы – дело сложное, особенно в ГСВГ. Советские танки рассчитаны на перевозку на советских платформах, и это логично. Европейский рельсовый путь более узкий, а, соответственно, уже и немецкие грузовые платформы. Танк, едущий из конца в начало эшелона, опирается на платформы только внутренними краями гусениц, а внешние висят в воздухе. Сидящий в боевой машине механик ведущих колёс и гусениц своего танка не видит, что ещё больше осложняет задачу.

Осуществляется погрузка так: перед движущимся танком, пятясь, идёт опытный офицер или прапорщик и, поднимая то одну, то другую руку, показывает механику-водителю, какой рычаг зажимать, благодаря чему корректируется движение. После остановки экипаж железными серьгами крепит траки своей машины к платформе, чтобы при повороте эшелона танк с поезда не свалился.

Бессарабов механиком-водителем не был. Правда, будучи командиром, имел навыки и опыт вождения танка, но такие сложные маневры, как погрузка на эшелон, до сих пор не выполнял, а потому переживал ужасно.

Руководил погрузкой роты лично капитан Тарасюк – офицер серьёзный и грамотный. Всё проходило гладко. 590-й и 591-й уже стояли на своих местах, а по узким платформам, как канатоходец по канату, медленно и осторожно крался 592-й танк, управляемый вспотевшим от волнения Румыном.

И тут пятившийся перед боевой машиной командир роты зацепился каблуком за какой-то болт, торчавший из платформы. Пытаясь сохранить равновесие и не упасть, капитан Тарасюк изогнулся всем

телом и судорожно замахал руками, исполняя то ли «русскую плясовую», то ли «цыганочку с выходом». Видя в триплекс только верхнюю часть тела командира, Бессарабов, следуя указаниям, суматошно задёргал рычаги. Раздался какой-то жуткий скрежет, и неожиданно небо и земля в глазах старшего сержанта стали меняться местами. «Что это с планетой творится?» – успел подумать Румын, прежде чем сорокатонная машина, задрав гусеницы, рухнула с эшелона под откос...

Железнодорожная ветка полигона была проложена по вершине длинного и, что немаловажно, высокого холма. А потому танк, прежде чем достигнуть нижней точки, сделал около семи переворотов, на каждом теряя различное навесное оборудование. В результате весь склон был усеян оторванными фальшбортами, наружными и дополнительными топливными баками, ЗИПами и шанцевым инструментом. Несколько оживляло пейзаж воткнувшееся почти вертикально в землю бревно для самовытаскивания с прицепившейся к нему маскировочной сетью. Рядом валялся зенитный пулемёт НСВТ, вырванный вместе с креплением и коробками с боеприпасами.

Наконец, перевернувшись в последний раз, танк всей своей массой опустился на огромный валун, лежавший здесь, видимо, со времён последнего ледникового периода. Поскольку удар пришёлся по ведущему колесу, он согнул фрикцион и остановил движение гусениц, одновременно заглушив двигатель.

Бессарабов открыл люк и, ошалело вращая головой, выглянул наружу. Танк напоминал детский рисунок двухступенчатого снеговика. На абсолютно гладкий большой овал была нахлобучена круглая гладкая голова-башня, вместо носа-морковки из головы торчала раздутая пушка. Посмотрев в сторону эшелона, Румын увидел бегущих по склону людей. Возглавлял забег подполковник Богданов. В руке комбата старший сержант разглядел пистолет Макарова, а потому, не мешкая, юркнул обратно в люк и закрыл крышку.

Подбежав к танку, Богданов постучал рукояткой пистолета по люку и вкрадчиво заговорил, невольно почти дословно повторяя монолог Горбатого из последней серии фильма «Место встречи изменить нельзя».

– Володенька, ты что, в прятки со мной играть вздумал? Открой люк, Вова. Открой, волк румынский! Я же тебя зубами загрызу!

Вместо ответа Румын защёлкнул стопор замка люка, сделав бесполезной любую попытку открыть люк снаружи. Щелчок стопора услышал подполковник и совсем озверел.

– Открой, вредитель! Даю тридцать секунд. Потом прикажу всем машинам батальона стрелять по твоему танку бронебойными. Они же тебя как грецкий орех расколуют!

Подбежавший к танку замполит батальона стал уговаривать комбата спрятать пистолет в кобуру, чем только подлил масла в огонь.

– Отстань, капитан! – окрысился на подчинённого Богданов. – Я из этой шпионской сволочи сделал старшего сержанта и заместителя старшины роты, а теперь что, не имею права сделать из него покойника?

– Не имеете, товарищ подполковник! – подтвердил замполит. – Это самосуд! Вот если бы он сам застрелился...

– Румын, – вновь повернулся комбат к танку, – пистолетик при тебе?

– При мне, – подтвердил изнутри Бессарабов. – А что?

– Застрелись сам, сиротка, – мягко попросил подполковник Богданов. – Сними грех с души.

– Не буду! – подумав несколько секунд, отозвался Румын.

– Хрен с тобой! – поставил точку в беседе комбат. – Живи, паразит! Но я тебе клянусь, что через неделю ты позавидуешь мёртвым...

После ухода подполковника Богданова в свой вагон всё вокруг пришло в движение и быстро завертелось. Под командованием замполита солдаты собрали раскиданное по склону военное имущество и загрузили его в эшелон. Потом два танка при помощи тросов волоком подтянули 592-ю машину к рельсам. Через час со стороны ближайшей станции тепловоз притащил огромный железнодорожный кран, укрепленный на двух платформах заваленных для противовеса бетонными плитами. Кран поднял танк с сидящим внутри Румыном и опустил его на последнюю платформу. Эшелон отправился в путь с опозданием в два часа.

Всю дорогу Румын просидел в своем танке, питаясь тушенкой из НЗ, утоляя жажду водой из танкового термоса и справляя малую нужду в десантный люк. На каждой станции на платформу забирался комбат и, постучав по люку, задавал один и тот же вопрос: «Ты там живой ещё, гад?» Получив утвердительный ответ, подполковник Богданов в цветах и красках принимался расписывать грядущую нелегкую судьбину старшего сержанта. Каждый рассказ заканчивался зверским самоубийством Румына, причём всякий раз – новым способом.

В родной Виттенберг поезд прибыл утром следующего дня. На товарной станции пострадавший танк уже ожидал подъёмный кран, как две капли воды похожий на своего магдебургского брата, и тягач с грузовой автомобильной платформой, который и доставил Румына с вверенной ему техникой в полк.

Прибыв в расположение батальона, Бессарабов первым делом сдал в оружейную комнату личное оружие – пистолет Макарова и АКС-74У. Затем, предчувствуя крутые изменения в собственной судьбе, открыл нижнюю каптёрку и выбрал себе почти новый комплект полушерстяного обмундирования и лучшие юфтевые сапоги, которые отнёс своему другу Антоненко для изготовления в них тайников. Потом сдал все ключи старшему прапорщику Фокину и стал ждать репрессий.

В канцелярию Румын был вызван после завтрака. В тесном кабинете находились комбат и замполит батальона. Присутствие последнего несколько успокоило Бессарабова, он понял, что убивать его не будут. Разговор начал подполковник Богданов.

– За год до твоего прихода, Румын, в нашем полку служил твой земляк с неброской фамилией Попа, – многозначительно промолвил комбат. – Этот клоун уронил в работающий механизм заряжания автомат Калашникова. Естественно, АК там помяло, и он был признан негодным для стрельбы. Так вот, насколько я знаю, землячок твой до сих пор с каждой зарплаты отдаёт десять процентов Советской армии для покупки нового автомата. В твоём случае автомат – это семечки. Танк Т-64Б стоит более миллиона рублей, или почти полтора миллиона в любимых тобой марках ФРГ. Так что поздравляю тебя, Румын, ты – миллионер! Рассчитываешь на месте или будешь из тюремной зарплаты отдавать?

– У меня таких денег нет и быть не может, – насупился Бессарабов.

– А какие есть? – заинтересованно вступил в разговор замполит.

– Никаких нет, хоть общитесь...

– Так и запишем, – подвёл черту под разговором комбат. – И выдадим Вовочке клифт полосатый с бубновым тузом на спине.

– Подождите минутку, – взмолился Бессарабов. – У меня есть идея.

– Излагай, – разрешил подполковник Богданов, переглянувшись с замполитом.

– На учебном месте огневого городка стоит полностью боеспособный танк. На нём отрабатывают посадку и высадку экипажа и подготовку к стрельбе. Забираем его оттуда, рисуем на нём 592-й номер и ставим в мой бокс. Мою развалину ставим в огневой городок. Люки на ней открываются, тумблера включаются, башня вращается. Что ещё надо? Снимаем с батальона ЧП – неприятности не нужны ни вам, ни мне, – уверенно закончил Бессарабов.

– У меня от разговоров с тобой, Румын, всё время состояние «дежавю», – заметил, почесав голову, комбат. – Хотя идея светлая... А дальше что?

– А дальше я беру гаечный ключ и с экипажем до конца службы восстанавливаю танк.

– Ты лучше руки под пилу «Дружба-2» затачивай, на лесоповале пригодится, – добродушно посоветовал подполковник Богданов. – А пока выйди отсюда, нам с капитаном посоветоваться надо.

Через пять минут Бессарабова позвали обратно, и комбат огласил приговор.

– Сегодня до отбоя буксиром стащите с тягача 592-й и установите на качалку в огневом городке. Оператору скажете, что я приказал. Танк с огневого – в бокс. На покалеченной машине укрепить обратно всё навесное оборудование, включая зенитный пулемёт, и закрасить номера. Завтра сразу после подъёма ты, Румын, выдвигаешься в сторону гауптвахты и докладываешь начальнику «губы», что прибыл на семь суток, а то он уже интересовался: «Отчего Румын не заходит в родные стены? Зазнался?» Вот и порадуешь старика. По отбытии срока во главе команды преступников, самовольщиков и алкоголиков в количестве пяти человек отбываешь в город Кемберг, на бетонный завод, где до дембеля гнёшь арматуру, замешиваешь бетон и таскаешь бордюры. Все деньги, заработанные вами на заводе, будут приходиться в часть в виде краски, цемента и других нужных вещей. В полку разрешаю появляться дважды в месяц – за почтой и зарплатой. Если тебе не нравится этот план, можешь собирать вещи для продолжения службы в дисбате.

– Хороший у вас план, товарищ Жуков, – пробурчал себе под нос Бессарабов.

– Не понял, – приподнял брови комбат.

– Есть! Спасибо! Будет сделано, товарищ подполковник! Разрешите идти? – бодро отрапортовал Румын...

За час до отбоя Бессарабов, Лычманюк и оператор огневого городка завершили рокировку танков и отправились в расположение батальона. У входа в казарму их догнал запыхавшийся механик соседнего танка Жерехов по прозвищу Джерри и заговорщически зашептал Румыну на ухо: «Там на КПП какой-то Ганс тобой интересуется. Просит позвать». Бессарабов вздохнул и повернул в сторону ворот части.

У КПП нарезал круги по мощёной площадке Рудольф. Подошедшему Румыну он обрадовался как родному брату и сразу заговорил о деле.

– Володя, есть большой заказ на комбинезоны и сапоги. Когда сможешь сделать?

– Никогда, – вздохнул старший сержант. – Фирма лопнула!

– Как? Почему? Что значит лопнула? – изумился Рудольф.

– То и значит, – философски ответил Румын. – Гитлер капут! И я тоже...

Прощавшись с Рудольфом, Бессарабов угрюмо побрёл обратно. В душе нарастала обида и сожаление о загубленной карьере. Впереди маячила тяжкая юдоль заключенного гауптвахты, а затем остарбайтера на бетонном заводе.

У газона, окружавшего казарму, стояло прислонённое к декоративной оградке оконное стекло. Точнее, большой обломок стекла, видимо, пришедшего в негодность после очередного буйства комбата и помененного на целое. Проходя мимо, Румын на секунду задержался и вдруг, неожиданно даже для себя самого, со всей силой ударил по обломку ногой. Стекло издало визжащий звук и брызнуло во все стороны сотнями осколков, олицетворяя разбитую жизнь старшего сержанта. Как ни странно, Бессарабову стало значительно легче. Правда, ненадолго. Через несколько секунд за его спиной раздалась команда: «Товарищ старший сержант, ко мне!»

Обернувшись, Румын увидел подполковника Юдина – зампотеха полка, широко известного в гарнизоне под сложным прозвищем Ты У Меня Купишь. Стоило только кому-нибудь из солдат или сержантов срочной службы сломать или потерять что-либо, относящееся к технической части, как он слышал в свой адрес эту коронную фразу Юдина. Все в полку знали, что в этом случае, во избежание больших неприятностей, лучше сразу уплатить требуемую сумму и спокойно получить нужный инвентарь или новую запчасть. Тем более что цены зампотеха были приемлемыми.

– Товарищ подполковник, старший сержант Бессарабов по вашему приказанию прибыл, – остановившись в двух шагах от зампотеха и отдав честь, отрапортовал Румын.

– Совсем озверел, Бессарабов? Ты у меня купишь это стекло, – зло прошипел Юдин.

– Сколько? – кивнул головой Румын.

– Три марки, – более дружелюбным тоном назвал цену подполковник.

– У меня есть пять марок одной купюрой, у вас найдётся две марки сдачи?

– Найдётся.

Через секунду пять марок из кармана Бессарабова перекочевали в карман зампотеха. Из другого кармана подполковник достал две алюминиевые монеты достоинством в одну марку каждая и со вздохом отдал их старшему сержанту. Считая инцидент исчерпанным, Румын отдал честь и, переступив через декоративную оградку, пошел по траве к батальону.

– Бессарабов, ко мне! – раздался сзади голос зампотеха.

– Товарищ подполковник, старший сержант... – вернувшись, затянул привычную песню Румын.

– А чего это ты по зелёным насаждениям ходишь? – прервал доклад Бессарабова подполковник – Ты у меня купишь этот газон.

– Сколько? – обречённо спросил губитель зелёных насаждений.

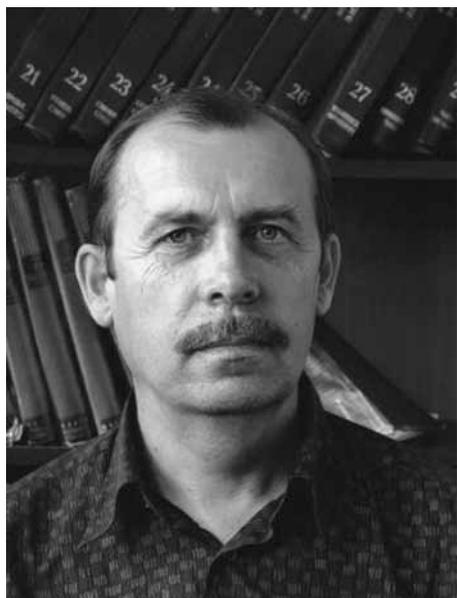
– Две марки.

Ещё через секунду две алюминиевые монетки вернулись к прошлому владельцу, и Румын, отдав честь, вновь отправился в путь к казарме. Он шёл по асфальтовым дорожкам, старательно обходя поступивший в его собственность газон и бормоча под нос нелестные эпитеты в адрес подполковника Юдина: «Спекулянт гадский! Мироед хренов! И откуда только в Советской армии такие барыги берутся...»

Продолжение следует.

Дмитрий ВОРОНИН

Родился 25 июня 1961 года в г. Клайпеда Литовской ССР. В 1978-м окончил школу и год проработал слесарем-судоремонтником в Клайпедском порту. В 1979 году поступил в Калининградский госуниверситет на географический факультет. С 1984 года работает в средней школе поселка Тишино Калининградской области учителем истории и географии. Женат, двое детей. Интересы разносторонние: театр и музыка (классика, джаз, рок), книги и картины, архитектура и исторический туризм.

Поздняя месть

Рассказ

Научное судно «Моноцит» уже целый день стояло у причала, вернувшись из полугодовой экспедиции по северным морям. Радость встречи экипажа со своими родными осталась позади, и на борту шла обыкновенная работа по приведению судна в относительный порядок. Часть «научников» выгружала образцы грунта для дальнейшего изучения в лабораториях института, другие писали различные отчеты о проделанной работе, кто-то занимался уборкой кают, а кто-то валял дурака в кают-компани, играя в карты.

– Мужики, – в дверях кают-компани показалась голова боцмана, – вас там авансировать собираются в каюте старпома.

Карты тут же полетели на стол, средний и младший научный состав чуть ли не бегом устремился к старпомовской каюте. Шутки, подначки, подковырки зазвучали в толпе ожидающих. Приятная процедура выдачи денег постепенно подходила к концу, когда к столу подошел техник научной группы Костик Ребров.

– Распишись вот тут, – второй штурман протянул ему ведомость.

Костик посмотрел на сумму, указанную на бумаге, и просиял. Таких денег он не держал в руках ни разу в своей двадцатитрехлетней жизни.

– Получи, – отсчитал указанную сумму второй штурман и улыбнулся Костику. – С почином.

– С тебя причитается, – похлопал Костика по плечу старпом, пряча в бороде улыбку.

– Обязательно, конечно, а как же, – смутившийся Костик сгреб деньги и рванул к двери.

– А пересчитать? Вдруг обманули? – раздалось вслед.

– Не, всё верно, я доверяю, – прозвучало из коридора.

Костик быстро прошагал в свою каюту и заперся. Разложив на столе деньги, он минут пять рассматривал их, а потом начал раскладывать по кучкам и рассовывать по карманам.

«Эти – маме, – рассуждал Костик, – эти – себе на обновления, эти – Наташке на подарки, эти – на проставку ребятам, а эти – на поход в ресторан с Григорием Моисеевичем».

Для него этот поход был очень важен, решалась судьба: или Юнерман берет его к себе в институт, или забыть о науке, экспедициях, новых друзьях и романтике.

Распределив деньги по карманам, Костик с опаской подошел к каюте Григория Моисеевича. Юнерман на он побаивался – и в силу разницы в возрасте, и в силу некоторой строгости начальника экспедиции. Юнерман всегда был хмур, сосредоточен, неразговорчив, и только глаза выдавали в нем незлобивого человека – высвечивалась в них какая-то озорная искорка, не позволяющая собеседнику оробеть перед всемогущим доктором наук.

Костик осторожно постучал в каюту Юнермана.

– Можно? – открыл он дверь.

– Входи, – поднял голову из-за стола Григорий Моисеевич. – Чем могу служить?
 – Григорий Моисеевич, я вот тут, понимаете... – замялся Костик, теребя непослушный вихор.
 – Ну смелее, смелее, – ободряюще улыбнулся Юнерман.
 – Я приглашаю вас сегодня поужинать в ресторане, – выпалил Костик и покраснел.
 – Ого! – сделал удивленное лицо Юнерман. – Вы меня приглашаете? А где же цветы?
 – Я... нет, вы не так меня поняли. Я не приглашаю вас, то есть... нет, я приглашаю, но никак... а по-другому. – Костик умолк, окончательно смутившись.
 – Ну, это понятно, что по-другому, а никак, – заиграли озорные искорки в глазах Юнермана. – А то и говорить не о чем, потому что в нашей стране это совсем не так, а всё гораздо хуже, если не сказать, что совсем кажут.

Костик стоя умирал от стыда и злости на самого себя. Так глупо, так бездарно завалить все дело!

Но Юнерман не был бы Юнерманом, если бы продолжал шутить и дальше. Понимая состояние Костики, Григорий Моисеевич серьезно произнес:

– Ладно, Константин, пошутили и хватит. Я согласен посетить с тобой это заведение, но с условием – обедаем каждый за свои. А спиртное за мой счет. И не отрицай, тебе деньги самому нужны. А сейчас иди занимайся своими делами. В час встречаемся у «Меридиана», знаешь такое кафе?

Костик кивнул.

– Ну, до встречи.

Костик, все еще смущенный, быстро выскочил из каюты начальника экспедиции.

Ровно в час Костя с Григорием Моисеевичем входили в кафе. Расположившись за столиком, Юнерман стал внимательно изучать меню.

– На правах старшего заказ делаю я, возражений не принимаю.

Костик согласно кивнул.

– Так, – обратился Юнерман к подошедшему официанту, – два оливье, два салата из кальмаров, два борща, две отбивные, бутылочку армянского коньяка и минералку. Попозже – кофе.

– Сделаем, – записав заказ, официант ушел.

Костик, поникший, молчал, не решаясь начать важный для себя разговор.

– Ну, как тебе экспедиция? – спросил Григорий Моисеевич. – Понравилась?

– О, это такой кайф, такой адреналин! – оживился Костик. Глаза его загорелись, спина выпрямилась.
 – Я ничего подобного не испытывал никогда. Жалко, что пролетело все очень быстро, как один день, даже нет – как один миг. И так не хочется верить, что больше этого не повторится!

– О, да он у тебя поэт, – вдруг раздался за спиной у Костики насмешливый голос.

Костик покраснел и зло повернулся назад.

– Всё, всё, сдаюсь, сдаюсь, – притворно вскинул руки вверх полноватый мужичок небольшого роста, одетый в потертые джинсы и не заправленную линялую тельняшку. – Гриша, скажи своему юному другу, что я пошутил, а то он меня сейчас съест.

Григорий Моисеевич поморщился.

– Знакомься, это местная знаменитость, поэт Леонид Лямкин, – представил он своего знакомого. – А это Константин, наш младший научный сотрудник, – обратился Юнерман к Лямкину. – Кстати, тоже пишет стихи.

Лицо Кости из красного сделалось пунцовым.

– Любопытно, любопытно, – несколько поскущел Лямкин, подсаживаясь за столик. – Многие сейчас себя считают поэтами, но о поэзии потом. Гриша, ты, я вижу, с морей и, конечно же, при деньгах. Угощаешь старого друга и поэта?

– Ну а куда от тебя деться, – натянуто улыбнулся Юнерман. – Тем более ты уже уселся.

– Вот и хорошо, вот и ладошки, – потер ладони Лямкин и прокричал в зал: – Официант, добавь сюда бутылку армянского и парочку салатиков для начала!

Вскоре на столе появились салаты, коньяк, минералка и борщ.

– За встречу, – поднял свой фужер Лямкин. – Гриша, за тебя, – и, не дождавшись остальных, опрокинул в себя содержимое. Тут же налил снова. – За поэзию! – выпил и второй фужер.

Костя молча поглощал борщ, украдкой поглядывая на Леонида Лямкина. Первый раз в жизни Косте довелось встретиться с настоящим поэтом. Веселый, раскованный, компанейский. Вот бы еще его стихи послушать, а может, рассказы о встречах со знаменитостями. Ведь такой наверняка знаком с лучшими поэтами и писателями.

– Гриша, – налил себе третий фужер коньяка захмелевший Лямкин, – а давай за музу, за такую музу, которая всегда с нами, с истинными любителями искусства!

– Лёня, – укоризненно покачал головой Юнерман, – третий тост поднимают не за музу, а за...

– Да брось ты, Гриша, банальности разводить, – скорчил недовольную гримасу Лямкин и залпом выпил коньяк. – За тех, кто в море, за тех, кто не с нами... Фигня всё это. Пить надо за себя любимых, а не за кого-то там вдали.

Григорий Моисеевич чуть сморщился, но спорить с поэтом не стал, зная его капризный характер.

– Слушай, Лёня, ты что-нибудь новенькое написал? – перевел он разговор на другую тему.

– Не уважаешь, Гриша, ты меня, – обиженно вытянул нижнюю губу Лямкин. – У меня ни дня без строчки, как сказал один известный мудака. Кстати, и на вашу морскую тему есть немало. Счас, только выпью чуток и выдам. – Лямкин выпил очередной фужер, крякнул, закусил и повернулся к Костику.

– Слушайте, молодой человек, оценивайте и запоминайте, как сидели за одним столом с гением русской словесности, потом внукам похваляться будете.

Поэт встал, покачнувшись, одной рукой схватился за спинку стула, другую выпятил вперед и начал с пафосом:

*Корабли уходили в ночь,
Далеко от родного берега,
И волна убегала прочь
За кормой к берегам Америки.*

*Спи, родная, в тиши ночной,
Приплыву я к тебе сквозь туманище,
Охраняю я твой покой,
Ведь я главный в морях капитанище.*

*И когда мы вернемся домой,
Ты на шею мою облокотишься.
Я поверю, что берег мой
Не Америка, а родных скопище.*

– Bravo, Лямкин, bravo! – ухмыляясь, захлопал Григорий Моисеевич. – Это величина!

Не заметив сарказма в голосе Юнермана, поэт гордо продолжал:

– И еще из недавнего.

*Люблю себя в своем лице,
И невозможно быть иначе,
Когда на зорьке на крыльце
Коровы мыкают на даче.*

*Я есть советский гражданин,
Я патриот своих началов,
В стране я Чацкий господин,
Как говорил актер Качалов.*

*Мы все рождались из полей,
Из жнив, из гумен, из пшеницы.
Ты трогать Родину не смей,
Она – орел, она – жар-птица.*

*Большой державною рукой
Она карает и лелеет,
И я иду по ней ногой,
И сердце гордостью смелеет.*

Костя изумленно уставился на Лямкина. Поэт, заметив это изумление, тут же продолжил:

– А теперь самое что ни на есть самое! Да что слова, слушайте!

*А вот и встал на веки миг
Во славу музе потрясенной,
Нырнул в пучину яркий блик –
Поэта стих замороженный.*

*Я будто памятник себе,
Еще не есть, но скоро буду.
Пишу поэзию судьбе,
Покуда живы, не забудут!*

*И пусть гремит во все концы
Известное мое творение.
И пусть читают подлецы
Одно про них стихотворение.*

*А в нем весь я, с конца в конец,
Мое нутро, моя судьбина.
Своим стихам я сам – отец,
А кто не внемлет мне – дубина.*

– Ну, Лёня, вот тут ты весь, вот тут ты себя превзошел, аки бог, – налил себе коньяка Юнерман. – Вот этим ты меня сразил, убил наповал!

– А, понял, Гришка, понял потаенный смысл, – светился всем лицом Лямкин. – Я знал, знал, что поймешь! На руках за такое носить надо.

– Да-а-а, это точно, на руках выносить, это шедевр на все времена, – криво улыбаясь, согласно кивал головой Григорий Моисеевич. – Много выпил, пока родил это?

– Не знаю, не считал. Еще прочесть?

– Хорош, хорош, – отстранился от поэта руками Юнерман. – Дай это переварить.

– Эх, Гриша, слаб ты на восприятие серьезной поэзии, – пренебрежительно скривил губы Лямкин. – А вот молодой человек хочет послушать настоящую поэзию. Ведь так? – обратился поэт к Костику.

Костик согласно кивнул и застенчиво сказал:

– Да, хотелось бы послушать кого-нибудь.

– В смысле – кого-нибудь? – набычился Лямкин.

– Ну, Вознесенского или Евтушенко, например, – тихо произнес Костик две пришедшие на ум фамилии.

– Дерьмо и дерьмо, – брезгливо вытянул губу Лямкин.

– В смысле? – не понял Костик.

– В смысле – два дерьма, – ответил поэт.

– Ну, может, тогда Ахматову или Цветаеву?

– Дерьмо и дерьмо.

– Ахматова и Цветаева? – недоверчиво посмотрел на Лямкина Костик.

– Ахматова и Цветаева – еще два дерьма.

– Да вы что! Как же так?! Ну а Пастернак, Блок, Есенин?

– Еще те вонючки, одна тошнота, – изобразил отрывку Лямкин и обратился к кажущемуся безучастным Юнерману. – Гриша, что за идиота ты привел? Он ни черта не понимает в поэзии!

– А Пушкин, Пушкин кто? – Костик приподнялся из-за стола.

– Дерьмо твой Пушкин!

– Всё, – ненавидяще произнес Костик, схватил мускулистой рукой за ворот Лямкина и пинками начал подталкивать к выходу.

– Как ты смеешь! – кричал, вырываясь, Леонид Лямкин. – Ты кого пинаешь? Ты ответишь! Ты пожалеешь! Я отомщу-у-у...

Вышвырнув поэта за порог, Костик вернулся назад к Юнерману, уверенный в том, что поставил своей выходкой крест на собственной карьере. Как же, выставил друга Григория Моисеевича. Каково было удивление Костики, когда он услышал:

– Молодец, Константин, наш человек, быть тебе в нашей команде.

Через тридцать лет известный поэт Константин Ребров шел на встречу со своими читателями в областную библиотеку. У центрального входа из салона «Тойоты» пожилая женщина вытаскивала две большие упаковки книг.

– Давайте я помогу донести, – предложил свои услуги Ребров.

– Вот спасибо, – обрадовалась женщина. – Тут рядом, на второй этаж, в хранилище.

Поднявшись на второй этаж, Ребров поинтересовался:

– А кого я нес-то, скажите?

– Да этого... Леонида Лямкина.

– Вот черт, – рассмеялся Ребров, хлопнув себя по бокам. – Отомстил все-таки, старый графоман, заставлял себя на руках носить!

Жизнь и похороны бабы Насти

Рассказ

Вот и схоронили вчера бабу Настю. Честь по чести схоронили, уж она бы не обиделась. Отмаялась, бедная, на этом свете. Жила тяжело, а померла легко, быстро. Поутру за водой пошла, да и упала у колодца. Сердце порвалось. Намучалось, видать, сильно, накопило в себе разного и доброго, конечно, но больше тяжелого. А тяжелое-то поболее весит, да все откладывалось. Много скопилось.

К колодцу баба Настя пришла, заглянула в него, водицу светлую увидела, сердце возрадовалось водичке той, да и пожелало груз этот непомерный из себя выкинуть. Подпрыгнуло, ан вона что получилось – сильно, видать, подпрыгнуло, порвалось. Но все же тяжесть ушла вся, потому как в домовине лежала баба Настя добрая. Лицо светлое, как у той водицы. Будто в радость был ей уход этот. А может, и правда в радость.

Мало что хорошего она в этом мире видела. Пережито негожих денечков столько, что и десятерым в жизни много бы показалось. С самых ранних годочков на крестьянской работе. С петухами встанет, за полночь ляжет. Скотину накорми, прибери, домашним на стол подай, в доме порядок наведи, на ферму сходи, постирай, огород прополи... И так целыми днями. Будто белка в колесе.

Раненько и замуж пошла, думала освободиться малость от забот. Да и парень больно видный был, шутковать все любил. Обещал на руках всю жизнь носить. А стала Степановой женой, так всю жизнь и проштуквал, непутевым оказался. Молодым все по девкам бегал, а позже запил горькую, да со скандалами. Уйти хотела, да куда там. Дети пошли: два сына, три дочки. Кому с таким привесом нужна?

А может, и нашла б кого, да на чад своих молиться стала. Думала, хоть к старости подмога. Эх, кабы знать! Добра и от них мало видела. С малых лет: «не хотим», «не будем», «некогда». Правда, еще словцо одно у всех любимое было – «дай»: «Ма, дай поесть», «дай денег», «ма, дай поспать».

Пацаны – Сашка да Мишка – целыми днями где-то хулиганствовали. Только и слышно было от соседей: там куру придавили, там собаку прибили, там кошку подожгли. Баба Настя их и побьет когда, и пристыдит. А им все едино: «Что пристала?» И участковый, нет недели, чтоб не упрекнул: «Что ж ты, Настасья Ивановна, своих шалопаев не воспитываешь? Ох, пойдут они у тебя по кривой дорожке, наплачешься».

Знал бы он, что и слез-то у нее уже не осталось. Уж все выплакала. Да вот жаловаться не приучена была, в себе все держала, в сердце откладывала. Только и скажет в ответ, как огрызнется: «А ты почто ко мне обращаешься, хозяину говори. У него времени поболее воспитывать их». Участковый только рукой махнет, – что, мол, с такой разговаривать.

Ему к голосу ее прислушаться или в глаза посмотреть – мольбы там сколько. Но он лицо официальное, не положено ему в душу заглядывать. Штраф там выписать, пристыдить прилюдно – это можно. А к Степке какой толк обращаться, хихикнет только в ответ: «А мне что? Матка есть. Может, он и не мой вовсе». И бочком, бочком – шнырк, и нет его. Вот уж право, одно слово – хозяин. В доме палец о палец не ударит, только и видели его по другим хатам, где чего залатать, подштукатурить за стакан бормотухи. К себе в дом к вечеру приползет да со скандалом: «Жрать подавай, стерва немытая». И спать в сапожищах на кровать. Ох, сколько он ее кровушки испил и все из сердечка норовил зачерпнуть. А оно не бездонное.

Последнее время Степан совсем опустился и в дому не бывал. Где выпьет, там и упадет. Баба Настя уже молилась, чтобы Бог его прибрал. Ан вон как вышло, – пережил ее и за ней торопиться, видно, не собирается. Ничего Степку не берет: ни мороз трескучий, ни сырость болотная. Проспиртовал себя от всякой непогоды.

Вот так и жила баба Настя. Пришло время, – шалопаи за драчку с поножовщиной в тюрьму попали, девки одна за другой замуж вышли. Вот, казалось, и отдых тебе, Настасья Ивановна. Да не долгов он был, отдых тот.

Верка на северах двойно родила, с мужиком что-то у нее не заладилось. Ушел он от нее. Вот Верка и примчалась домой, уговорила мать годок девчонок у себя подержать, пока свое семейное счастье не восстановит. Уехала и с концами, за все двенадцать лет только открытки к женскому дню слала.

Поначалу баба Настя внучек назад хотела отправить, да потом привыкла к ним, полюбила. И девчонки – Люда с Наташей – хорошими росли. Не в мать. В радость на старости лет, в радость, правда, сквозь слезы. Ан как не успеет поднять, помрет, что с ними станется? Болела душа, и сердце жалилось. А внучки помогали, добрые они. Видно, доброту-то эту баба Настя им всю отдала. Даже Степка при внучках помалкивал, побаивался, верно, их.

Вскоре сыны из тюрьмы вернулись. Но в доме не остались, нашли себе сожительниц и пьянствовали с ними день-деньской. Поваялся к ним ходить и Степка. Пили да дрались. К матери только за едой, за деньгами являлись. Да и дочки, Светка да Томка, все помощи просили. Нет, не сладка была жизнь у бабы Насти. Вот и не выдержало сердечко.

На похороны собрались все, кроме Верки. Точный ее адрес никто не знал, потому не сообщили. Сыны по старой привычке заторопились копать могилку, будто и забыли, что это умерла их мать, а не чужой человек.

Степка, с утра пьяный, крутился между горницей, в которой лежала баба Настя, и кухней, постоянно причитая: «Да на кого ж ты нас покинула, красно солнышко, да как же мы тепереча без тебя?», не забывая при этом время от времени прикладываться к бражной кружке. Томка и Светка хлопотали на кухне, покрикивали на отца: «Пьянь несчастная, до поминок утерпеть не мог».

– Да что вы, девки? Матка ж померла, в кои-то рази. Что ж, и помянуть уж нельзя? Грех такой на себя нельзя брать. И сами-то по рюмочке пропустили бы за упокой души, прости, Господи.

– Да помянем опосля. И ты поостерегись прикладываться, а то еще в ямину к ней свалишься. Вместех и захороним, – улыбнулась своей шутке Светка.

– Не боись, я как огурчик. Еще приложусь разок-другой и шабаш: до поминок ни-ни.

У гроба безутешно плакали Люда с Наташей, за ними стояли сожительницы сынов, гладили их по головам и пришептывали нетрезвыми голосами:

– Ну, буде, буде. Чего нюни-то распустили. Бабка сырость не любила. Да вон и людям расстройство одно, ведь не вернешь ее уже.

К полудню приехал батюшка и стал отпевать бабу Настю. Людей в горнице скопилось – страсть. Некоторые собрались полюбопытствовать на батюшку и его работу. Батюшка обмахивал домовину кадиллом и певческим голосом читал молитву за упокой. Со словами «Аминь!» он перекрестил правой рукой покойницу и вдруг вздрогнул, глаза у него расширились, нижняя челюсть стала отвисать. Степка, повторяя все его движения, но левой рукой, завыл пьяным козлиным голосом: «Аллилуйя, аллилуйя, наша матка улетай, аллилуйя, друга матка прилетай», при этом в такт притоптывал ногой. Народ ахнул. Кое-где слышались чертыханья и смех. Степку схватили под руки и утащили в другую комнату, откуда почти сразу слышался храп. Батюшка на кладбище идти отказался, злой от такого кощунства уехал.

Гроб на руках снесли на кладбище. Сыны, уже пьяные и грязные от налипшей на них глины, встретили бабу Настю с тихим подвыванием. Прощались недолго. Наспех засыпали могилку землей и скорее в дом, – поминать. Соседи и прочий знакомый люд пображничали, да и разошлись по домам, обсуждая и осуждая. Осталась самая родная родня. Выпили молча одну, другую, и тут Сашка затянул ни сначала и ни с конца: «На кого ж покинул, милый мой дедочек, На кого ж оставил сизый голубочек...»

Вдруг из другой комнаты раздался удар по полу, потом еще и еще. Вся родня бросилась к дверям. Степка заплетающимися ногами выдавал «русскую».

– Ну, батя, ну дает, а ну раз, еще раз! – под общий гогот зашумела Томка.

– Вы что ж ржете? Матка на столе лежит, а они ржут, – остановился Степка.

– Батя, схоронили уж! Пьянь ты несусветная, – расхохотался Мишка.

– Как схоронили? Без меня? – Степка бросился в горницу. – И впрямь нет. Ну, тогда помянем Настю, – и выпил стакан.

До поздней ночи пели и танцевали в доме у бабы Насти. Так что честь по чести схоронили и помянули сердечную. Не хуже, чем у других.

Как там тебе, Настасья Ивановна?

Миротворец

Рассказ

Утром колхозники по старой привычке собрались у конторы. Бабы визгливо бранились между собой, мужики, покуривая «Приму», пересмеивались, обсуждая государственные новости да вчерашние свои похождения.

– Костыль, а чё ты здесь делаешь? Ты ж вчерась уехать грозился.

– Куды это? – воровато улыбаясь, забежал глазками щуплый рыжий мужичок.

– Как – куды, сербам помогать, забыл, что ли? – притворно удивлялись мужики.

– Не помню такого.

– Не помнит он!.. Вчера вечером полдеревни взбаламутил, ходил, кричал, что, мол, поеду браткам православным подсоблю с Клинтонем разобраться.

– Не может быть, – скромно зарделся Костыль.

– Не может быть!.. – со смехом передразнили его. – А кто с себя одежду срывал да в грудь колотил, – мол, всех к едреной матери перестреляю, и Клинтона, и Коля, и Ельцина, а сербов в обиду не дам, – мы, что ли?

– Да брешете вы всё, – отмахнулся Костыль. – Я вчера рано домой пришел.

– Шур, – окликнул Костылеву половину Васек, – твой говорит, что намерен домой без проблем добрался.

– Убила бы гада ползучего! – раздалось в ответ из бабьей кучи. – Алкаш недоделанный. Явился в одних трусах, еле на ногах держится, да и орет: «Собирай меня, жена, в освободительную армию, повестку для меня из Кремля сегодня сообщили, что направляют меня на защиту Югославии! Так что собирай меня в путь-дорогу, закуски в мешок сложи, сальца там, лучку, огурчиков, хлебца и рублей сто на поездку давай. Еду я, жена, на войну, может, и не вернусь уж обратно, знать, судьба моя такая». Вот ведь какой Илья Муромец выискался!

Вокруг все грохнули хохотом.

– Ну а дальше? – подзуживали Шуру.

– А что дальше?! Самой интересно стало, что дальше будет. Стою, молчу, а этот освободитель чокнутый распинается передо мной в одних трусах. Я, мол, не могу простить такой наглости империалистам, отвечу на весь их наглеж со всей своей душевностью! Я им покажу русскую славу своих предков, напому, как братья-славяне их колотили, всё НАТО вздрогнет... Чего зеньки свои вылупил? Пусть все знают, какой ты дурак, – под оглушительный смех набросилась на Костыля супружница. – Козел драный, вояка голозадая, пьянь придурочная!

– Замолчи, змеюка! – взвился Костыль. – Будет брехать-то, вот погоди уже, дома поговорим.

– Нет уж, пусть все слушают, – отвернулась от мужа озлившаяся бабенка. – Ну вот, дальше – больше, расхрабрился совсем, кричит: Баба, где мое оружие? Какое? – спрашиваю. Промычал что-то невнятное, – видно, соображал, а потом и заявляет: топор, мол, возьму – буду в горах партизанить, и нож – на разведку ходить. Партизан за... Спрашиваю, а как партизанить-то будешь? Отвечает: соберу по югославским деревням всех мужиков-колхозников и уйдем, как Ковпак, в горы – эшелоны натовские подрывать и на их гарнизоны нападать, а там и наш десант с Лебедем подоспеет. Разгромим врага – и на Вашингтон, за Родину. Ну а дальше что? – интересуюсь. А дальше, заливаает, Клинтона трибуналом судить будем, НАТО разгоним и Аляску назад себе заберем.

– Что ты брешешь, что брешешь? У, тварь, из ума совсем выжила! – побелел от злости Костыль.

Народ, хватаясь за бока, животы и прочие части своих тел, приседал, подпрыгивал и покачивался от безудержного смеха.

– Костыль, помолчи! Шур, продолжай, не бойся!

– Ну вот, значит, как войну закончим, говорит, вернемся с победой домой. Ты, значит, Шур, всех в деревне собери, столы накрой, самогону побольше навари, я речь толкать буду. Про что? – спрашиваю. Про войну и победу, про партизанов и трибунал, отвечает, про то, как дальше жить станем. Ну и как, спрашиваю, жить дальше после всего этого с тобой придется?

Вокруг Шуры раздавались стоны и всхлипы, у баб кончились силы для смеха, мужики, окружавшие Костыля, икали и хрюкали. У многих из глаз катились слезы.

– Шурка, богом заклинаю!.. – приказывал опозоренный Костыль. – Что вы верите этой злобной дуре, не видите, что глумится она надо мной?! – заорал он на мужиков.

- Шурка, – давились слезами бабы, – про жизнь после победы расскажи, каково нам в ней будет!
- Ну вот, я, значит, мешок в дорогу ему готовлю, а он стоит посереде кухни в одних трусах, руками размахивает и будущее мне расписывает, как тот Кашпировский.
- Ой, Шурка, ой, невамоготу уже! – взмолились бабы. – Ой, Костыль – предсказатель!
- Руками, значит, размахивает, дурак рыжий, мы, говорит, и тут порядок наведем, когда возвратимся. Сразу, мол, как прилетим, – десант на Кремль сбросим, всех заарестуем и разберемся, кто там у них в предателях числится, кто нашу страну империристам продавал. Всех, кричит, в лагерь, на Колыму, в пожизненное заключение на хлеб и воду, а потом новую жизнь зачнем строить.
- Заткнись, убью! – рванулся Костыль к супруге, но тут же был перехвачен мужиками. – Всё равно убью! – дергался в их объятиях строитель новой жизни.
- Поди Клинтон убей, герой югославского народа! – огрызнулась Шурка. – Там тебя, поди, заждали, когда ты поезда под откос пускать начнешь.
- ...в горах! – грянули с новой силой мужики. – Давай, Шур, про счастливое будущее!
- Ну, я и говорю, запел, значит: Шур, колхозы восстановим, деньги вовремя платить начнем, всех чиновников в районе в дерьмочисты переведем, а нашу бухгалтерию – им в помощники. Зарплату положим для них рублей в десять, доллар отменим и всех спекулянтов землю пахать пошлем. А сами в ихние дворцы вселимся – и на Кипр, в море купаться, каждую неделю на выходные ездить будем.
- Ай да Костыль, ай да сукин сын! Небось дворец-то Березовского себе присмотрел, не больше и не меньше, а?
- Да идите вы... – слабо отбивался незадачливый партизан. – Нашли кого слушать.
- Продолжай, Шурка, – задергали бабы не на шутку разгорячившуюся жену героя.
- А чего продолжать, заканчивать пора! Я к этому времени мешок с продуктами ему собрала, протягиваю и говорю так жалостливо: «Вот, Ваня, харчи тебе на дорогу, паспорт там в тряпочку завернут. Всё, Ваня, иди отсюда и без победы не возвращайся. Я тебя ждать буду».
- Ну а он что? – застонали бабы.
- А что? – уставился на меня как баран да как заорет: ты куда это, мол, меня гонишь? Я ему втолковываю: как – куда, в горы к сербам – эшелоны подрывать, сам же собирался. Да?.. – удивляется. Забыл, видать, начало разговора. Так, может, спрашивает, это до завтра отложить? Нет, отвечаю, раз собрался, – иди. Да куда я на ночь глядя, кричит, и без одежды? Одежду, говорю, тебе в Югославии дадут, ты, мол, домой уже без одежды пришел, а ночью, продолжаю, добираться сподручней – никто тебя не заметит, когда через границы переходить станешь, да и сам говоришь: партизанить собрался, а партизаны только по ночам и орудуют.
- Врет! – забился в бессильной ярости Костыль.
- Не вру, вот те крест, – перекрестилась Шурка. – Заныл, значит, как я, мол, без денег, дай хоть сотню. Не, говорю, русские деньги тебе там ни к чему, а долларов у меня отродясь не бывало. Ступай, говорю, Ваня, время не терпит, а то как не успеешь к сроку в горы прийти, до рассвета не управишься, империристы перехватят, они ведь тоже не дураки, на разведку ходят, – закончила Шура.
- Не томи, рассказывай дальше, – загалдели вокруг.
- А всё.
- Как – всё?
- А так. Я ведь другой рукой уже скалку над головой занесла, он-то понял, что не шучу, и шмыгнул за двери. Я – дверь на крючок и спать. Вот сейчас только и встретились.
- Где ж ты, Костыль, был всю ночь? – повернулись к рыжему мужику сельчане. – К границе разведку делал, что ли?
- На сеновале спал, – уныло прохрипел Костыль. – Проснулся – ничего не помню, слез с сеновала, смотрю – одежда на заборе висит.
- Это я тебе вчера ее туда повесил, – засмеялся Васек, – когда ты ее по дороге разбрасывал.
- Не помню я ничего, – стыдливо оправдывался Костыль.
- Цирк с тобой, да и только, – похлопывая Костыля по плечам, успокаивались мужики. – То ты армян рвешься от землетрясения спасать, как напьешься, то Белый дом защищать, то в Чечню воевать, а теперь вот в Югославию собрался. Клоун ты, Костыль.
- Так ведь душа у меня не на месте, – защищался сердобольный мужичок. – Как выпью, так всю эту несправедливость готов одним моментом уничтожить, а то ведь жить невозможно.

Контрабанда

Рассказ

Тимофеич возвращался домой. Довольный своей поездкой в ближнее зарубежье, он сидел у окна автобуса и вновь перебирал в памяти все те дела, которые заставили его совершить столь дорогой для нищенского бюджета путь. Щуплый, но еще резвый старичок, с живыми, почти всегда смеющимися глазами, удовлетворенно откинулся на сиденье и думал о том, что успел сделать очень важное дело в своей, подошедшей к финишной прямой, жизни, поклониться в последний раз дорогим могилам своих родных и близких.

Тимофеич, полузакрыв глаза, вспоминал с улыбкой, как навещал своих старинных дружков, тоже, как и он, избежавших пока встречи с костлявой, как вспоминали они за бутылочкой дни давно ушедшей молодости, как слезно расставались, наверняка уже зная, что не суждено им больше увидаться на этом свете. И каждый день в течение всего своего визита Тимофеич посещал кладбище, приводил в порядок близкие сердцу могилки и прощался, прощался, прощался. Не забыл Тимофеич и о своей половине, сходил к ее бывлым подружкам, привет занес да купил гостинец в подарок – головку местного сыра, с давних пор больше всего любимого женой.

Автобус сбавил ход и остановился у родной таможни.

«Забирайте сумки, готовьте документы, – напомнил водитель. – Сразу предупреждаю, у кого возникнут трения с таможенниками, ждать не стану, уезжаем сразу, как только проверят последнего».

Пассажиры, подхватив свою поклажу, потянулись к выходу, доставая документы. Сразу у автобусных дверей их встречал здоровенный таможенник, молча и строго брал паспорта, подозрительно и долго сверял их с оригиналом, скрупулезно разглядывал штамп прописки и медленно возвращал документ владельцу, внимательно всматриваясь в следующего приехавшего.

«Да, – с уважением подумал Тимофеич, невольно распрямляя свою щупловатую фигуру, – у таких молодцов никакой шпион и контрабандист не проскочит, вон как глазами стреляет! От такого ничего не утаишь, я – свой человек, а и то заробел, что уж тут про людей с нечистой совестью говорить! На замке все ж, видать, наша граница, что бы там ни болтали», – и старик, гордо расправив плечи, отошел к очереди, выстроившейся к столу, за которым проверяли вещи приехавших еще два здоровых красномордых бугая и молодая смазливая худющая девица с ярко напозаженными губами.

– Что везете? – машинально спросил Тимофеича один из таможенников, запустив по локоть руки в сумку и быстро перебирая в ней вещи. – Наркотики, оружие, валюту?

– Я – террорист, – автомат с глушителем везу и мину с дистанционным управлением, – засмеялся вдруг Тимофеич, пытаясь скрыть вспыхнувшую досаду.

Таможенник от неожиданности столь наглого, на его взгляд, заявления моментально прекратил манипуляции руками и, багровея, уставился на старика.

– А дед-то шутник, – тут же уловив смену настроения своего начальника, недобро произнесла девица.

– А мы сейчас этого шутника проверим. Так говоришь – террорист? – с издевкой в голосе произнес мордатый. – Да какой из тебя, пенька трухлявого, террорист! Небось оружие в своей жизни и в руках не держал.

Тимофеич словно остолбенел от такого неприкрытого хамства, стоял, раскрыв рот и моргая глазами.

– Что зенками бегаешь? Перессал, старый, знать, совесть все же нечиста у тебя, – продолжал ехидничать досмотрщик. – Счас мы тебя на предмет контрабанды прощупаем, наверняка что-нибудь незаконно провозишь.

– Да как вы смеете так со мной обращаться! – взвился Тимофеич. – Я фронтовик, я честный человек!

– А если честный, так чего развыступался? – подозрительно зашипела девица. – А ну-ка вытряхивай все из своей сумки.

Тимофеич, тяжело дыша, вывернул содержимое сумки на стол.

– Натё, ищите, но если ничего не найдете, вам это так даром не пройдет.

– Ты еще и угрожаешь? – побелел губами щекастый. – Ну, пеняй на себя, пень старый!

Девица ловко выпотрошила вещи старика, тщательно их прощупывая, и вдруг победно вскинула голову:

– Вот! – протянула она начальнику целлофановый мешочек с чем-то круглым внутри.

- Что это? – уставился тот на Тимофеича.
- Сыр, жене гостинец везу.
- Сыр, говоришь, а сколько его здесь? – ласково поинтересовался щекастый.
- Килограмма два, – недоуменно посмотрел на него Тимофеич, ошарашенный изменившимся тоном.
- Два кэгэ, ясно! А ты знаешь, сколько можно провозить? – так же мягко плел языком государственный человек.
- Тимофеич вопросительно пожал плечами.
- Один кэгэ, милый ты наш террорист, всего один, – издевательски заулыбался мордатый. – Все сверх этого считается контрабандой.
- Тимофеич побледнел.
- Так откуда я знал, сколько можно везти, – испуганно прошептал Тимофеич. – И что теперь со мной будет?
- Посадят теперь тебя, старый ты индюк, – расхохотался мордатый.
- Дошутился, на зоне теперь шутить будешь, – продолжали веселиться стражи границы, глядя на вконец растерявшегося старика.
- Вы его еще долго мучать будете? – вдруг раздался голос водителя.
- Езжай давай, от греха подальше! – крикнула в ответ девица. – А то и на тебя акт составим за то, что возишь контрабандистов.
- Шофер зло сплюнул под ноги, сел за руль, и через минуту автобус отъехал от опасного места.
- А как же я? – беспомощно спросил старик.
- А что ты? – удивленно вскинула брови девица. – Ты остаешься.
- Будем, дед, бумагу на тебя составлять за незаконный ввоз контрабанды на территорию нашей страны. Вот так-то, – нагнулся над Тимофеичем мордатый, – дошутился ты, дед, досмеялся, теперь пришло время ответ держать.
- Ребятки, да бросьте вы, ну какой из меня контрабандист, мне уж восьмой десяток идет! Да заберите вы этот сыр, бог с ним, – совсем испугался Тимофеич, – отпустите меня домой, а?
- Нет, дед, будешь штраф платить как минимум, – продолжал давить на бедного старика таможенник, – и не малый.
- Сколько? – трясущимися руками Тимофеич вытащил из кошелька деньги. – У меня тут сто десять рублей и пять долларов осталось.
- Не, гляньте на него! – соорил возмущенную мину мордатый. – Никак он нам взятку желает предложить? Дед, а ты знаешь, что за это бывает? – разыгрывая справедливое негодование, продолжал спектакль таможенник. – А ну-ка, красавица, составь-ка акт на деда о попытке дачи взятки должностному лицу, – подмигнул он девице.
- Эт мы мигом, – заулыбалась довольная бесплатным представлением работница таможни.
- Вы что, издеваетесь? – стало доходить до Тимофеича. В глазах у него потемнело, словно очередью плеснуло из далекого сорок пятого. – Фашисты вы, подонки!
- Что-о? Оскорблять при исполнении?! – аж подпрыгнул мордатый. – Ну все, старый пень, ты мне надоел, – и ткнул своим увесистым кулаком в бок Тимофеича.
- Старик согнулся пополам, хватая ртом воздух, несколько секунд пробыл в такой позе, опустился на пол и беззвучно заплакал, а еще через минуту вдруг стал заваливаться на бок, закатывая при этом глаза.
- Что с ним? – испуганно кинулась к старику девица и, увидев пену на губах Тимофеича, отпрянула назад. – Падучая!
- Вот черт, – прижал деда к полу мордатый, – пошутили мы, дед, пошутили! – Когда же Тимофеич пришел в себя, виновато стал оправдываться: – Ну, ты сам хорош. Мы на государственной службе, а ты со своими шуточками дебильными. Хорошо еще на нас попал, была б другая смена, там бы с тобой...
- Тимофеич тупо смотрел по сторонам и никак не мог сообразить, что с ним, где он и зачем. Но вот взгляд его наткнулся на злополучный сыр, лежавший у края стола. Старик резким движением руки сбросил продукт себе под ноги, вцепился в него мертвой хваткой и стал быстро откусывать огромные куски, моментально проглатывая их. Через несколько мгновений головка сыра уменьшилась на два трети.
- Это – бабке, – отложил остатки в сторону Тимофеич. – Гостинец. А это, – похлопал себя по животу, – вам контрабанда, – и мстительно засмеялся: – Съели?

Наталья РОМАНОВА

Родилась в селе Леуши Кондинского района Тюменской области, затем жила в Первоуральске Свердловской области. В 1998 году окончила Уральский Государственный педагогический университет. Специалист по социальной работе, по второму образованию – учитель экологии. Работала учителем географии в школе, а также в психологической лаборатории психотерапевтического центра. С 1998 года проживала в Великом Новгороде, работала внештатным экскурсоводом Новгородского государственного музея-заповедника. Ныне живет в Москве. Публикуется с 2009 года. Член Союза писателей России.

Стук

Рассказ

Я редко приезжала к отцу в деревню, но каждый раз, когда мы шли от его дома в сторону магазина, отец останавливался возле деревянного забора, подходил к одной и той же доске и несколько раз стучал по ней. Мне казалось это странным, но спросить отца, зачем так поступает, не решалась. Конечно, хотелось узнать, что означает сей стук, но у родителя становилось лицо таким грустным, что у меня пропадала всякая охота задавать ему вопросы. Забор с каждым годом дряхлел, поэтому и стук становился приглушеннее, но ни разу отец не оставил это место без внимания.

В деревне хороших дорог не было. В центре улицы пролегла проезжая часть с глубокими колеями, она делила улицу на две стороны – четную и нечетную. Вдоль проезжей части стояли близко друг к другу дома. На каждой стороне возле домов лежал дощатый настил, который насчитывал три доски. А между тем самым забором, по доске которого отец что-то отстукивал, и настилом пролегла небольшая рытвина, и каждый раз отец лихо перемахивал это углубление. Но однажды, после сильного дождя, отец, прыгнув, соскользнул сапогом с противоположного бережка. Он взмахнул рукой, чтобы схватиться за ту доску, к которой и был предназначен прыжок, но не сделал этого и упал. Я спросила у него, почему же он не взялся за ту спасительную доску, наверняка удержался бы. Но отец покачал головой, что, дескать, это нельзя.

– Вдруг оторвал бы еще, – сказал он, как мне показалось, со страхом в голосе.

Что это за доска такая священная, – недоумевала я. Какую тайну скрывает она? Незадолго до смерти отца я все же узнала эту тайну. Я понимала, что отцу оставалось жить недолго, поэтому рискнула спросить о том, что меня всегда интересовало и на что долгое время не получала вразумительного ответа. Ответ был прост и одновременно до того трогателен, что у меня подкосились ноги.

– Здесь я впервые поцеловал твою маму, – сказал он. А затем простучал по спинке кровати точно так же, как он это делал, когда подходил к забору – тук тук-тук тук-тук.

– Я люб-лю те-бя, – произнес он, повторив стук и расшифровав свое стучание.

К тому времени родители уже много лет были в разводе.

В следующий раз я подошла к забору уже одна. Стояла и думала о том, что это и есть начало меня, что началась я именно здесь, на этом самом месте. Стала внимательно изучать ту самую, уже родную для меня доску. Она несла на себе отпечаток времени, темно-серый, почти черный цвет подтверждал это. Однако и эта доска, и рядом стоящие с ней высились ровно, ничуть не покосившись, словно старые, но все еще бравые солдаты. Они были похожи друг на друга, как близнецы. Лишь одна, моя, немного отличалась от них. Маленькой, почти незаметной вмятинкой от стука.

Мы – сибиряки

Рассказ

У всех разные отношения с родственниками. Кто-то, долго не встречавшись с ними, думает: сто лет бы их еще не видеть. Нет, это не про моих. Уверена, все мои родственники рады встрече со мной. Это подтвердилось, когда на перроне небольшого вокзальца меня и мою сестру встречал наш дядька – дядя Коля. По его довольному виду с первой же секунды стало понятным, что встреча ему желанна. Он крепко обнял нас, расцеловал, схватил сумки и велел идти вслед за ним в машину. Чтобы попасть к дяде Коле в гости, предстояло проехать еще километров восемьдесят. В машине нас поджидала дяди Колина жена, Галина Александровна. Женщина, скупая на эмоции, она тем не менее выказала радость при виде нас. Мы действительно не виделись лет сто. Дядька суетился, складывая наши чемоданы в багажник машины, что-то торопливо при этом рассказывая. На улице, несмотря на яркое солнце, дул довольно прохладный ветерок.

– Что ж вы одеты-то словно майские дачницы? – сокрушался он.

– Так лето еще, дядя Коля.

Шли последние дни последнего летнего месяца.

– Будто бы не знали, что в Сибирь едете! – проворчал он и тут же стал искать в багажнике куртки.

Мы долго отнекивались от его тряпья, дескать, нам вовсе не холодно. Но дядя Коля был неумолим. Он разодел нас в какие-то теплые вещи, после чего мы стали похожи на отступающих французов с картины Верещагина «На большой дороге». Не успели мы сесть в машины, как дяде Коле вздумалось нас кормить, шустро чистил вареные яйца, нарезал колбасу и прочее, и пища как-то сама собой залетала нам в рот, словно гоголевские галушки.

Наконец мы тронулись в путь. Дороги в те времена были ужасные, вернее, их совсем не было. Особенно после дождей. То ли дело зимой, катишь себе по зимнику, словно на коньках по льду. А в иное время года – мучение. То застрянешь, то из колеи не выбраться, поэтому машины в тех местах в основном большегрузные, легковых почти не встретишь. У дяди Коли была «Нива», которой он очень гордился в силу ее хорошей проходимости. Вот на этой «Ниве» мы и держали путь в славный город Урай.

Дядька не переставал говорить ни на минуту.

– Знаете, куда я вас везу?

– Знаем, дядя Коля, к вам в гости, – недоуменно переглянулись мы.

– А ну-ка, уберите первую букву в названии города, что получится?

– Рай.

– Вот куда я вас везу. В рай! Да здесь кругом рай! – Дядя Коля посмотрел налево, направо, опустил руль, раскинул руки по сторонам. – Это же Сибирь-матушка! Сибирь державная!

– А почему это она державная, дядя Коля?

– Как почему? Как почему? А кто на себе всю Россию держит? Кто ее поит, кормит, обувает? Кто нефть поставляет? А минералы разные? А леса? Посмотрите, какие леса здесь! – И дядя Коля вновь взмахнул руками, указывая на лес по обеим сторонам дороги.

– Крепче за баранку держись, шофер, – пробубнила сидящая рядом Галина Александровна.

– А знаете, какое самое главное богатство Сибири?

– Пушнина?

– Сами вы пушнина! – Дядька аж сверкнул глазами в негодовании. – Люди! Вот главное богатство Сибири! Лю-ди!

– Так люди везде есть, – возразили мы.

– Да вы что! Вы что не знаете, какие здесь люди? Возьмите отца своего! Его братьев!

– Тебя, например, – съёрничала Галина Александровна.

– Да хоть бы и меня! Я коренной сибиряк! А мы сибиряки – ух, какие!

– И какие же? – спросила его жена.

– Да такие... надежные, крепкие, сильные. Сибиряки всегда придут на выручку, не подведут! У нас суровый характер, нас закалила сама природа. Мы не привыкли болтать, мы привыкли делать.

Я смотрела на своего дядьку. Небольшого росточка, крепенький, вечно с взлохмаченными волосами и длинными ровными бакенбардами, немного несуразный, смешливый. Но мне казалось, что за его мудрым цепким взглядом скрывается сибирская мудрость веков, а его могучие руки – олицетворение силы

и труда этого края. Он весь нараспашку, так же, как и душа жителей Сибири – распахнутая, щедрая, гостеприимная. Я так загордилась своей малой родиной, что выступили слезы, но влетевший в окно машины ветер мигом высушил их. Да, суров нрав Сибири, нечего нюни распускать, стойкость – вот главное качество сибиряков.

– Надежный мы народ – сибиряки, – с жаром продолжал дядя Коля, – потому и любят нас везде за наши бойцовские качества. У нас в Сибири мужик сказал – мужик сделал.

– Поэтому мужики в Сибири молчаливые, – усмехнулась Галина Александровна, но дядя Коля пропустил это высказывание мимо ушей.

Мы с сестрой рассмеялись. В следующее мгновение наше внимание привлек мужчина на дороге. Он махал рукой, показывая, чтобы мы остановились, что мы и сделали, но не заглушив двигатель.

– Приветствую, – сказал подошедший, – трос есть?

– Застряли что ли? – спросил дядя Коля, оглядывая машину в противоположной колее и суеющийся возле нее народ.

– Да, – кивнул незнакомый водитель, – дернешь?

– Нет у меня троса! – сказал дядя Коля и, отмахнувшись от незнакомца, начал отъезжать.

Мы обернулись. Несколько мужиков безнадежно пытались вытолкнуть из колеи неподдающуюся их силам машину.

– Так на чем я остановился? – спросил дядя Коля и тут же стал повествовать дальше. – Мы сибиряки – и этим все сказано. Надежности нам не занимать.

– Коля, – лукаво произнесла Галина Александровна, – а ведь у тебя есть трос.

Дядя Коля, словно не слыша ее, продолжал.

– Коля, – настойчивее произнесла Галина Александровна, – у тебя есть трос. В багажнике, – добавила она.

Дядя Коля вновь, казалось, и ухом не повел.

– Коля, не слышишь что ли?

– Что Коля? Что Коля? – заерепенился дядька.

– Трос, говорю, у тебя есть. В багажнике.

– А они почему без троса?! – вскричал дядька. – Какое они имеют право ездить без троса? Вот посадят в колее, тогда запомнят на всю жизнь, что собираться перед дорогой нужно как следует.

– Коля! У тебя есть в багажнике трос, – укоризненно произнесла Галина Александровна, скрестив на груди руки.

– Да некогда мне! Один я что ли на дороге? Вон за нами толпа машин едет.

Мы оглянулись. Ни одной машины что-то не было видно.

– Ну, или поедет, – с досадой вымолвил дядька, – ко мне племянницы приехали, я их сто лет не видел!

Минут десять дядя Коля ехал молча, затем остановился, развернулся и поехал назад. Вскоре мы вновь очутились у машины, попавшей в дорожную неприятность.

– Вспомнил, что есть в багажнике трос, – сказал дядя Коля подошедшему водителю, подавая спасительный предмет, – иди, цепляй.

Через какое-то время мы снова весело ехали в сторону Урая. Дядя Коля, подмигнув нам, бодро произнес:

– Я же говорил: мы сибиряки – надежные люди!

Мармуня

Рассказ

В Египте кошка – священное животное и на дорогах в разорванном виде не валяется. Но это в Египте. Речь пойдет о нашей, русской, кошке, хлебнувшей того, что выпадает на долю не божественного существа.

В один из теплых октябрьских дней ко мне из соседнего города приехали гости – сестра Юля с мужем Виктором. Помимо похода в гости у Виктора имелось какое-то важное дело в нашем городе. Он суетился и куда-то очень спешил. Мы с сестрой попросили добросить нас до ближайшего магазина одежды, на что

Виктор не очень охотно отреагировал, ссылаясь на свою занятость. Но под суровым Юлькиным взглядом согласился домчать нас до нужного магазина.

И вот мы несемся на всех парусах, обгоняя ветер. Вдруг видим посреди проезжей части что-то чернеет. И все едущие перед нами огибают эту чернеющую точку. При ближайшем рассмотрении выясняется, что на гладкой асфальтовой дороге среди толчеи машин лежит сбитая, но еще живая, черная кошка. Она, чуть приподняв голову, взирает на свой окровавленный живот и, кажется, нисколько не удивляется происходящему. А именно тому, что все проезжают мимо, аккуратно объезжая ее. Одинокое беспомощное существо с вывороченными на асфальт кишками посреди дороги большого города, и все с миллиметровой точностью – чтобы не задеть! ей ведь и так больно! – объезжают ее. Мы тоже приостановились и медленно, осторожно, не дай Бог затронуть это несчастное животное, сделали полуовальное движение дорогим авто.

Едем дальше. На душе скребут кошки, а больше всех та, которую только что покинули.

– Команда сволочей, – первой взбрыкнула Юлька, имея в виду нас всех и, разумеется, себя.

Вижу, до Виктора не доходит смысл сказанного.

– Витя, – поддержала я сестру, – там нельзя так оставлять кошку.

Юлькин муж чуть не подскочил.

– Да вы с ума сошли! – взревел он. – Меня люди ждут!

– Подождут, – ответила сестра.

В конце концов мы вынудили Витю вернуться. Кошка по-прежнему лежала посреди дороги. Мы решили перенести ее в траву, подальше от места чьего-то преступления. Витя остановил машину прямо на проезжей части, Юлька нашла в кустах кусок картона, мы переложили на него истекающее кровью животное и перенесли от дороги на некоторое расстояние. Водители презрительно и осуждающе смотрели на нас, сразу решив, что это мы сбили кошку. Сделав дело, мы поехали дальше. Но что у меня, что у сестры кошки в душе не утихомирились, а продолжали скрестись по-прежнему.

– Разворачивайся, – в приказном тоне сказала Юлька.

– Куда? – не понял Витя.

– Кошка умирает.

Тут Юлькин муж взревел!

– Ты обалдела что ли? Какая кошка? Меня серьезные люди ждут! Я и так уже опаздываю! А вы со своей дурацкой кошкой!

– Да ...дуй ты куда хочешь! – выругалась сестра. – Машину останови.

Как ни странно, Витя с Юлькой больше спорить не стал. Он развернул машину и, осыпая черную кошку проклятиями, снова поехал к месту происшествия.

– Это мы можем, когда у нас что-то болит – обратиться к врачу, поймать такси, доехать до больницы, сходить в аптеку и купить лекарств. А животное нет, – взывала Юля к совести супруга, на что он еще больше выходил из себя.

– Мы что ли ее сбили? Как вы не понимаете, у меня встреча!!! – в десятый раз вопил он.

Кошка лежала в том самом месте, где ее оставили, и тихонько мяукала. Это мяукание было похоже на протяжные жалобные стоны. Я старалась не смотреть на нее, так как меня мутит от вида крови. В багажнике оказалась коробка, в нее и поместили животное. Юлька, сидя на переднем сиденье, взяла коробку себе на колени и бережно держала.

Мы приехали в первую попавшуюся ветеринарную клинику. В чистом уютном фойе располагались питомцы со своими хозяевами. Я впервые увидела такое скопище холёных зверушек. Оказывается, это частная элитная клиника. Животные и их хозяева с одинаковым презрением оглядели вновь прибывших. Мы мысленно плюнули на них и ринулись к окну регистратуры, украшенному наличниками с искусной резьбой. В окне сидела молодая девица с густой косой и томным взглядом. Мы кинулись объяснять ей причину нашего появления. Но эта красавица хлопала своими метровыми ресницами и вежливо мотала головой. Она ссылалась на то, что у них всё по записи, причем сия запись состояла сплошь из плановых осмотров. Как мы ей не вталдычивали, что в нашем случае речь идет о спасении живого существа, она и слышать не хотела.

– Очередь не согласится ждать.

– Так экстренный случай!

– Ну и что, – вяло произнесла она.

– А очередь, между прочим, – это люди, а не звери! – вспылила я.

– А наша очередь в первую очередь печется о здоровье своих питомцев, поэтому они хотят как можно быстрее попасть в кабинет к специалисту, – защищая своих пациентов, ответила регистраторша.

Мы посмотрели на очередь и поняли, что девушка права.

– Да что мы с ней два часа рассусоливаем?! – возмутилась сестра. – Давай оставим здесь коробку, да и дело с концом. И пусть только попробуют выкинуть ее за порог!

– А вдруг выкинут? – усомнилась я в правильности намерений сестры.

– Не выкинут, совесть замучает, зря, что ли, они клятву Гиппократова давали?

– По-моему, ветеринары ее не дают, – возразила я.

– В конце концов мы свое дело сделали. Кошку не мы сбили, это раз. Во-вторых, не оставили ее умирать, а поехали в ветлечебницу, бросив свои дела. Помочь мы ей больше не сможем, так как не врачи и не умеем лечить и делать операции, – сказала Юлька.

– Что же нам делать? – спросила я регистраторшу, и та вдруг прониклась сочувствием и сообщила нам адрес ближайшей ветлечебницы для простых, не привилегированных животных.

Мы посмотрели на кошку, она покорно лежала на дне коробки, и весь ее вид говорил нам: «Девки, я уже ничего с собой поделывать не могу, и так крепилась из последних сил, сейчас моя судьба в ваших руках. Ну что же вы медлите?» Мы схватили коробку и бросились искать простую ветлечебницу.

Это лечебное учреждение для не VIP-персон располагалось в убогом здании. Там оказалось пустошно, кругом одни старые стены с отвалившейся штукатуркой, старая сломанная мебель и повсюду слой пыли. В одном из кабинетов ярко горел свет и две женщины в бело-серых халатах пили чай, весело смеясь над какой-то пошлой шуткой. Наше появление оборвало их смех.

– Чего нужно?

– Здравствуйте. Нам нужна ваша помощь.

В двух словах объяснили, в чем дело. Они замахали руками:

– Врача нет, а мы только медсестры.

– Ах так, – сказала я. – Тогда сейчас принесу видеокамеру и сниму про вас сюжет. Я, между прочим, снимаю репортажи для телевидения.

Тётки переглянулись, вздохнули.

– Где там ваша сбита кошка?

– В машине. Но мы ее не сбивали, – заявила твердо сестра.

– Ну, ну... – понимающе кивнули они.

На улице одна из медсестёр, выйдя с нами и увидев крутейшую иномарку, да еще и с интересными номерами, сразу смягчила голос, затем вспомнила, что и у неё бывает ласковый взгляд.

– Вы же понимаете, что бесплатно мы не можем делать операцию, – промямлила она, – медикаменты, наркоз и все прочее. У нас даже бинтов нет.

– Нашли о чем печалиться! – рявкнул Виктор, гнев которого не утихал.

Мы вытащили коробку. Заглянув в неё, медсестра нахмурилась:

– Дело плохо.

– Так чего же медлите?!

– Попробуем реанимировать, а вы ждите здесь, – сказала она и, взяв коробку с живым грузом, направилась к дверям ветлечебницы.

В этот момент вновь заверещал Витин телефон. Юлькиного мужа действительно ждали где-то по очень важному делу. Причем давно. Мы собрались ехать, но тут выскочила другая медсестра:

– Господа, а деньги? Кошке на операцию. Кстати, ее уже делают.

Витя зло вытащил триста долларов и протянул их медсестре. Та побледнела, но в деньги вцепилась.

– Витя, кошке наркоза нужно будет рубля на два, максимум, – прошипела я, – за такие деньги ее можно было не муржить, а сразу отправить на самолете в Израиль на операцию.

– Да, и вот ещё, – сказала Юлька. – Можно какое-то время кошка поживет здесь, у вас. Дело в том, что мы живем в другом городе, к тому же у нас есть животные. А у сестры, – она кивнула в мою сторону, – аллергия на кошачью шерсть. После операции нужно будет восстанавливающее лечение, из больницы ведь сразу не выписывают, а мы пока подумаем, что делать с кошкой. Кошка-то не наша.

– Восстанавливающее лечение, конечно, нужно, а у нас бинтов даже нет, – произнесла медсестра, – памперсы кошечке понадобятся.

Я хотела сказать, что на те деньги, которые ей уже выделили, можно скупить все памперсы в городе и области, но опоздала, Витя успел отстегнуть медсестре еще несколько купюр.

Теперь Юлькин муж никуда не спешил, потому что назначенная встреча давно уже была им просрочена. Мы ехали довольные, что помогли живому существу, и отчаянно благодарили Витю за то, что он предпочел своей важной встрече выручить кошку из беды – спасти жизнь, быть может... Виктор снисходительно улыбался, говоря, что на его месте любой поступил точно так же. Решено было съездить в церковь, чтобы закрепить помощь кошке. Юлька среди нас была самая воцерковленная, поэтому и предложила эту идею. В церкви мы купили свечки и поставили за здоровье неизвестной нам кошки. После этого Витя сказал, что хорошо бы чего-нибудь пожрать, и мы отправились в кафе. По пути Юлькин муж звякнул своему приятелю и, выслушав его, стал блее мела.

– Что случилось? – встревожилась Юлька.

– Если бы вы знали, девки, как же мне мила эта кошечка! – искренне признался Виктор.

Оказалось, на той встрече, на которую он не попал, была перестрелка, нескольких человек ранили, причем одного тяжело. Витю тоже могли там ранить, а то и убить. Он позвонил в ветлечебницу и узнал, что операция прошла успешно, кошечка спасена. До того расчувствовался, что сказал:

– Юля, а давай эту кошку себе заберем.

В кафе Витя заказал самое дорогое вино.

– Только бы на улице кошку не выкинули, – сокрушался он, резко изменив своё отношение к сбитому животному, – подумают, что бездомная.

– Не похожа она на бездомную, – уверенно сказала я.

– Будем искать ее хозяев, – подытожила Юлька.

Мы весело дули шампанское, Витя наворачивал за троих всякую закуску, продолжая время от времени повторять, как ему мила эта кошечка. Он вновь позвонил в больницу с просьбой забрать спасённую. Судя по разговору, те медсестры пришли в ужас от Витино предложения и категорически отказали, сославшись на то, что никто лучше их не окажет животному надлежащий уход. Они, возможно, подумали, что мы не только кошку, но и доллары потребуем вернуть.

– А достаточно будет оставленных денег? – поинтересовался Виктор.

– Достаточно, достаточно, – ответили ему.

– Витя, да ты им на десять лет вперед операции всех кошечек проспонсировал, – засмеялась я.

– Надеемся, что кошечка будет выздоравливать, – сказал Витя в телефонную трубку, – не сдохнет, поди?

– Что вы, что вы, – успокоили его, – у нас никто не сдохнет.

Витя заказал шампанского на всех, кто был в зале. Тревожный день оканчивался весело. Назавтра мы расклеили объявления в том районе, где была сбита кошка, а также подали объявление на телевидение. Особо надеждами себя не тешили, но через некоторое время случилось маленькое чудо. Мне позвонила пожилая женщина и дребезжащим голосом принялась усиленно благодарить за спасение ее кошки.

– Вы знаете, – щебетала она, – моя Мармуня никогда не бывала на улице, а тут решила прогуляться, вот и попала в беду.

У нее, оказывается, никого не было ближе этого существа. Женщина взалхлеб рассказывала, как она искала Мармуню, как увидела объявление, ринулась в ветлечебницу и вновь обрела дорогую подружку.

– Как я могу отблагодарить вас?

– Не надо, что вы!

– Нет, я хочу встретиться и отблагодарить! Вы спасли мою Мармуню.

– Честно сказать, и не я вовсе, а моя сестра с мужем, я была с ними за компанию.

– Обязательно приведите их! За свою Мармуню я пирогами и наливочкой всю вашу команду отблагодарю!

«Отнюдь не сволочную...» – подумалось мне.

А потом как-то раз я смотрела передачу, где священник отвечал на вопросы, и спросила, можно ли ставить больной кошке свечи за здоровье. Протоирей Дмитрий Смурнов ответил категорическое «нет» и никаких исключений быть не может!

– За кого вы будете молиться? – ехидно вопрошал он. – За рабу Божью Мурку?

Оказывается, запрещено подходить к Богу с таким вопросом, а мы – балбесы в отношении религии. Но меня почему-то ничуть не смущал тогда и не смущает сейчас тот факт, что мы ставили свечки за здоровье кошачьей души и просили о выздоровлении Мармуни, даже не зная её имени.

Сроду-роду

Рассказ

Даже скучная свадьба запомнится своей скучностью. Однако свадьбу моего брата – деревенского бугая Сашки Барабанова, скучной не назовешь.

Хотя поначалу действительно было тоскливо. Молодые волновались, родители вздыхали, матери украдкой утирали слезу, отцы всем своим видом показывали, что они тоже чувствительны к судьбам детей, но крепятся, так как мужики. Их сочувственно похлопывали друзья по плечам, говоря, что очень понимают деловитую сдержанность отцов семейств.

Сашка женился на Маринке Шерстобитовой. Деваха как деваха, ничего особенного, за исключением широкого рта и болтливости языка. Тем удивительнее, что на свадьбе она являла собой олицетворение молчаливости. Пару раз у мужиков возникал вопрос, не прищемило ли ей язык?! Бабы толковали это по-своему: мол, в жены готовится – мудреет. На свадьбе Марина была хороша. Конечно, все называли ее красавицей. Хотя до красавицы Маринке так же далеко, как до Китая пешком от ее родной деревни Меркитасихи.

Гости с Маринкиной стороны, несмотря, что родом почти все из этой самой деревни, вели себя так, словно из города Парижу. Известно, что парижане отличаются галантностью, со своими добры и великодушны, а с посторонними сдержаны. Так и вела себя шерстобитовская родня – в своем кругу весела и приветлива, но на барабановскую стаю смотрела молчаливо и подозрительно, и даже, как показалось самому жениху, враждебно, причем более всех отец невесты – будущий Сашкин тесть. Но Шерстобитов-главный, то есть отец Маринки, никак не мог смотреть враждебно, так как у него взгляд был в замутнении. Пил с прошлой субботы, говоря жене, что свою кровиночку Маришку замуж выдает и по данному поводу грустит нещадно. Пить-то пил, но на ногах держался, боясь ударить в грязь лицом.

Отец жениха, старший Барабанов, будущий Маринкин свекор, тоже не хотел иметь грязный вид лица, поэтому так же, как сват, держался, хотя и сам пил, кажется, с предыдущей субботы. Так что оба свата были в одинаковом состоянии и настроении, но каждый про другого думал: алкаш.

Жены не особо обращали на них внимание, так как занимались свадьбой детей, но все же время от времени давали своим непутевым суженым всякие ЦУ. И одна и вторая шипели одинаковое в уши главам семейств:

– Хватит пить! Опозориться еще не хватало!

На что те отвечали:

– Да где я пью?! Ну, мать, ты даешь!

Жены сдвигали брови, грозили им указательным пальцем, а в некоторые разы даже кулаком, и уходили дальше руководить свадьбой детей.

Приглашенных насчитывалось много. Это радовало. Радовало потому, что вызвонили всех – даже седьмую воду на киселе. То есть не будет пересудов и обид, что кого-то не позвали. Все ждали веселья и радости, хотя излишняя с обеих сторон суетливость сбивала настрой.

В загс подтянулась основная масса гостей. Приехали из города шерстобитовские родственники. Барабановские сразу записали их в когорту надменных и высокомерных. Женщин особенно раздражала дамочка с вуалью на шляпке-таблетке. Ее звали Нонна. Пышнотелая гостья курила длинные тонкие дамские сигареты, которые в ее сардельковидных пальцах терялись, и казалось, что она просто подносит два пальца ко рту, имитируя курение, как дети. Она делала глубокий вдох, и ее скалистые груди вздымались чуть ли не до самого подбородка. И деревенские мужики, глаза на нее, то поднимали, то опускали головы, следя за каждым движением ее мощной груди. Все, без исключения, кроме жениха Сашки Барабанова. Он почему-то сразу невзлюбил ее, проявив солидарность с женщинами своего рода, и презрительно окрестил «пилюлей», наверное, из-за шляпки-таблетки.

Однако муж этой круглой дамочки, Вениамин, давно насытись объемами жены, заглядывался на тощую-претощую девицу из рода Барабановых – Катюху. Глядя на нее, он выносил уста далеко за пределы своего лица. Со стороны это выглядело так, словно он делал гимнастику для губ. Обычно подобным образом упражняются певцы или ораторы перед выступлением, но навряд ли гость собирался петь сейчас, да и трибуны никто не обещал. Нонна окидывала полупрезрительным взглядом ту самую девицу, на которую украдкой, но жадно, глазел ее благоверный. А Катюха, чувствуя повышенный интерес со стороны шерстобитовского гостя, залиvisto хохотала над чьими-то чрезвычайно глупыми анекдотами, явно для того, чтобы еще больше привлечь к себе внимание.

Родня жениха и невесты держалась по разные стороны баррикад, но явной враждебности все-таки не наблюдалось. Хотя жених Сашка время от времени посматривал на будущего тестя, будучи уверенным, что тот кидает на него совсем не мирные взгляды. Разодетые и наглаженные, шерстобитовские вели себя важно, по-деловому. Из барабановской родни многие ходили, словно проглотив кол. Они, подобно шерстобитовским родственникам, вели себя подчеркнуто вежливо и даже интеллигентно. Все галантно раскланивались друг с другом, пожимали руки, даже целовали ручки. Этакие леди и джентльмены местного разлива. Что касается спиртного, то, конечно же, до самого банкета пили, причем немало, но делали это как бы нехотя и даже брезгливо. Всем своим видом показывая, что они за здоровый образ жизни, но ничего не поделаешь! – свадьба обязывает поднимать бокалы за счастье и здоровье молодых.

По правде говоря, Шерстобитов-главный не был доволен выбором дочери, считая, что бугай Сашка Барабанов не самая подходящая кандидатура для его Маришки. Но Шерстобитова особо-то никто и не спрашивал, поэтому ему пришлось смириться с выбором дочери. Родители же Сашки, наоборот, были очень довольны, что сын женится и наконец угомонится. Они уже устали от бесконечных жалоб всей деревни. Сашка прославился именно тем, что держал в страхе всю округу. Его любили и боялись. Любили за справедливость и поэтому боялись его праведного гнева. А в гневе, тем более в пьяном, Сашка представлял опасность для лиц, рук, туловищ, а также одежды и имущества деревенских жителей. Он был силен, как три богатыря вместе с конями. Его кувалдовый кулак бил точно и больно. Причем сам Сашка легко сносил удары. Однажды в драке его ударили ломом, так у него не то что синяка не выскочило, не покраснело даже! Зато обидчик понес суровое наказание. Но не ломом, а сердитой Сашкиной рукой.

Казалось бы, тестю радоваться надо, что зять не даст дочь в обиду, тем не менее Шерстобитову хотелось сосватать кого-нибудь поинтеллигентней. Например, Арсения, одноклассника дочери, который тоже присутствовал на свадьбе со стороны Шерстобитовых. Умный малый, в очках. У того на уме не драки, а аспирантура. И Маринка бы жила в городе и ходила на каблуках, а может, и в шляпке с вуалью. Так нет же, выбрала галоши...

Сашка Барабанов в отношении присутствия Арсения восторга не выражал, его страшно бесило, что Шерстобитов-старший явно симпатизирует этому умнику. Жених кидал тяжелые, как его кулаки, взгляды на Арсения, но тот лишь насмешливо хмыкал и дергал носом. Не только одному Сашке не нравился этот гость. Его другу, свидетелю Димке Копыляеву, Арсений тоже пришелся не по нраву, а все потому, что шерстобитовский заглядывался на его даму сердца – Ленку Авдееву. Правда, Ленка Димке все время давала от ворот поворот, но Копыляев был уверен, что рано или поздно растопит лед в сердце первой красавицы деревни.

Вообще-то первой красавицей деревни считалась Танька Барабанова, но у Копыляева имелся свой измеритель красоты, и его зашкаливало лишь на одну Ленку Авдееву. А данная особа, между прочим, тоже посматривала на Арсения, время от времени приоткрывала рот и теребила выбившуюся из прически завитушку. Копыляев был уверен, что девушка дразнит его, Димку, и хочет, чтобы он поревновал ее к Арсению. Свидетеля удручало, что большую часть времени нужно будет посвящать новобрачным, а не его зазнобе. Поэтому он нервничал и суетился больше кого бы то ни было, ибо приходилось совмещать личное с общественным.

Покуда Вениамин, дергая устами, украдкой посматривал на тощую Катюху, а интеллектуальный Арсений на томную Ленку, злились не только Нонна с ее выдающимся бюстом и горячий Димка Копыляев, не находил себе места и жених первой красавицы деревни Таньки Барабановой Андрюха. Если барабановские заглядывались на Нонну, то шерстобитовские откровенно поедали глазами Таньку. Ее статуэтная фигура, глаза цвета предзакатной морской волны, багряные губы затрагивали поэтические струны в душах чувствительных шерстобитовских, особенно городских. И Андрюха жаждал начистить их карамельные физиономии. За Таньку он уже давно накостылял всем местным, дерзнувшим заглядеться на его будущую невесту, теперь же география расширялась. Танька, однако, вела себя отвлеченно и на вожделеющие взгляды шерстобитовских не обращала никакого внимания, давая всем понять, что она при мужчине, но ее недоступность их еще больше заводила.

Пусть и нехотя, но все же к началу застолья большая часть приглашенных особей мужского пола была на изрядном веселе. Свадьбу играли в доме жениха. Традиционно из самой большой комнаты вынесли мебель и поставили столы буквой «П». У перекладины этой буквы восседали брачующиеся, свидетели и родители, а вот гости, даже не сговариваясь, рассаживались каждый к своему клану. То есть по одну сторону молодых садилась шерстобитовская родня, по другую – барабановская. Перекидывая ногу через скамейку, чтобы сесть за стол, почти каждый облизывался и потирал руки от удовольствия. Еще

бы! Чего только не сулила желудкам сегодняшняя свадьба! Столы изнемогали от обилия праздничных кушаний. Тут были и салаты оливье, и розариями нарезанные колбаски, и король застолья холодец, и какие-то рулеты, и какие-то паштеты, всего не перечислить. Запотевшие бутылочки радовали глаз и манили. Шерстобитовские были голоднее, так как им пришлось больше времени затратить на путь, поэтому их глаза с большей жадностью взирали на свадебные разносолы, однако все сидели чинно, ожидая момента, когда можно будет приступить к поеданию.

Сначала зачитывался какой-то дурацкий сценарий, с кучей дежурных слов, написанный далеко не Володарским и даже не Тонино Гуэрро. Копыляев-свидетель не всегда был точен в попадании в сценарную реплику, так как следил за Арсением и Ленкой. Они явно друг другу симпатизировали. Димка своими глазами видел, как этот умник подмигнул Елене Прекрасной из одной половины комнаты, а красавица ответила ему тем же из другой. От возмущения Копыляев аж задохнулся. Теперь ему уж точно было не до сценария. Его переполнял праведный гнев. И на фразу свидетельницы, подружки невесты, что, мол, соберись или получишь в лоб, даже не отреагировал. Он усиленно наблюдал за тем, как интеллигентшица наглым образом клеится к его почти невесте. И, когда в очередной раз его пихнула свидетельница, он даже не стал искать в сценарии фразу, которая по степени очередности принадлежала ему, а крикнул то, что у него было сейчас на душе:

– Горько!

– Наконец-то! – и сказали, и подумали гости.

После этой фразы молодые резво соскочили со своих мест и так припали друг к другу, что гостям опять увиделась долгая отсрочка угощений. Уж очень хотелось выпить и закусить. И вот он вождельный миг! Бокалы взвились и ударились друг об друга в едином порыве. Губы жадно припали к их содержанию и осушили до дна. Стало немного легче. Приглашенные оживленно застучали вилками, ложками, в ход пошли все столовые приборы. Затем несколько минут люди сосредоточенно жевали, не отрывая взгляда от своей тарелки и с новым волнением поглядывая на пустые рюмки.

Как раз в этот момент к присутствующим присоединилась Катюха. Она удалялась домой, чтобы сменить наряд. Конечно же, изначально на фоне изысканной, как казалось деревенским, Нонне девушка выглядела чересчур простовато. Зато сейчас Катюха тоже была при шляпке, которая, правда, сидела на ней, как на корове седло, и вызвала смех у ее родни. Куда, мол, тебе такой-то да в калашный ряд. Но насмешки родственников девушку мало интересовали. Взгляд Вениамина красноречиво говорил, что она хороша! Однако этот особый мужской взгляд был перехвачен его женой, после чего Нонна надменно взглянула на Катюху и мысленно послала ей приказ не смотреть в сторону Вениамина, иначе будет хуже. Но Катюхе Нонна была по барабану. Зря она, что ли, ходила домой переодеваться. Никакие Нонны ей не страшны. Вениамин знал о бойцовских качествах своей жены и побаивался, его охватило сильное волнение, и он, как-то сам от себя не ожидая, воскликнул:

– Горько!

И вновь под звоны бокалов молодые, тесно прижавшись друг к другу, страстно целовались в уста.

Сашка Барабанов нервничал. Еще бы, жених, а после загса, почитай, уже муж! В центре внимания, даже поцелуи прилюдно. Но не только это волновало и будоражило его. Уж больно ему не нравился сосед, что сидел неподалеку от него. Не нравился, как казалось Сашке, своей мрачностью и надменностью. Сашка поглядывал на этого соседа, своего будущего тестя, а особенно ловил его взгляд, когда целовался с невестой. С какой ненавистью смотрел на него этот человек, словно готов был пошинковать его, как капусту. Сашке еще и потому хотелось почаще целовать молодую, чтобы еще раз убедиться в правильности своих суждений относительно тестевского взгляда.

Если Сашка Барабанов следил только за одним человеком, своим тестем, то Андрюха – официальный ухажер Таньки Барабановой, первой красавицы деревни, не знал, в какую сторону и смотреть-то. Ему мерещилось, что все до единого Шерстобитовы пялятся на его Таненьку. И чем больше Андрюха пил за здоровье молодых, тем ему больше казалось, что взгляды эти множатся и множатся. Вон тот, например, с крупными ручищами, приехал под видом гостя на свадьбу, а у самого на уме заграбастать его будущую невесту. Или другой, сидит, облизывается. А этот, а тот... да все они! А Таненька – молодец! Не поддается искушению. А может, она делает вид? Нет, не похоже. А может, она все-таки скрывает что-то? Может, у нее с кем-то из них было? Андрюха непроизвольно сжал кулаки. В глаза мне смотри, в глаза! Нет, пожалуй, не было, в глазах сквозит равнодушие ко всем шерстобитовским мужикам. Вот умница! Не такая потаскуха, как ее двоюродная сестра тощая Катюха. Вон как с Вениамином Шерстобитовым переглядывается, еще и шляпу нацепила, как его женка Нонна. Сними шляпу, дура, не позорься! Где

это видано, чтобы деревенские в шляпах ходили. А Таненька моя верная. А эти Шерстобитовские ухари хотят ее соблазнить. Держись, моя красавица, я тебя в обиду не дам. И кулаки Андриюхи вновь непроизвольно сжались. Он готов идти войной на неприятеля, защищая честь любимой женщины. Ведь и вправду говорят – все войны из-за женщин.

А тем временем местная Елена Прекрасная, то есть Ленка Авдеева, возлюбленная Копыляева, куда-то удалилась. И как Димка проморгал момент? Дался ему этот никчемный сценарий! Все равно уже никто не слушает или делает вид, что слушает, а сам мечтает о том, чтобы опрокинуть рюмочку. А Арсенька-то где? Это пока тут он, свидетель, шуточками да прибауточками налаживает личную жизнь своего друга, его, копыляевская личная жизнь разлаживается. Ну уж нет! И Копыляев, вскочив со своего свидетельского почетного места, рванул в сторону выхода. «Кто ж столько назвал гостей-то?» – с досадой думал горячий деревенский парень, подогреваемый ревностью и сорокаградусной. Он пробирался через сидящих Шерстобитовых, вороша их, словно пчелиный улей, слыша отовсюду гул недовольства. Уж извиняйте, что помешал вам водку жрать, лучше бы за своим интеллигентом приглядывали, чтобы чужих девушек не охмурял! Хотя у них и не было договоренности с Ленкой на сей счет, что она его, но Копыляев верил в это всем сердцем.

В тот момент, когда Копыляев пробирался через шерстобитовскую родню, Ленка Авдеева была непонятно где. Кстати, Арсений тоже. Андриюха сжимал кулаки, Танька мирно уплетала салат оливье, Нонна бешено смотрела на выдвигающиеся уста своего благоверного Вениамина, а Катюха поправляла шляпу. Народ пил, закусывал и был дружен, но каждый в своем клане, и всё более обособленно, независимо.

Сашка, возбужденный алкоголем и поцелуями невесты, в очередной раз посмотрел на тестя. Выражение лица последнего, как показалось жениху, стало еще более надменным. Мало того, тесть что-то гундосил про несовершенство поданных блюд, соли ему, видите ли, было мало. Сашка окинул взглядом шерстобитовскую половину. До чего мерзкие надменные физиономии. Вон и еды мало съели. Не нравится? Брезгуете? Соли вам мало, как и вашему главному? Сашка вновь посмотрел на отца невесты. Тот собирался встать. Наверное, чтобы выразить свое недовольство! Жених аж задохнулся от такой мысли. Сашка ударил кулаком по столу, да так, что подскочили все до единой рюмки, потом вскочил и звонко хлопнул в ладоши:

– Ребята! Бей шерстобитовскую родню!

И первый его кувалдовый удар пришелся аккурат в ненавистную челюсть человека, собиравшегося произнести свадебный тост. В человека, чье имя было Иван Ефимович Шерстобитов и который с нынешнего дня приходился тестем Александру Барабанову.

Все словно ждали этого Сашкиного удара. Что тут началось! Копыляев, к своему счастью, уже вырвался из логова врага и в момент, когда деревенский здоровяк выкрикнул лозунг дня, на выходе из комнаты столкнулся с ничего не подозревающим Арсением. Так ничего и не подозревая, ненавистный Димке интеллигент получил удар и с большим недоумением на лице медленно присел на порожек. Димка схватил его, нечего, мол, расслаживаться, и начал мутузить с такой искренностью, с какой рассказывают о себе что-нибудь сокровенное.

Андриюха резво перескочил через стол, опрокинув часть содержимого на пол. Ему было труднее, чем Димке, ведь у того был прицельный враг, а у Андриюхи их целая россыпь, и он не знал, с кого начать. Раздумывать некогда, поэтому он стал бить первого попавшегося, одновременно уворачиваясь от ударов, которые обрушились на него со всех сторон. Он пытался зацепить как можно больше шерстобитовских и действовал успешно.

– За Таненьку! – кричал он, и в этом возгласе так и звучало: «За Сталина!»

А Нонна, вот предательница, забивала голы в свои же ворота, отпуская пощечины муженьку. Тот боялся лишь одного, чтобы она не применила свое ядерное оружие – ногти, и всем своим видом пытался показать, что уже нещадно бит и держится из последних сил. Ярким свидетельством тому стала хлынувшая из его носа кровь. Катюха, увидав, что Вениамин истекает кровью, крикнула: «Наших бьют!» и кинулась на помощь окровавленному Венечке Шерстобитову. Но не тут-то было, Нонна легко отразила первый же удар. Тогда Катюха вцепилась в «таблетку» на голове врага. Та вскрикнула от жгучей боли, ведь шляпка была приколотая к волосам, и большой клочок оказался вырван с корнем. Шляпа самой Катюхи была не пойми где, поэтому Нонна сразу же вцепилась в волосы обидчицы, и Катюха, зашвырнув в толпу дерущихся «таблетку», применила тот же ход по отношению к жене Вениамина.

Скамейки, столы опрокидывались, посуда с грохотом летела на пол, разбиваясь вдребезги, значительная часть еды тоже оказалась на полу, гости поскальзывались, падали, на них сверху наваливались

другие. Визг, писк, стоны заполнили и без того небольшое пространство. Некоторые благоразумные пытались разнять дерущихся, но благоразумных было совсем мало – раз, два и обчелся, тем более что они сами, в благородном порыве защитить честь свадьбы, так были отоварены, что всякое благородство с них тут же улетучилось, уступая место желанию наказать обидчика. Все смешалось. Уже прилетало и от своих. Разбираться, кто чей, и сортировать по кланам было некогда. Место дерущимся явно не хватало, и они, какими-то перекатами, вытаскиванием друг друга, очутились во дворе. Мутузили друг друга от души. В своем уме оставались только матери жениха и невесты, а также Барабанов-старший. Он успел в это время пропустить несколько рюмочек, с сочувствием посматривая на дерущихся и сокрушенно подсчитывая ущерб от пребывания варваров в его скромном жилище. Матери тоже пытались разнять обезумевшую родню, но никто не желал им подчиняться. Тогда женщины, взглянув на батарею бутылок шампанского, стоящую в сенях, решили действовать на свое усмотрение:

– А ну, как гонщиков поливают!

Схватив по бутылке, обе женщины встряхнули их и откупорили. Два выстрела прозвучали почти одновременно, бурные потоки шампанского «Надежда» хлынули на дерущихся. Это произвело эффект нейтронной бомбы: всё живое вмиг замерло и оцепенело.

– Э! Э! Вы чего, с ума сошли? Да вы обалдели, что ли? – прекратив драку, вопрошали со всех сторон.

– Кошунство! – возмутился отец жениха Григорий Андреевич.

– Хорош! – особенно грозно рыкнул сам жених, Сашка Барабанов. Все глянули на него и увидели, что он тоже сильно поврежден, морда разбита, исцарапана ногтями, на свадебном пиджаке оторван рукав, белоснежная рубашка разодрана. Все это было делом рук Маринки. Барабановские смотрели на своего предводителя с сочувствием, шерстобитовские, конечно же, наоборот, со злорадством и насмешкой. Оказывается, пока все гости дрались на свадьбе, у жениха с невестой была «своя свадьба». Маринка в ужасе от увиденного хотела сбежать от такого муженька, Сашка, разумеется, не пускал ее. Какой его ожидает позор, если невеста убежит прямо со свадьбы, и удерживал ее что есть мочи. Она же лупила его нещадно и за отца, и за испорченную свадьбу. Сашка мужественно терпел, но отпускать Маринку не желал, поэтому, дабы она не сбежала, потащил ее в чулан и там запер. Теперь оттуда доносились ее крики, из которых явственнее всего было:

– На развод! Отец был прав!

Зять и тесть встретились глазами, и Шерстобитов, понимая, что ему сейчас вновь не поздоровится, сначала весь сжался, а потом, словно белка, отпрыгнул к калитке и вмиг исчез с поля битвы. Шерстобитовы потянулись за ним следом. Протрезвевшие, проголодавшиеся, измотанные дракой, они были в бешенстве. Сходили, повеселились, называется.

Однако, выйдя за пределы барабановской вотчины, не расходились. Стояли, совещались, как же поступить дальше. Вроде бы сволочи эти Барабановы, накостыляли ни за что ни про что. Но опять же, какая свадьба без драки? Шерстобитовы были готовы оправдать своих обидчиков, ведь там, на барабановской территории столько еще осталось водки и закуски! А главное, что подарки отданы. Да и свадьба только началась...

Пока Шерстобитовы предавались рассуждениям, Барабановы время даром не теряли. Они дружно очистили пространство от мусора, поставили стол, теперь уже буквой «Т», и честным пирком да за свадебку. Только невеста пока что сидела в чулане, не желая показываться гостям.

Тем временем шерстобитовские продолжали искать ходы к возвращению, да так, чтобы их встретили с извинениями и распростертыми объятьями.

– Пусть в ногах у нас поваляются! Сроду-роду такого хамства не бывало! — кричал Иван Ефимович, внезапно сильно опьянев на свободе. Это грозило новой войной, а Шерстобитовы понимали, что повторный бой они уже не вынесут. Пока Барабановы собирались силами, выпивая и обильно закусывая в тепле, бедные Шерстобитовы мерзли на мартовском снегу, отдавая последние силы на обогрев. К тому же какое-то время они так и стояли в легкой одежде, пока им через забор не побросали верхнюю. Ивана Ефимовича никак нельзя было пускать за калитку, поэтому родня, перехватив новоиспеченного тестя, думала, что с ним делать. А тот, вырываясь, клял и материл Барабановых:

– Сроду-роду на Руси такого не бывало!

Его стали тащить в машину, но пьяный Иван Ефимович отчаянно сопротивлялся, звездообразно расставлял руки и ноги, и с ним пришлось долго возиться. С семидесятой попытки его все же усадили в машину.

– Сашку Барабанова мне на растерзание привезите! – орал он, уезжая.

– Об этом не беспокойся! – клялись ему вслед.

Отправив своего буйного предводителя, Шерстобитовы собрались на примирение к Барабановым. Но тут из калитки выскочили невеста Маринка и её мамаша, которая тайно вывела свою дочь из чулана и вместе с ней совершила побег. Шерстобитовых так и перекорёжило – как они придут в тот дом, откуда сбежала невеста? И не тащить же её обратно! Поэтому, плюясь и отпуская нелестные словечки в адрес новой родни, побитые шерстобитовские уныло и нехотя побрели в сторону автобусной остановки. До Меркитасихи десять километров, и осилить такое расстояние пешком им сейчас было не под силу.

– Отца надо было слушать, – укоряла старшая Маринкина сестра, кивая на Арсения. Но тот с синяком на пол-лица уже не производил своего прежнего интеллигентного впечатления.

Нонна и Вениамин находились друг от друга на приличном расстоянии. Дама теперь уже без шляпки шла, гордо подняв голову и презирая всем своим существом перебежчика-мужа. Вениамин пытался выхватить взгляд жены и преданно посмотреть ей в глаза.

На свадебном застолье Сашка захотел видеть невесту, но обнаружил её исчезновение. Он было бросился в погоню, но его не пустили, навалившись на жениха всей родней. Пришлось даже связать. Малость успокоившись, Сашка взмолился и умолял друзей бежать вслед за Маринкой, уговорить ее вернуться.

– Она одна не вернётся, – увещевали Сашку.

– Пусть все шерстобитовские возвращаются, хрен с ними! – шёл на уступки огорчённый жених.

Тем временем Шерстобитовы ехали в автобусе и вспоминали детали сражения, сколько кто положил Барабановых, однако в душе-то каждый знал, что Барабановы накостыляли им по полной программе.

– Добродушнее надо быть к родне все-таки, – сказал вдруг один из Шерстобитовых, и было непонятно, кого он имел в виду – своих или Барабановых.

Когда они прибыли в Меркитасиху, за ними приехала делегация Сашкиных друзей на переговоры о возвращении. Но теперь уж Шерстобитовы упёрлись. Дважды посылал Сашка парламентариев, и оба раза переговоры не дали результатов.

– Довыдeldываются они у меня, – грозил кулаком Сашка. — А ну, братцы, двигаем в Меркитасиху бить шерстобитовскую родню!

Но это уже перестало являться главным кличем дня. Драться никому больше не хотелось, а хотелось тихо-мирно продолжать пировать, пусть и без невесты.

И еще долгое время по всей округе судачили о свадьбе Сашки Барабанова и Маринки Шерстобитовой, повторяя выражение Ивана Ефимовича:

– Сроду-роду на Руси такого не бывало.

Зато теперь, когда кто-либо намеревался жениться или выходить замуж, родня и тех и других заранее испытывала взаимное тепло и уважение.

Сергей ВЛАСОВ

Герой Днепра

Метрорассказ

*Эти сорок две минуты под землей
Я день за днем сложу в года...*

Сергей Патрушев

Вам, юннаты, посвящается

1

Докурив свою привычную утреннюю сигарету, Егор Рыжиков пристроился к сосредоточенно перебирающей ногами очереди и уже через мгновение обнаружил себя в просторном вестибюле станции метро «Героев Днепра». Здесь живая цепочка рассыпалась, и поток людей напомнил ему мясо, выдавленное из мясорубки: проходя сквозь круглые двери-отверстия, они еще придерживались строгой формы-колбаски, но

стоило им оторваться от насадки и полететь в широкую тарелку-вестибюль... куда только девалась вся стройность?! И ровная колбаска-очередь превращалась в кучу разнородного фарша. Некоторые из людей вновь сливались в единое целое у окошка кассы, некоторые сразу направлялись к турникетам и, замерев перед ними на секунду, прорывались дальше – на лестницу, к платформе.

Потолкавшись у порталов станции метро, норовивших захлопнуть свои жвала перед замешкавшимся путником, Егор тоже спустился к поездам и занял свое привычное место у третьей колонны от входа, прямо у ограничительной линии.

Он всегда выбирал место у третьей колонны: так Егор оказывался в самой удобной позиции во время прибытия поезда – ровно у входных дверей вагона, но не напротив, а немного слева. С такого старта можно было первому, в крайнем случае – второму, ворваться в пустой вагон и занять место на сидении, жестком и неудобном, как солдатская табуретка. И, уж заняв, сидеть там до самой станции пересадки. И никого не замечать. И никого не слушать. Как настоящий диктатор, как кормчий, как всякий уважающий себя тиран.

Словно вещи в чемодан, упакованы пассажиры; с платформы машинисту подан тайный знак, и поезд метко влетает в тоннель. Люди, лишённые личного пространства, не знают, куда уткнуть свой взгляд – всюду лица, несвежие шеи и воротнички, сопящие носы и загогулины ушей. Приходится пялиться в дешевую рекламу дорогих загородных домов, в призывы подключаться к безграничному виртуальному миру, в агитки гостеприимных ломбардов. Не хочешь про дачу и про безлимитный Интернет – рядом объявления о лечении геморроя, молочницы, герпеса, угрей, папиллом, варикозного расширения вен, воспаления десен, средства от перхоти, грибка стопы, вшей, бородавок, шпор на пятках, зуда, шелушения и других небольших радостей земной жизни. Они ближе, родней, нежели загородный домик или оптоволоконно в квартире. Каждый тут найдет себя. Ищите и обрящите. А отведи взгляд чуть в сторону, отвлекись от присыпанной перхотью папилломы на варикозном расширении бородавки, и ты увидишь непроницаемую мглу за окном двери, к которой нельзя, но так и тянет прислониться. И ты поймешь наконец, от чего это у всех этих людей такая вселенская тоска в глазах, такая бездонная грусть...

На одном из перегонов поезд резко дергается, свет гаснет. Вагоны подпрыгивают, всюду грохот, люди орут и давят друг друга. Слышится страшный скрежет, жуть пробирает всех. По составу еще раз пробегает дрожь, и он замирает совсем. Народ охает и замолкает. Наступает полная тишина. Вокруг – непроглядный мрак. На глубине, под десятком метров земли, ничего не слышно. Это только со светом в метро можно смело гонять на поездах и эскалаторах. Без электричества оно превращается в неприветливые пещеры, подземелье, где человека охватывает паралич ужаса. По салону пробегает легкий шепот: «Чего стоим? Чего стоим? Может, техническая остановка...» И тут поезд еще раз дергает со всей силы, но не вперед, а вбок. Опять вскрики, ругань. Кто-то молится, кто-то плачет.

Внезапно, с той стороны, где на неудобной скамье сидел Егор, в темноту вагона врывается луч яркого света: это включился мощный фонарь, какие бывают у обходчиков. Наш герой спокойно встает со своего места и невозмутимо пробирается к раздвижным дверям. Он просит зажавшегося возле поручня паренька поддержать источник света и уверенным движением сильных рук раздвигает непослушные створки в разные стороны. Одну, правда, заклинивает на полпути, и она так и остается торчать, наполовину втиснутая в стену вагона. Рыжиков дает всем команду оставаться на своих местах, отбирает светильник у ошалевшего паренька и смело спрыгивает в темноту тоннеля.

На дно искусственной пещеры метрополитена приземляется уже не тот Егор Рыжиков, который наслаждался дымом недорогой сигареты у входа на станцию «Героев Днепра». Ловко, на оба прочных «бульдога», вниз прыгнул выдавший виды сталкер. Его легкое обмундирование говорило за своего хозяина: этот боец знает толк в андеграундных походах. Ни одной лишней детали: штаны, заправленные в высокие армейские ботинки, прочная необъемная куртка, за спиной – вместительный походный рюкзак. На ремне висят фляга и рация. На запястье размеренно пищит дозиметр. В одной руке крепко зажат «калаш» необычной комплектации – облегченный, со складным прикладом. В другой – многорежимный обходной фонарь, светит мощным лучом как вперед, так и под ноги, не слепя идущих в темноте тоннеля. На ноге, у самой щиколотки, виднеется огромных размеров тесак. Все в его виде, в его движениях необходимо для дела, для выживания в суровом, постапокалиптическом мире Метро.

Егор осветил лучом фонаря замерший состав, осмотрел тоннель и, не обернувшись в сторону оставшихся позади пассажиров, уверенно зашагал по направлению к хвосту поезда. И дальше, к захваченной неприятелем (это уж наверняка) станции «Почтовая площадь».

2

Разглядыванию чужих мятых лиц и низкопробных рекламных объявлений в метро всегда была альтернатива – чтение. Но Егор под землей не читал, как это делали многие пассажиры. Нет, раньше он тоже брал с собой компактное издание и даже научился ловко, как и все остальные, держать сочинение и перелистывать его страницы одной рукой. Привык он и к слегка вздрагивающим строкам, и к тому, что всякий раз терял место, на котором он остановился в прошлую поездку. Пробовал он и электронные книги – мертвый цифровой слепок живых, печатных.

Загвоздка была не в этом. Просто Егор никак не мог подобрать себе чтиво по нраву. Детективы он не любил. Особенно новомодные, в мягком переплете вымышленных событий. Сюжет этих легковесных книг был одинаковым и перетекающим из одного произведения в другое, от автора к автору. Появлялось ощущение присутствия некоего автора-бота, составляющего все эти тексты автоматически. На романы такого рода становилось жаль даже той небольшой суммы, которую за них просили на книжных развалах.

Интеллигентные, что ли, детективы не подходили чтению в метро по своей натуре. Они норовили потребовать от читателя соответствующего антуража: бокала красного вина, грога... да, грога, мадеры или виски. В общем, чего-то горячительного в бутылке зеленого стекла, камина и клетчатого пледа.

Фантастика была ближе всего Егору. И метро для нее подходило. Но голый металл в безвоздушном пространстве быстро надоедал, в книгах отсутствовало что-то... волшебное.

И это волшебное он нашел в фэнтези. Примерно с год Егор с упоением вчитывался в сэнсэя Толкина, гуру Перумова и прочих мастеров пера, клинка и магии. Но в фэнтези, особенно российского разлива, Егора бесил один существенный момент. Если в старой доброй фантастике все было слишком уж честно и прямолинейно, то в фэнтезийном мире все происходящее было довольно условно и непредсказуемо, как в машине тормознувшего тебя гаишника. То есть у Бредбери или у Лема события текли просто и понятно: у тебя есть бластер, у меня – квантовая пушка. Результат ясен – я победил, так как оружие у меня будет мощнее твоего. Конечно, в вычисление исхода битвы можно было добавить еще массу переменных (как то: броня, скорость звездолета, количество негуманоидных рас, выступающих на твоей стороне, и многое другое), но все они входили в понятное и строгое уравнение. Если только на горизонте не появлялся какой-нибудь Майкл Дуглас с теорией вероятности наперевес.

А в фэнтези... в фэнтези все было отдано на откуп настроению автора. Все как в игре в шахматы с пьяным соперником: никогда не знаешь, как он походит в следующий раз и не начнет ли он играть с тобой шахматными фигурами в «Чапаева», а то и вообще, – треснет тебя по голове доской, и конец индийской защите, дебюту трех коней и испанской партии.

Объясню на примере. Идет, допустим, по узенькой тропке лесной эльф. Или, пускай, не эльф, а хоббит. Все хорошо, птички поют, солнышко светит, цветы источают дивный аромат, а в рюкзаке у него целая баранья нога на ужин. И тут на тропинку выскакивает... орк на сером волке. И у него на одного – меч-кладенец, алебарда и неопустошимый колчан. Выходит – полный гаплык нашему хоббиту. И хоббиту, и его бараньей ноге. Но только не в мире фэнтези! У полурослика, сиречь хоббита, тоже не из лыка щит. Достает он из... из чего-то там достает свой Волшебный Кристалл и «кастует» на орка леденящую молнию! Или метеоритный дождь на него насылает. Сглаз, порчу, расстройство желудка и обрыв запоя по фотографии. Все! И где теперь меч орка? Где его боевой серый волк? И где, самое главное, его тактическое преимущество? Правильно, нету. Ни преимущества, ни алебарды, ни волка, ни орка. Сгинули во тьме веков. Нет, фэнтези Егору не подходило.

Из представленных на книжном рынке трудов он пару раз выбирал образчики, помещавшиеся (за возможностью их как-либо иначе прилично классифицировать) в раздел «Современная русская проза». Тут уж кто во что был горазд. Казалось, для этих ребят не было ничего святого. Ни классиков они не жалели, ни современников. А шестидесятников, так тех вообще ни в грош не ставили. И пускай Егор в этом был с ними согласен, – шестидесятников можно было и не ставить, но уж слишком эти ребята все матом крыли. И шестидесятников, и пятидесятников, и адвентистов Седьмого дня. Все им было не то, и все им было не так.

Как потом объяснит Егору его сослуживец Тимур: «Это называется постмодернизм. И они этим гордятся, Егор!» Чем они именно гордятся: этим ли мудреным названием, плевками ли в сторону шестидесятников, или своим нигилизмом, – Рыжиков уточнять у Тимура не стал. По-видимому, тот сам причислял себя к этим самым представителям «Современной русской прозы».

Пробовал Егор читать и снобов от литературы, чьи имена записаны в эдакий «must have» для интеллигентного офисного планктона: Хемингуэя, Платонова, Набокова... но они казались ему полными неудачниками и плаксами. Подобным мировоззрением писатели напоминали Рыжикову его самого. Таким авторам он заносчиво присваивал звание «нытики» и срочно отвергал их, одновременно огораживая от нехорошего клейма и самого себя. Так поступают некоторые семейные пары, не награжденные Богом возможностью завести собственных детей – они приписывают себя к движению «childfree». Мало того, они провозглашают это течение модным и прогрессивным. Сделав такой ход конем, они решают сразу две проблемы: оказываются в якобы авангарде социальных движений и вместе с тем избегают жалостливых взглядов друзей, уже успевших стать счастливыми родителями.

Так и Егор, обозначив некоторых писателей «нытиками», сам отрекся от такого эпитета. И уже не боялся прослыть плаксой и неудачником, одновременно считаясь довольно-таки большим знатоком и интеллектуалом: мол, смотри-ка, и Хемингуэй у него нытик, и Набоков – плакса. Разбирается, поди. Прочел и Хемингуэя этого, и Набокова, и еще кого покрепче, кто не такой нытик.

Всяческая псевдопрофильная литература, как-то: адвокатские истории, психотерапевтические рассказы, медицинские детективы – он отвергал, как слишком скучные и слишком профессионально ориентированные. А этих двух качеств ему хватало и на работе.

Ну, кто еще? Женские романы отпадали сами собой, о газетах речь и не шла, а эротику, ужасы и документалистику Егор предпочитал в виде кинофильмов, а не в печатном варианте.

Можно было еще вспомнить короткий период проб и ошибок в приключенческой прозе, но выбор тут был не особенно велик. Авторы были склонны уходить то в фантастику, то в скрупулезную историографию, то в религиозную мистику. Ни жюлей вернов, ни джеков лондонов современности метро не принимало.

В конце концов Егор понял – избитая фраза «если хочешь что-либо сделать хорошо, сделай это сам» относится не только к онанизму, но и к литературе. «Если все мировое литературное сообщество так и не написало книгу, которая нужна мне, то ее стоит создать самому», – решил Рыжиков во время одной из своих ежедневных поездок под землей. Дело было за малым – придумать сюжет, основной персонаж уже был, стоило его лишь немного «прокачать», как в компьютерных играх, и – вперед. С местом действия также проблем не было. Все будет происходить здесь – в перегонах, на станциях, в электродепо и на секретных ветках целой Вселенной Метро.

3

...Егор уходил в глубь тоннеля, все дальше от внезапно остановившегося поезда. Кромешную темноту подземки резал мощный луч обходного фонаря, выхватывая из мглы очертания провисших, местами прогнивших и оборванных кабелей.

Что-то произошло не только на перегоне, но и на самой станции – оттуда все не поступало никакой информации. Рация молчала, погранотряд не спешил к едва не сошедшему с рельс поезду. Это могло случиться по двум причинам. Первая – стая крыс вырвалась из ответвления тоннеля и машинисту пришлось резко стопорить состав. Возможно, тормоза заклинило, где-то пропал контакт, и теперь людям в вагонах приходилось сидеть в полной темноте, без информации о происходящем, в пугающем, еще более, нежели остановка поезда, неведении.

Вторая мысль по поводу остановки казалась реалистичней, но развивать ее не хотелось: все – и экстренное торможение поезда, и отсутствие связи, и невесть куда запропастившийся погранотряд, – все говорило о диверсии. А это, в свою очередь, означало одно – противник вновь пошел в наступление и продыху теперь от него не будет.

В мире метро, как и в жизни, сохранялся определенный баланс сил – стороны были равны по своей мощи и по стремлению. Стремлению, если и не овладеть всей подземкой целиком, то хотя бы так придавить противника, чтобы тот как можно дольше не высовывался из отведенного ему тесного, темного, вонючего угла. То сталкеры и добровольческие отряды оттесняли нечисть и их союзников, то мерзкие твари наносили сокрушающий удар по людям и их технике. И тогда метро лихорадило, на станциях вводился карантин, один за другим капитулировали редуты, противнику сдавались служебные помещения, отбитые от составов вагоны, оружие, боеприпасы. Атаки и отступления сменяли друг друга, словно приливы и отливы, не оставляя после себя на песке ни единого следа: и те, и другие часто применяли тактику выжженной земли.

Последнее мощное наступление нечисти отбили в прошлом месяце. Егору и еще нескольким сталкерам, объединившимся в отряд для совместного ответа супостатам, удалось захватить в плен целый отряд предателей-машинистов. Они отсекали отход основных войск белесых слизней – их сожгли в бензине прямо под «Майданом». Знаковая победа придала силы сопротивлению, и смрадных ублюдков надолго загнали в их норы. Но там, в убежищах, они вновь вынашивали свои подлые планы и задумывали коварные вылазки и преступления...

После известных событий в метро стала собираться всякая шваль, изгнанная из общества за нарушения закона, неблагонадежность и нежелание жить по новым правилам. Одновременно с налаживанием новой жизни на станциях, не отравленных радиацией или еще чем, под землей развивались мутанты. Но если бы только они! Оказалось, в разветвленной, обеспеченной электричеством, более или менее чистыми воздухом и водой системе подземных переходов уже давно оборудовали свои базы разного рода пришельцы, обладающие внеземными технологиями и разработками. Там они жили еще с шестидесятых годов прошлого века, и им совсем не нравились теперешние возня и рытье. Ко всему, на станциях водились и аборигены – слизи. Кто-то описывал их как улиток без панциря, кто-то – как человекоподобных зомби, состоящих из белесой субстанции с синими прожилками и способных выпускать множество ложноножек. Сплетничали еще про спутавшихся с темными силами метростроевцев, основавших здесь еще со времен постройки тоннелей свою странную колонию. С непонятными никому религией, политическим и социальным строем, напоминавшим о коммунарах и интернационале.

Вся эта разношерстная публика до сих пор воевала между собой, но иногда им случалось договориться, и вот тогда... тогда этот «Букет Молдавии», этот «почечный сбор» выдвигался единым фронтом, словно оппозиция на выборы. Слева – коммунары, справа – злобные национал-слизни, а посередине – продвинутые пришельцы с каплевидными головами. Красные, коричневые, белесые. Того и гляди, устроят цветную революцию...

Но, к счастью, долго такие союзы не держались – то пришелец на хвост радиационной жабе наступит, то слизень на сокровища удачливого мародера позарится, то коммунары начнут навязывать безумную, пугающую идеологию. В оппозиции всегда так: то упыри, то недобитки, то пришельцы. Нет у них единства. «Хотя, – подумал Егор, – и среди сталкеров общего мало – так, собьются в кучу ради наживы или отбить общего врага – и все... разбежались по своим веткам. Впрочем, это я уже о политике стал размышлять, сбился, так сказать, с канвы повествования. Зарекался же не читать в метро утренних газет! Не сдержался – и вот вам результат: лезет теперь в голову всякая чепуха».

Тем временем он вышел к ближней по тоннелю станции и наконец-то увидел огни фонарей, метавшиеся по платформе. Издали его окрикнули:

– Оставаться на месте! Фонарь выключить, оружие опустить! Говори пароль!

Егор выполнил все в точности, и фонари с платформы перестали слепить глаза, лучи опустились и осветили ему дорогу к станции. Быстро дойдя до бетонного уступа, он живо взобрался на него по коротенькой железной лестнице. Встречающих было трое: двоих Егор знал давно – Миха Булава и Тарас Жук выступали с ним в операции против перебежчиков-машинистов. Третьего Егор видел впервые.

– Что случилось? – спросил Егор и с надеждой добавил: – Крысы?

– Нет, не крысы, – ответил Миха. – Неведомая тварь. Выбежала прямо перед поездом – из бокового тоннеля и прямо под колеса! Но не задавили – она несколько секунд неподвижно сидела на рельсах, а потом убежала в сторону следующей станции. Там сразу выставили заслон, ждали ее, но тварь так и не появилась.

– Почему не было связи? Почему никто не отправился к поезду?

– От этой твари исходит сильное излучение, правда, мы не знаем, какое именно, но от него в эфире жуткие помехи. – Жук демонстративно потряс рацией перед лицом Егора. – Вот, до сих пор не работает. А в тоннель двигались со стороны «Майдана», это нам по телеграфу сообщили. Они так и не дождались этой твари и пошли ей навстречу.

Егор недоверчиво глянул на третьего сталкера. Тот был низкорослым крепышом, немного смахивающим на гнома из Властелина колец, только вместо топора в руке у него был укороченный «калаш», а борода – черная.

– Да, забыл представить. Евгений Семенович, из внешней охраны. Его все Персом зовут. Там как про тварь узнали, его вниз к нам сразу направили. Говорит, он ее уже видел...

– Видал, – охотно подтвердил Перс. Он и вправду был восточной внешности: невысокий, с раскосыми глазами... у него даже на поясе висел не нож, а кривой ятаган, только короткий. – Только это не здесь, а на зеленой ветке было. Там, как после моста под землю въезжаешь... станция «Майдан Незалежности»...

– Погоди, погоди, – оборвал его Егор. – Какой же там «Майдан», если там «Выдубичи»?

– Правильно, – не своим, а словно записанным на пленку, очень знакомым голосом сказал Перс. – Там «Выдубичи». А сейчас – станция «Майдан Незалежности». Переход на станцию «Крещатик». Уважаемые пассажиры, выходя из вагонов, не оставляйте своих вещей.

– Чего? – еще успел спросить Егор, но его вопрос уже потерялся в развеявшемся мире Метро, в глаза ударил свет, и он понял – его специально настроенный на условный сигнал мозг уловил его из общего шума и вырвал хозяина из вымышленной Вселенной. Быстро-быстро протолкавшись к выходу, Егор вывалился на платформу вместе со всеми, кто сходил на «Майдане».

4

Как уже стало понятно, на самом деле Егор не взялся за перо и не стал писать роман о приключениях смелого, независимого и сильного сталкера с собой в главной роли. Он не претендовал на лавры великого писателя. Его единственным литературным трудом в жизни были рабочие письма по электронной почте и объяснительные начальству. Ну, еще отступной отчет в конце месяца или служебная записка сотруднику из соседнего отдела.

Блогов он не вел, в социальных сетях размещал лишь ссылки на забавные фотографии, высмеивавшие того или иного персонажа, популярного на момент публикации в русскоязычном Интернете.

Нет. Егор пошел дальше (хотя кто-то может возразить: он вообще никуда не пошел! – и тоже будет прав), он проживал свою книгу в своем воображении. Он воображал весь ее сюжет. Она лишь на время оживала в его голове, а потом... откладывалась на полку, до следующей умозрительной главы.

Здесь стоит сказать еще пару слов о метаниях Егора в мире литературы. А именно – об отдельно стоящей фантастике братьев Стругацких и «Метро 2033» Дмитрия Глуховского. Эти миры были куда ближе к потребностям внутреннего наполнения рыжиковского воображения. В основу его вымышленного мира лег «Пикник на обочине», а точнее, – общая суть книг, написанных последователями и продолжателями традиций этого культового произведения. Впрочем, учитывая качество этих апокрифов, нельзя говорить о натуральном заимствовании всей канвы приключенческого романа. Нет, для своей эпопеи он взял лишь дух независимости сталкера, многомерность неподдающейся изучению Зоны и полное отсутствие ответственности за свои поступки. Ведь у Стругацких-то она еще была, ответственность эта, и глубокая мораль у них прослеживалась, а вот у их последователей она отсутствовала напрочь. Была определенная мораль и жизненная философия и у Глуховского, даже иногда сверх меры было и морали, и философии, но от него Егор взял лишь общую красивую картинку постапокалиптического мира и, опять же, многомерность происходящего в подземельях. Самое главное – и там и там соблюдался негласный баланс между логикой голого металла из фантастики и легкой неразберихи фэнтези. Немного меча, немного магии. Щепотка мистики, две ложечки милитаризма и философии по вкусу. Отлично. Такой рецепт вполне устраивал Егора – руки были развязаны, можно было начинать творить.

С тех пор жизнь Егора поделилась на две неравные доли: в одной из них, большей, он оставался тем же спокойным офисным сотрудником, а вот в другой, совсем крошечной, но вмещавшей в себя целую альтернативную Вселенную, Егор становился неумолимым истребителем нечисти, расплывшейся в тоннелях метро, на заброшенных ветках, опустевших станциях, зараженных коллекторах и переходах. Он становился охотником – в этом выражались и его мужское начало добытчика (лишенное в наземном мире Егора всякого смысла), и мечта об избранности, культивируемая в фильмах для офисного планктона, вроде «Матрицы», «Властелина колец» или «Гарри Поттера».

Каждый день, спускаясь в метро и садясь в крайний вагон, Егор натягивал наушники с рвущимися из них «Prodigy» (это, верно, усиливало чувство непосредственной близости к преисподней), прикрывал глаза и... моментально превращался в сталкера, неутомимого борца с неведомым, покорителем постапокалиптического мира.

Вскоре вырисовался и главный враг сталкера – некий мерзкий тролль, или, как определил его сам Егор, – Метролль, появившийся в той главе, где поезд чуть не сошел с рельс. Кстати, в отличие от «Метро 2033», в мире Метролля поезда все еще ходили и прерывали свои поездки только во время военных действий, жесткого радиационного заражения или еще чего такого неприятного.

Задумка про Метролля была очень крутой. Во-первых, в его имени можно было прочитать и его сущность, и место его обитания. Во-вторых, первые две буквы можно было отнести к сокращению от «мерзкий». В-третьих, даже без всяких объяснений имя главного мутанта было звучным, запоминающимся, достойным. Метролль – это... как бы сказать... Это звучит гордо. Да, Метролль – это звучит гордо! И есть в этом имени что-то французское, благородное. И рифмуется со словом «пароль». Тайна в нем есть и одновременно разгадка, вот что. Егора даже подмывало изменить на всех сайтах свой ник с неуклюжего e-gor (эта визуально схожая с написанием его имени конструкция была аллюзией на тему гопника, лузгающего семки не на скамейке возле подъезда, а на пространствах всемирной сети, построенная по принципу слова e-mail) на MeTroll (в свою очередь это было аллюзией на тему Метролля и английского признания: «me, troll»). Но ограничился он лишь сменой пароля на почтовом ящике: вместо обычного набора букв и цифр там все же появился этот самый Метролль, охранявший теперь вход в его, Егора, виртуальный мир.

Это было весьма символично: Метролль и вправду стал паролем для входа в святая из святых – в мир подземного буйства фантазии Егора. Теперь Метролль стоял на страже всех разветвлений этого мира, как и пароль от почты, не пускал посторонних в хранилище личной информации и камня преткновения других воображаемых причинно-следственных связей нематериальной Вселенной Рыжикова.

Метролль представлялся Егору жабой-переростком, отчасти похожим на первого жениха Дюймовочки из советского мультфильма, отчасти на прошедшего апгрейд троглодита из «Heroes of Might and Magic III». Хотя... в мире Метролля было возможно многое, и его облик мог раз от раза меняться, то приобретая черты ужасно пострадавшего от радиации земляного червя с кибер-имплантатами, то становясь почти похожей на человека лягушкой со светящейся сиреневой кожей, облаченного в кибер-доспехи. Перемещался он на двух ногах, глаза его всегда выпучены, расширяя зону обозреваемого пространства. Это давало дополнительные преимущества в бою и при передвижении по полной опасностей подземке. Метролль, как и тролль настоящий, был слегка туповат (как и все былинные злодеи в понимании Голливудских сценаристов), но мог повышать уровень интеллекта, вживляя себе в мозг, например, специальные чипы, либо поедая ученых, забредших на подконтрольные ему станции.

Таковыми считались все остановки метро по синей линии до пересечения с красной, и все по красной, вплоть до той, на которой Егор выходил, идя на работу. Исключением были станции пересадок – главный оплот людей. Еще в одном из сюжетов Метроллем были захвачены две станции зеленой ветки (Егор проморгал тогда свою остановку, и пришлось сдать противнику еще два форпоста). А однажды пришлось мотать на другой конец города – во второй офис компании, и тогда сталкеры гнали зловредного Метролля по всей зеленой ветке на юго-восток. Правда, обошлось в тот раз без жертв, лишь у жителей нескольких станций тела покрылись бородавками и папилломами да частично разрушилась подземная часть Храма Седьмой Бесконечности. (Егор не развивал эту тему, но представлялось, что храм принадлежал метростроителям и служил им культовым религиозным сооружением). Но все это считалось мелочами и в расчет не бралось.

5

Но охотником Егор был только поначалу. Лишь во время самых первых вылазок в мир своих фантазий он радовался жизни сталкера-романтика, бесстрашного и справедливого Зверобоя постапокалиптического мира, удачливого и харизматичного Гарибальди метро.

Со временем Егор пришел к гениальному выводу – быть самим Метроллем куда интересней. В роли злодея он находил и большой простор для фантазии и действий, и большую отстраненность от реальности, отрицание не только мирской суеты, но и человеческой сущности. Можно сказать, полная независимость, смешанная с дикой необузданностью и вседозволенностью, на которые способны только бандиты Дикого Запада и олигархи на свободе.

Да, у охотника, у сталкера был огромный выбор оружия, артефактов, разных игровых умений и приючков. Но у Метролля – куда больше выбор миссий. У охотника цель одна – изловить, изничтожить нечисть, коварных исчадий метрополитена, волею судеб загнанных подальше от людей.

А у Метролля? О, тут миссии можно вбирать хоть каждый день новые! Можно было пускать под откос поезда, взрывать и захватывать станции, портить коммуникации, плести интриги, превращать в кошмар жизнь целого мегаполиса (а то и страны, континента, планеты!) Опять же, можно было забирать под свой

контроль сакральные порталы, портить пачками принцесс и простолюдинок, похищать глав государств, разведывать секретнейшие тайны и раскрывать таинственнейшие секреты сильных мира сего и при этом при всем, хочешь поштучно, а хочешь – массово, давить всяких там охотников и сталкеров. Последнее, кстати, Метролль не раз осуществлял. Так погибли и Миха Булава, и Тарас Жук. А самое главное, был жестоко ликвидирован бывший метростроитель, сотрудник внешней охраны метро Перс – наглый лгун, распространявший про Метролля всяческие небылицы, насаждавший искаженное, даже сатирическое представление о нем среди подземного населения. В этом плане он был опасней любого сталкера – его оружием была пропаганда, коварная дезинформация, вселяющая в сердца сопротивления веру в недалекость, слабость и немощность главного тирана метрополитена.

За подрывную деятельность Перс был предан жестоким пыткам и умерщвлен жутким и сообразным его оружию способом – сталкера привязали к последнему вагону метро и протаскивали на небольшой скорости по всем подвластным Метроллю станциям, наглядно объясняя всем, кто такой Метролль и что он может в этом мире. Почти мертвого Перса четвертовали и привинтили к ведущему вагону – и уже в таком виде еще раз прокатили по веткам.

Ко всему, Егор уже давно заметил, последняя категория в книжках про борьбу добра и зла проявляла себя каждый раз по-разному, да и вела она себя значительно ярче; авторы не скупались на детали, эпитеты, умения злодеев. А простачки, олицетворяющие добро, всегда шли напрямую, постоянно к одной и той же цели: уничтожить зло. Либо как вариант – обезвредить его «навечно», то есть пока ничего неподозревающий (а иногда и подозревающий) кретин по оплошности (а то и по злему умыслу) не вернет зло к дееспособности. Зло, как догадался Егор, оно всегда интересней! Одних только способов устроить всем Большой Кирдык насчитывалось около ста, и это только для двадцатого века. На год по одному, даже не особо напрягая извилины.

Так Егор Рыжиков переквалифицировался из добрых охотников в злую жертву, а став ею, сам начал охотиться и всячески пакостить его бывшим преследователям. Такой подход, как уже говорилось, позволял ему четче разграничивать себя и остальное общество, частью которого он все еще был и якобы во благо которого горбатился все оставшееся свободным от метро время. То есть всю свою оставшуюся жизнь, за исключением тех непродолжительных моментов, тех двадцати или около того минут, в течение которых он трясся в вагоне подземки, добираясь на опостылевшую работу, и еще столько же, возвращаясь в холодную съемную квартиру в сереньком спальном районе.

6

Воюя с упырями на «Петровке», изничтожая мутантов на «Лукьяновке», ведя переговоры с пришельцами на «Золотых Воротах» и на «Политехническом институте», Егор осознал открытие им чудомашины, пронзающей пространство и время, но знакомой, впрочем, каждому мальчишке, необделенному фантазией. Правда, в случае с Егором эта машина становилась необозримо большим, нежели игра разума юных выдумщиков, романтиков и мечтателей, воображающих полеты к дальним мирам и походы к неизвестным берегам.

Отличался он и от писателей, норовивших затянуть в омут своих фантазий как можно больше ни в чем неповинных читателей. Он обзавелся личной кроличьей норой, куда можно было последовать за белым кроликом в путь от себя... к себе.

«Но ведь многие делают это каждый день!» – можете возразить вы. Когда мечтают о даче, о повышении по службе, да и о фантастических мирах тоже... Многие даже имеют эту самую нору каждый раз, когда, как сказали бы буддисты, совокупляются с духами. И в определенном плане будете правы.

Егор даже допускал наличие прямо в этом же поезде, даже, пускай, в этом же самом вагоне, людей, в своих мирах сражавшихся за Духов Леса, под знаменами Галактической Конфедерации, во имя Мирового Червя. Испепеляющие негуманоидов-великанов, клонирующие детей, мчащиеся в своих пепелацах сквозь пространство и время. Были здесь, возможно, супергерои, новые Гитлеры и Нероны, Конфуции и Ганди... Егор даже допускал появление и в его подземном мире некоторых из «совагонников». Встречаются же соседи по лестничной площадке в браузерной онлайн-игре... Все могло быть!

Может, вон тот лысый очкарик, сидящий напротив, сейчас только делает вид, что мирно сопит над бесплатной газетой, а сам трансgressирует из Хогвардса в Косой Переулок и обратно или мутирует в боевого слизня, пытавшегося на прошлой неделе в мире Метролля вырваться на поверхность во время визита иностранного министра. А вот та дама, смешно накрашившаяся с похмелья, сейчас только для отвода глаз пляшется в рекламу вождя деленного айфона, а так-то проникла уже в секретную сеть Бастиона Кровавого Василиска и жадно, файл за файлом, всасывает библиотеку Магистра Зимних и Летних Солнцестояний...

Миры могли пересекаться, словно сны – вполне возможно. Кто знает, не придушил ли Егор вчера в лице коммунара-троцкиста своего ненавистного зануду-шефа? Вполне возможно, что и придушил. А позавчера? Не разложил ли он на кванты соседку-собачницу, неудачно пролезшую в мир Метролля через Западные Врата в виде наглого суккуба? Допускаем, что разложил. А кто бы не разложил, будь у него в подходящий момент в руках надежный расщепитель, собранный на основе старого АК-47? То-то же.

Наверное, осознание этого допущения и было основным отличием тайного мира Метролля от мальчишеских фантазий и от мечтаний отдельных взрослых. Возможность пересечения вымышленных миров наталкивала на важную, основополагающую мысль о существовании некоей общности для всех них, для всех этих хитросплетений выдумок разных людей. Ведь если существовало пересечение, должно было существовать и то место, где это пересечение происходило?! А раз оно существовало, то не исключена была возможность реального присутствия такой общности, такого места пересечения?!

Егор вспомнил, как в детстве, в одной чрезвычайно интересной книге с подробными иллюстрациями он видел изображение специальной конструкции, с помощью которой можно было наблюдать за подземной жизнью дождевых червей. С собой она представляла садок из двух квадратов стекла, вертикально, на расстоянии буквально в один сантиметр друг от друга, укрепленных на деревянных рейках. Между стеклами была зажата земля, и в этом грунте рыли свои тоннели несколько дождевых червей! Егор даже вспомнил слово, неразрывно связанное с этой иллюстрацией – юннаты. По ходу действия эти самые юннаты с помощью простейшего приспособления могли следить за ползающими в земле червями. Словно за рыбками в аквариуме. Перемещаясь, живность оставляла в почве линии, тоннели, червоточины, пересекающиеся в произвольном порядке. В итоге получался ассиметричный узор. Развитие его не поддавалось логике и действию стройных функций, но и без них рисунок выходил вполне самодостаточным и органичным. Такой узор можно было наблюдать и на куске коры, отвалившейся от дерева – там его выполняли личинки жуков – тоннели пересекались множество раз и исчезали, обрываясь на линии облома деревяшки.

Такой же узор можно было представить себе и на теле вымышленного мира, если, конечно, обладая недюжинной фантазией, увидеть его глазами юннат. И тогда, точно такую же, как грунт, единую и вполне реальную природу должна была иметь и общность воображаемых миров, одним из которых и был тоннель метро, ставший обиталищем Метролля. Они, эти тоннели, словно червоточины, пересекались множество раз в произвольном порядке, и иногда, вследствие случайного наложения, люди встречались с другими людьми. И пускай на тот момент они были и не людьми вовсе, а представляли, скажем, в виде орков. Или роботов-карателей.

Подтверждения своей теории Егор стал обнаруживать очень скоро. Все чаще в его тоннелях стали попадаться персонажи, не управляемые им, действующие не по разработанному сценарию, и даже не по правилам его импровизации, а по собственной, непознаваемой воле.

Поначалу Егора такие пересечения и самоуправства даже не встревожили: персонажей, особенно второстепенных (не говоря уже о массовке), разгуливало по тоннелям мира Метролля очень много. Это главные – они всегда на виду, их всех пересчитать можно, а вот храмовников, алхимиков, лидеров пришельцев, начальников станций, машинистов (игравших, кстати, не последнюю роль в общем действии), ментов и прочих мутантов гуляло здесь около сотни, а то и две. Попробуй за всеми уследи, для каждого историю припомни, в сюжетную линиюстрой.

Но вот один из продажных паладинов, вопреки желанию Егора и здравому смыслу, в ходе рейда сталкером на Вторую Южную Башню пропустил их и даже содействовал им. Будто никакого тайного сговора с Метроллем и не было, будто не скрепляли они своей дружбы, будто не было той знаменательной встречи на платформе «Выдубичей»...

Демарш палладина спутал все планы тирана, а последствия Егору пришлось распутывать еще недели две. Пока восстановили контроль над разоренными станциями (сталкеры дошли до «Дружбы Народов», пытались и дальше, но не вышло – там их встретили эти самые «дружные народы» метро), пока изловили палладина, да пока сделали из него фильтр для особых частиц, излучаемых подвыпившими пассажирами метро, да пока нашли нового диверсанта...

– Не беда, – говорил тогда Егор сам себе. – Может, это я сам, подсознательно, разыграл карту с палладином...

– Ничего, – отмахивался он. – Зато как сюжет развился!

Правда, отразился тот случай в метро и на другой жизни Егора. На наземной. Сорвали они тогда крупный контракт – чего-то недосмотрел он и погорел весь отдел. Ошибка вылезла уже на переговорах,

и Рыжиков со своей командой попал в немилость руководства, да еще и премии был лишен. Связи одного промаха с другим Егор в тот раз не заметил. Да и виноват в истории с договором, по правде, был не он, а Тимур. А в метро опять же не он, а паладин. Так что...

А вот по-настоящему серьезные последствия вызвал уже следующий эпизод. Сталкеры из партии «Зеленых» – это те, кто всю зеленую линию хотел освободить – решили провести стремительную прямую атаку на самого Метролля.

7

Атаковать люди задумали по трем направлениям одновременно: на «Крещатик» и сопредельный «Майдан» напасть с неподвластной Метроллю красной линии, а на станцию «Площадь Льва Толстого» – сразу с двух веток: синей и зеленой.

Новым информатором тирана стала некая лоточница из перехода на «Выдубичах», женщина, очень похожая на Надежду Крупскую, какой ее в очередном безумном фильме про дружбу коммунистов и демонов увидел Егор. Было в ней еще что-то от приснопамятных представителей той самой «Современной русской прозы»... Материлась она много, вот что.

Итак, по сведениям новой перебежчицы, наступление должно было начаться ровно в ноль часов двадцать пять минут, с закрытием перехода со станции «Льва Толстого» на станцию «Дворец Спорта». Якобы никакого закрытия не будет, а будет только стремительная атака сталкеров и их приспешников. До места назначения враги планировали добраться по прямой, с одной из своих баз на синей ветке, и даже, для скорости, могли решиться на марш-бросок по поверхности. В это время с юга, через якобы закрытый переход пробирался вспомогательный отряд бездушных киборгов, отвлекая на себя основной огонь. Тем временем, воспользовавшись суматохой, часть сталкеров, под прикрытием машин, думала проникнуть в тоннель и рвануть к «Майдану».

Вот тут-то, если все рассказанное агентом «Крупской» было правдой, срабатывало наступление по красной ветке: станция падет под натиском каких-то неведомых «матросов» с «Днепра». Они, говорят, водились с русалками, что вечно крутились возле станции, носившей имя великой реки. Так вот, от «Днепра» через «Арсенальную» и напрямик – на «Крещатик». Встретиться оба наступающих отряда должны были на «Майдане», и тут должны были пройти самые кровопролитные бои.

Главная же задумка людей заключалась в дальнейшем продвижении, оставив за спиной основные войска, небольшой группы сталкеров на север по Куренёвско-Красноармейской линии прямо к станции «Героев Днепра» – логову Метролля.

Оборона, спланированная лично Метроллем, будет проходить следующим образом. Подход по красной ветке вспомогательного отряда днепровских «матросов» должны блокировать «Изгнанники Сириуса», которым он благодушно позволял пока жить на «Золотых Воротах» и разрешал пользоваться несколькими выходами на поверхность. Кстати, остальные пришельцы ютились на конечных станциях – исключением были мелкие гуманоиды из системы Ипсилона Индейца, обосновавшиеся на «Политехническом» и изгнанные из родной системы Сириуса «головастики».

Основным отрядом сталкеров займутся слизни – его личная элитная пехота, прошедшая подготовку у лучших воинов подземелья – гномов (любовь к ним осталась у Егора еще с периода фэнтези). Им же доверено встретить киборгов – с машинами они справятся быстро, без особого труда.

Задача Тайного Советника, мага Тамерлана (намек на своего коллегу Егор не скрывал), заключалась в перехвате Пси-Кристаллов, находившихся у Трех Волхвов – старых, опытных сталкеров, обретших некоторые сверхспособности в результате жесткого облучения.

Кристаллы, которые люди использовали для улавливания и нейтрализации опасных для людей эманий Пятого Трансформатора, необходимо было не просто захватить, но сразу же и уничтожить, а затем врубить трансформатор на всю мощь и тогда... что будет тогда, Егор еще не решил. Но такие моменты лучше всего было пускать на самотек, полностью отдаваясь импровизации – именно тогда раскрывалась во всем своем многообразии сила и красота мира Метролля.

Кроме того, если сталкеры прорвутся и через заслон из слизней на «Льва Толстого», и через оборону сириусян на «Майдане», – мало кому из них удастся дойти до следующей станции по синей ветке в направлении «Героев Днепра»: Метроль лично проверил готовность всех ловушек в перегоне, ведущем к «Петровке» (для этого он, без оглядки на всяких там защитников животных, использовал крыс-мутантов).

Сорвать наглую вылазку сталкеров для тирана – дело чести. Но вышло все не совсем так. Вернее, совсем не так. Не все гладко прошло и у людей, но отвратней всего, плачевно складывались дела у нечи-

сти. В назначенное время сталкеры, как и планировали, помчались по синей линии к «Толстому». Но там, прямо у платформы, слизням удалось подорвать целый состав – ерунда, что при этом половина самих диверсантов разлетелась по вестибюлю лепешками белесой жижи, главное – атака на время заглохла. Но людей яркая встреча не остановила, и вот почему.

Следующее действие должно было развернуться на «Дворце Спорта». Там боевые машины встречала значительная часть сил слизней, но никаких киборгов не было и в помине – прямо с «Кловской» они рванули через служебную соединительную ветвь на красную линию – к «Крещатику». Зато к платформе прибыло множество дрезин с установленными на них распылителями. Слизней пришествие установок озадачило, но размышлять над увиденным им долго не пришлось: машины стали распылять мелкую поваренную соль, и уже через несколько минут элитную армию разъело, и она растеклась по станции несъедобной липкой кашей. Взвесь быстро разлетелась по воздуху, долетая даже до «Площади Толстого». Бесформенные полужидкие кучки, еще недавно бывшие боевыми слизнями, растянулись по всему переходу. Выжившие воины были полностью деморализованы, и рота сталкеров, оклемавшись от огненной диверсии на «Площади», рванула дальше. Подобного поворота событий Метролль не ожидал.

Ситуация на «Крещатике» тоже складывалась не из лучших: никаких «матросов» там не наблюдалось, зато, вырвавшись из служебной соединительной ветви, атаковали киборги. Неожиданный удар механических бойцов заставил «Изгнанников Сириуса» отступать на «Майдан», а потом совершить совсем уж непоправимый поступок – отойти для перегруппировки в перегон, ведущий к «Петровке»... А там их, как давеча крыс, уже ждали чудесные, разнообразные, чавкающие кислотными жвалами и лязгающие титановыми резцами ловушки. Что там творилось – лучше себе не представлять.

Уже к часу ночи бои стихли. Самое ужасное оставалось неизвестно, куда все-таки подевались Волхвы. Впрочем, Метролль не унывал – интересные сюжетные повороты забавляли его. Ни слизней, ни пришельцев жаль не было – этого сброда в метро навалом, можно разбрасывать горстями, как семена по пахоте. Главной интриги он ждал от действий Тайного Советника. Вот сейчас, сейчас, – казалось тирану, – в ставку ворвется победоносный Тамерлан и констатирует в своей манере: «Враг пал, потому что не пасть не мог, Егор!» Но и тут произошел сбой матрицы – Советник так и не появился, зато добравшийся до депо раненый перебежчик-машинист донес: Волхвы уже на расстоянии в четыре перегона от логова! Эта новость раздалась как гром среди ясного неба. Так близко? Как они там оказались? «Майдан» – ладно, могли и пройти. Но тоннель с ловушками? Да и черт с ним, с тоннелем, Волхвы – опытные сталкеры... но куда делись «Почтовая» и «Контрактная»? Что за бред? И куда смотрел Тамерлан? Может, и он оплошал? И хоть такое развитие событий было невозможным, немислимым, – правда оказалась еще невозможней.

– Владыка, – это Метролль с недавнего времени так велел себя величать, – Владыка, они... прошли по оранжевой ветке...

Машинист уже не говорил, а хрипел, с трудом выдавливая из себя слова.

– По оранжевой... ветке... от «Лукьяновки» и до самой станции «Тараса Шевченко»...

– Какая еще оранжевая ветка? – взревел Метролль. – Она существует лишь на бумаге! Вы что, сговорились?! Признавайся!

Он затряс вестника, тот стал мотаться как пустой мешок. Он был уже мертв, и его истекшее кровью тело тиран с лютой ненавистью отбросил от себя. Теперь машинист тихо лежал на холодных путях, напоминая бегуна из Марафона, чье сердце не вынесло дистанции всего в тридцать четыре с половиной километра.

Метролль был вне себя от ярости. До логова оставалось всего ничего – четыре станции. Они обошли его... Обошли... По оранжевому пунктиру, с юго-запада на северо-восток пересекающему город, кто-то смело провел сплошную линию. Была, была такая... проектируемая Подольско-Вигуровская линия. Но Егор был уверен, что существует она только на словах, в обещаниях, в пустой болтовне чиновников. По ней нельзя проехать или, пускай, даже пройти. А поди ж ты, вот она – сталкеры каким-то чудом пробрались на нее, обошли по ней места самых ожесточенных боев, обошли ловушки в тоннелях, миновали еще две более или менее укрепленных станции и вышли почти у самого носа Метролля.

Об оранжевой (на некоторых схемах – коричневой) ветке он не знал ровным счетом ничего: кто там обитал, какие твари расплодились на ее станциях, поддерживали ли они сталкеров или тем пришлось уничтожить всех ее жителей с одной только целью – пробраться в логово Метролля любой ценой? Ничего не знал и ни в чем не был уверен и сам Егор, он только почувствовал озноб, а в голове пронеслась мысль: Волхвы уже рядом, теперь они используют Пси-кристаллы не как защиту, а как самостоятельные

излучатели. Волны, исходящие от них, проникали в мозг Метролля... Его трясло. Сильней, сильней... пока не рвануло с места. Вагон замер. Свет на секунду погас и вновь загорелся. Состав продолжил движение. Егор открыл глаза и увидел привычную обстановку вагона метро. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Уже к вечеру температура поднялась почти до сорока, его непрерывно тошнило. Урон, нанесенный в мире Метролля, не прошел даром и для наземного существования Егора: почти на две недели он свалился в кровать и из дому не выходил.

8

Егор пробовал войти в свой мир и из съемной квартиры, не выезжая на работу, но это ему никак не удавалось. Он мог увидеть Метролля, мог рассмотреть тоннели, станции, крадущихся во тьме загнанных мутантов, сталкеров, хозяйничавших на захваченных станциях, мог наблюдать за восстановлением зараженных перегонов. Но все это было похоже на работу с сайтом, пароль от которого ты никак не можешь ввести: нельзя попасть на страницу администратора, тебе приходится довольствоваться лишь созерцанием внешнего интерфейса портала, но к управлению им доступ тебе заказан. Все так же работают ссылки на все странички, так же открываются для просмотра фотографии, меняются динамические рекламки, улыбаются или плачут на фотографиях обитатели дивного мира, но реальное воздействие ты оказать на происходящее не в силах.

От скуки Егор решил на время болезни вернуться к книгам. Первым ему под руку попался труд Кастанеды. В нем он беседовал с неким безумным Доном Хуаном о возможности управлять сновидениями. Идея показалась ему интересной, но в какой-то мере уже им охваченной. Да и с художественной точки зрения произведение оказалось лишь самоцелью: прочитать Кастанеду стоило лишь ради мимолетного упоминания о замечательном факте во время обеденного перерыва. Сделать это следовало ненавязчиво, например, так:

– Да-да, знаешь, как у Кастанеды... – Далее вкручивалась любая фраза из его произведения, например, такая: «Неживые существа не могут никого заставить остаться у себя... Жизнь в их мире – добровольное дело». Virtuозы такого интеллектуального снобизма ухитрялись вставлять вообще любую фразу, хоть из Кастанеды, хоть из Джоанны Роулинг.

В ответ на такой пассаж Тимур либо кто-то другой офисный сотрудник, вне зависимости от того, читал он Кастанеду или нет, обязан участливо покивать головой и обронить что-то вроде:

– Да-да, добровольное дело... Знаешь, мне Кастанеда как-то не очень... Вот Борхес... – И далее по тому же сценарию. Таков уж современный этикет интеллектуальных снобов.

Словом, не подружившись с Кастанедой, Егор попробовал прочесть Достоевского. Он помнил, как некто из его приятелей констатировал – Федора Михайловича очень хорошо читать, именно пребывая в болезненном состоянии. В любом другом случае на его фолианты попросту жалко тратить время. Впрочем, стоит отдать должное русскому классику, его герои вызывали у читателя нехилый разрыв шаблона. В особенности женщины. Они у него получались настолько стервозными и гадкими, что хотелось схватить их за волосы и ударить пару раз головой о ступеньку. Но выходка сия была невозможна. Они тянули все нервы из мужиков, сталкивали их лбами, доводили до сумасшествия, до тюрьмы, до самогубства... все как в жизни. Егор прямо измаялся весь – еще больше разболелась голова, и он выкинул Достоевского в мусорку. Пускай это дворники читают. У дворников нервы, должно быть, железные.

На третью попытку пришелся Курт Воннегут. Этот кучерявый гений обладал особым талантом все превращать в конец света. Все закончится плохо, говорил нам писатель. «Хуже уже быть не может!» – кричали ему критики. «Может, может», – оптимистично парировал Курт. И плавники вместо рук, и лед вместо мирового океана. Одним словом – колыбель для кошки, из которой человечеству уже никогда не выбраться. Разве что разорвать ее к чертям тысячью миллионов ядерных бомб. Милый Курт не способствовал выздоровлению и вслед за Кастанедой и Достоевским был отвергнут.

Плунув на литературу, Егор долго и неподвижно лежал на кровати, прикрыв глаза. Перед ним проносились желтые круги, словно в темноте тоннеля метался свет от сталкерского фонаря.

9

Проболев с неделю-другую, Егор вновь погрузился в мир Метролля. Озадаченно оглядывая потраченные свои владения, он с ужасом понял: ему не принадлежит теперь и половина прежних территорий, остались лишь скудные объедки бывшей некогда Великой Империи. Многие из подконтрольных тирану станций люди, если и не захватывали, то разорили, варварски загадили платформы и вестибули. Раста-

скали артефакты, растащили все, что хоть как-то можно было применить в хозяйстве, продать или обменять на водку, патроны и еду. А на перегоне от «Майдана» к «Крещатику» – уму непостижимо – сталкеры разобрали рельсы! Они тут больно-то и нужны были, но это ж люди и не для дела сняли, а поглумились так. И над кем? Над Метроллем!

Там, где не погуляли сталкеры, хозяйничали аборигены метро – где слизни, где пришельцы пучеглазые... повсюду гнездилась непуганая разномастная нечисть. Оно-то и хорошо, плодитесь, в общем, и размножайтесь, как сказано, но твари эти тоже были не прочь нагадить, утащить, повандалить.

По его законам продолжали жить немногие станции красной ветки – там в основном ютились пришельцы, но добраться до них теперь стало делом непростым – только по резервным и служебным переходам, по коллекторам и по поверхности: выходя ночью и проползая по страшному, полному своих, наземных опасностей городу.

На работе образовался застой, скопилось много нерешенных проблем. Тимура перевели в другой офис, вместо него появилась некая молодая особа, мечтающая о месте начальника отдела. В общем и целом, ситуация была швах. От всего этого Егору стало грустно в мире надземном и скучно в мире вымышленном. Навалилась хандра, все еще давало о себе знать болезненное недомогание, а тут еще и осенний сплин. И вдруг Егору так стало жалко себя и обидно за свое положение в обоих мирах, и таким несчастным глядел он на себя в единственном, да еще и треснувшем зеркале на съемной квартире, что пришлось прибегнуть к проверенному, но опасному своими побочными действиями средству.

В таких ситуациях Егору, как любому славянскому мужику, помогал алкоголь.

О, алкоголь в мире Метролля был страшным артефактом, оружием, магией и философским камнем в одном пол-литровом флаконе. Запрещенный, он все же раз или два в неделю, ближе к уикенду или вечером в понедельник, проникал в подземелье. И тогда там начинался Содом и Гоморра. До или после Кары Небесной – решал сам Егор.

Иногда, словно по Библии, проливалась неведомым под землей дождем на головы грешных обитателей метро сера. И неугодные выжигались огнем. И ужас наполнял перегоны. И страх вселялся в сердца падших. Страшен и велик был в такие моменты беспощадный тиран! Не забывал он и о понравившейся ему идеи с солью: и вырастали на станциях соляные столпы вместо слизней и всех, кто попадался под горячую руку Метролля.

Бывало, и «познавали» друг дружку подземные содомиты, ровно как содомиты библейские. И так познавали, и эдак. Куда ж без познания-то? Знание – сила. И увидел Егор, что это хорошо.

В такие моменты он не сильно заботился о сюжетных линиях, героях и причинно-следственных связях. В мир, созданный им, врывались мифические титаны и полубоги, забредали проститутки и карточные шулеры, проникали немецкие штандартенфюреры и тибетские ламы.

Однажды, напившись водки в дешевой забегаловке, Егор проник по дороге домой в свой подземный мир и укрепился у себя в бункере на «Героев Днепра». Он уселся на трон и стал размышлять о своем месте в жизни и о месте Метролля в метро.

В голову лезли всякие темные мысли. Он ощущал, что «исписался», повествование зашло в тупик, двигаться дальше некуда. Его эпопее необходим был неожиданный поворот, взрыв, интрига. Возможно, новый герой. Да! Чацкий. Хлестаков. Онегин. Чичиков! Тот, кто приедет, прискачет, приползет на брюхе. В двуколке (Егору всегда думалось, что этим словом хорошо назвать оружие ниндзя – что-то вроде вилки, которой можно заколоть сразу двоих врагов) или на тройке вороных! И вокруг него закрутилось бы все. Проснулись разомлевшие персонажи, ожили мертвые души, забегали добчинские и бобчинские, очнулись от вековой дремоты все, в том числе и сам Метролль. Нужен был катализатор, вот что. Усилитель чувств. И трагедия, как у Шекспира! Отвага, как у Дюма! Интрига, как у Дойля! Но и мистично, как по Булгакову! Озарено, как у Тургенева...

Мысленно он уже разрабатывал большую экспедицию на оранжевую ветку. Планировал поход и исследование новых линий, станций и коммуникаций. Надо было действовать, действовать, действовать!

Вдруг в темной арке коллектора мелькнула чья-то тень. Метролль заметил ее краем выпученного глаза. Движение замерло, но тиран понял, что оно повторится, и отвязаться теперь от него невозможно. Там, в проходе, стоял некто, пришедший к нему и совсем не намеривающийся уходить. Хозяин логова попробовал вновь оживить в голове мысль о новом литературном повороте в своей жизни и даже опять пробежался по составу своей армии, оценивая свои шансы на удачную интервенцию, но тут тень прояснила себя:

– Хорошо тут у тебя, – произнес незнакомый голос, акцентировав последние слова.

– Кто здесь? – властно спросил Метролль, осознавая, что голос говорившего ему незнаком, а сам ходок совершенно неподвластен его воле, как были неподвластны ей действия перебежчика-паладина, как история с обходом по оранжевой линии, как непознанные по сей день «матросы» с Днепра. Разглядеть незнакомца не представлялось возможным: обращавшийся стоял в темноте, за границей тусклого света аварийных ламп.

– Хороший вопрос. Я бы мог задать его и тебе. Кто здесь?

Метролль сжал веки и помотал головой: открыть глаза, оказавшись Егором, сидящим в светлом вагоне метро, не получилось. Тиран опять увидел полумрак коллектора, низкий потолок, входную арку, провода и трубы вдоль стен, рыжеватую плесень на стенах... Он еще и еще раз зажмурился, протирал глаза – но тщетно. Связь с Егором была потеряна. Тот то ли заснул, перебрав алкоголя, то ли забыл про него... Черт возьми! Как же он мог забыть? Ведь это и был он! Он – Егор! Или он...

– Так кто здесь? – переспросил неизвестный.

Вот на что намекал явившийся сюда незнакомец... Кем он был теперь? Егором, временно притворяющимся подземным владыкой, или Метроллем, пытающимся притвориться Егором? Или теперь уже навсегда мерзкой сиреновой жабой-переростком в кибер-доспехах?

10

Метролль заерзал на массивном троне, выполненном из фрагментов колон со станции «Золотые ворота», и напряженно впялился в темноту арки. Пришедший отмалчивался.

– Кто ты и как ты сюда пробрался?

– Я-то... обходчик. Если полностью, – обходчик Пути и искусственных сооружений.

– Кто-о? – недоверчиво, с издевкой протянула жаба-мутант.

Тут из мрака вышел невысокий мужичок в униформе служащего метро. Был он средних лет и уже лысеющий. На поясе висела небольшая сумка-пристязной карман, какие носили менялы и торговцы на рынках, в руках – странный молоток. Он весело улыбнулся, при этом морщины углубились на его лице.

– Кто-кто... Обходчик метро! Есть, например, вахтеры – они решают, кого пропустить в метро, а кого нет. Тебя вот, пропустили, думали – ты нормальный. Поиграешь тут в войнушку и все. Не ожидали, конечно, от тебя такого скотства... Диктатуру метролитариата развел, водку, вон, протащил, – он поморщился и демонстративно помахал перед носом ладонью. А есть обходчики. Иногда, знаешь ли, необходимо осматривать тоннели, рельсы. А то всякое бывает... Путь, знаешь ли, он не всегда прямой и чистый. Знаешь такое – Путь? Дао? – Метролль промышчал невнятное. – Ну вот. А все вокруг, – он покивал в разные стороны, – это же ты искусственно соорудил? Искусственно. Следовательно, – искусственное сооружение. И вот я, значит, его, сооружения, обходчик.

Метролль фыркнул и демонстративно отвернулся. Подперев голову лапой, он насмешливо спросил:

– И много вас тут? Обходчиков?

– Нет, совсем немного. Я и напарник мой. Выходит, двое. Помнишь, как у Тютчева:

Два демона ему служили,

Две силы чудно в нем слились:

В его главе – орлы парили,

В его груди – змии вились...

– Еще из персонала есть машинисты, а есть – метростроевцы. С одним ты даже был знаком. «Перс» – не забыл такого?

Метролль вспомнил свою чудовищную выходку со сталкером, адский состав, медленно проползавший мимо платформ, ужас на лицах людей и невольное поморщился. Обходчик заметил гримасу неприязни на жабьей морде и сокрушенно покачал головой:

– Ты даже имя его толком не расслышал – ведь он вовсе никакой не Перс, а Перст. «Перст указующий» – слышал про такое? Тут вот в чем штука... метростроевцы, они, понимаешь, не просто так сами метро строят... над ними архитектор есть. «Матрицу» смотрел? Там был один такой. А еще архитектором масоны называют Верховное Существо. Яхве или Иегову. Адоная, Саваофа... Вишну, Кунджед Гьялло, Ар-Рахима, Аль-Мукаддима. Кому кто милей. Отче Нашего, Харе Кришну, Харе Раму. Одним словом, Великий Архитектор Вселенной. Он планирует и принимает решения. А они лишь строят и переделывают, если надо. Демиурги, в общем. Они указывают на творения архитектора.

– На что же он указал, этот ваш Перст? – с желчью в голосе спросил Метролль.

– Например, на тебя, – спокойно парировал обходчик.

– На меня? Каким же это образом?

– Помнишь, когда он первый раз появился в твоём мире? Тогда ты ещё был сталкером. Именно Перст указал на причину остановки поезда между «Майданом» и «Почтовой». Он не успел рассказать все до конца и даже имени твоего не назвал, но указал на причину остановки состава: его тормознули именно из-за «неведомой твари», вбежавшей прямо перед поездом из бокового тоннеля. Это и был Метролль, то есть это и был ты.

– Как же он мог указать мне на меня, если я тогда был сталкером, а вовсе не Метроллем?

– Он указал на твоё появление в подземном мире. Сиречь, на тебя.

– Ничего не понимаю. Если он указывает на деяния Бога, то, значит, Метролля, то есть меня, создал Бог? Архитектор этот ваш?

– Правильно.

– Но Метролля создал я! – он осекся и поправил сам себя. – То есть Егор, но тут разницы нет!

– В твоём Мире Метро ты – и есть Бог. Ведь так, по крайней мере, считал ты?

– Подожди. Значит, я создал себя и послал некоего Перса, то есть некий Перст указал мне на меня?

– Получается так.

– Тебе не кажется, что это сильно смахивает на сюжет первого «Терминатора»?

– Все сюжеты напоминают лишь один. Тот, где Бог сам себе указывает на самого себя.

Метролль немного помолчал. Он думал о том, какое место в этой стройной теории занимает он сам и причем здесь обходчик. В голове роилось множество вопросов, надо было задать, как казалось, самый главный:

– Так кто он, Бог? – спросил Метролль и тут же понял, что это – в общем-то, не главный, а такой вопрос, на который он если и получит ответ, то все равно ответ этот ничего не объяснит, а лишь запутает и уведет в такие дали, откуда будет уже совершенно невозможно выбраться.

– О-о! – затянул обходчик. – Это вопрос на миллион. Не надо, не надо только рассчитывать, что есть какой-то универсальный ответчик. Как это многие думают, что после смерти им сразу раскроют все тайны мироздания. Типа, ответят на «Главный вопрос жизни, Вселенной и всего такого». Так не бывает. Так быть не может.

Метролль пребывал в замешательстве. Он зажмурился и ещё раз попробовал выйти из Вселенной Метро, решив, что это глупый сон, пьяный бред... «Виновата водка за три пятьдесят за стакан... все она», – пришел к выводу мутант.

– Хорошо, я скажу так, – продолжил любитель творчества Тютчева. – Каждый творит свою Вселенную по своему усмотрению и по мере своих сил. Вот тебяхватило лишь на это, – обходчик обвел свободной рукой коллектор, – и на то, до чего ты это все довел. Впрочем, кто-то довольствуется каирским метрополитеном – в две ветки. Кто-то – и хельсинкскому, в одну, рад. Три ветки метро – не так уж плохо. Возможно, когда-нибудь ты дорастешь до московского метрополитена, а может, и до лондонского, и до шанхайского! А теперь представь, каким должен быть тот, кто воображает себе все метрополитены мира, весь этот мир и бесконечную Вселенную, где все это и происходит. Вот он, наверно, и будет Бог. Тот, чьим именем так любят спекулировать ваши попы в церквях. Чьим именем прикрываются профессиональные нищие и сектанты...

– Хватит, – устало проговорил Метролль, – хватит. Бог, Дао, Путь... Три ветки метро. Ты мне ещё про Четыре Благородные Истины расскажи. Объясни мне, – уже умоляюще прошептал он, – раз уж пришел, почему я не могу стать Егором прямо сейчас? Почему?

– А, так тут все просто. Понимаешь, во время обхода Пути я отключаю питание контактного рельса. Нельзя обходить с включенным питанием – высокое напряжение. Контакта сейчас нет, вот и все дела.

Метролль воспрял духом:

– Когда же ты его... включишь? Что сейчас с Егором?

– Послушай, какая тебе разница, что с ним? Ну что с Егором вообще может случиться? Растолкают на конечной, и поедет себе домой отсыпаться. Вот и все дела. По-моему, сейчас важнее, особенно для тебя самого, – что с тобой самим?

Вот ты размышлял, выбирал чтиво по нраву... И все тебе было не подходящим. А ты читал, скажем, «Махабхарату»? Отличная фантастическая реальность, не в пример твоей. А «Книгу Небесной Короны»?

«Синюю летопись»? Может, «Тибетские анналы» или «Свитки Мёртвого моря»? Или, раз уж ты выбрал именно этот город, пускай, его подземную часть – это дело не меняет – так уж ознакомился бы с «Киевским Синописом». Читал ли ты «Утерянные кодексы»?

– Как же их можно прочитать, – удивился Метролль, – если они утерянные? Что за чушь...

– Ну... это просто метафора. Вот, например, Запретный город в Пекине – он же никакой не запретный. Называется только так: Запретный, а на самом деле его ежедневно посещают тысячи туристов. Так и всевозможные тайные знания прошлого – сейчас они стали достоянием слишком многих, отчего потеряли не только свою тайность, но и величественность. Зато приобрели популярность. Буддийскими свитками торгуют на базаре, словно картошкой. Письменами египетских мудрецов подпирают фото в рамках, причём расставляют их по феншую!

– Ты меня абсолютно запутал... Какие еще письмена? Какие Синописы? Какой феншуй?!

– А такой! Если бы ты хоть одним глазком ознакомился с этими рукописями временных лет, то знал бы природу этих тоннелей. Знал бы, что здесь можно, а что категорически, под страхом анафемы, запрещается!

– Что же мне делать? – закричал Метролль, отчаявшийся получить хоть какой-то вразумительный ответ.

– Знаешь, я вижу, тут моя помощь не нужна. Я и так заболтался с тобой. Пойду дальше, мне еще много перегонов проверить надо. А тебе я уже все сказал: думай о себе.

И обходчик, отступив всего на один шаг назад, опять исчез во тьме. Метролль прокрутил в голове фразу: «Думай о себе, думай о себе».

– Что ж получается, – стал он размышлять вслух, – думать о себе... А что я думал? На оранжевую ветку наступать надо, вот что!

Тут он спохватился и закричал вслед обходчику:

– Оранжевая ветка! Что там, на оранжевой ветке?! Что там?!

Тиран вскочил с трона и подбежал к арке. Тут, прямо из тьмы, опять материализовался обходчик. Метролль даже отскочил назад от неожиданности, но вмиг собрался и повторил:

– Что такое оранжевая ветка? Отвечай!

– Кхм... Я тут вот, забыл, – вместо ответа мужичок протянул Владыке сложенный вчетверо лист бумаги. – Передали тебе.

Тиран схватил листок, быстро развернул его и прочел: «Иногда сюжетные линии параллельны. Но, бывает, они, словно червоточины, пересекаются, Егор!»

Строка была подчеркнута уверенной, широкой линией. Яркой, оранжевой линией.

Он растерянно опустил бумагу и поглядел во мрак за аркой. Мужичка уже не было ни в проходе, ни за ним. Тянувшийся вдаль тоннель был абсолютно пуст.

11

«Думай о себе» – эту фразу Метролль повторял последнее время часто, но ни к какому просветлению мысленный процесс не приводил. Тянулись унылые подземные дни, в рядах армии тирана процветали дезертирство, наркомания и неуставные отношения. Зато все креп союз пришельцев, названный ими в лучших традициях фантастики «Галактическая Республика». Инопланетные черти не желали более таиться в углах метрополитена, они считали себя выше, нежели всякие слизи и мутанты, умнее, чем люди, и могущественней троллей, гномов и даже Волхвов. Росли расизм и ультраправые настроения, доходило до преступлений закона, но Метролль лишь отмахивался от политической и социальной неразберихи. Он, по завету обходчика, думал только о себе.

Сталкеры же теперь во всем метрополитене чувствовали себя как дома. Пока разве многочисленные слизи могли их отпугивать от семи станций на синей ветке да «Республика» гоняла мародеров с красной. По зеленой же линии частично восстановили хождение поездов, открылись две новые станции. Служебная линия с «Кловской» на «Крещатик» стала основной, ей пользовались в торговых целях. Между тремя центральными переходами образовалась и росла день ото дня Промышленная Палата. Говорят, она имела прямые выходы к наземным финансовым зданиям, а вниз, этажей на двадцать, купцы в союзе со сталкерами задумали «субподземный» Торгово-развлекательный центр. Это, конечно, не лезло уже ни в какие ворота, будь они хоть «Золотые», но Метролль продолжал свои трансцендентальные медитации, вновь и вновь оживляя мантру «Думай о себе».

Как-то, не замечая происходящего вокруг, погрузившись в свои раздумья, бывший тиран забрел на

платформу станции «Тарас Шевченко». В растерянности мутант осмотрел пустынный зал и направился в сторону лестницы, ведущей на поверхность. Задраенные, впрочем, герметические ворота не стали неожиданностью – их закрывали часто, а в нынешнем осадном положении северной части Куренёвско-Красноармейской линии можно было считать это обыденностью. Глухая стена ограждала мир Метролля от всего остального мира, в особенности от мира людей. Но не к этому ли он стремился? «Отстраненность, отрицание человеческой сущности... – горько размышлял мутант-отшельник. – Каков, а? Отрицание человеческой сущности и мира людей! Подавись теперь этим отрицанием! Подавись отстраненностью – теперь ее у тебя хоть отбавляй. Можешь с кем хочешь поделиться... Только с кем?»

Неожиданно среди прочего мусора, заполняющего углы станции, широкоугольный взор Метролля определил обрывок пожелтой театральной афиши. На ней большими белыми буквами значилось: «Михаил Булгаков. МХТ им. А.П. Чехова. Белая гвардия». Еще там были имена художественного руководителя театра и режиссера, а также отражена продолжительность пьесы: семь картин в двух частях. Рядом с буквами МХТ пикировала белая чайка, молнией разрезающая четыре волнистые линии. На переднем плане, оборванный на половине, красовался молодой артист аристократической внешности. Такой мог сыграть и Турбина, и адмирала Колчака, и самого Римского императора. «Белая гвардия, – ухмыльнулся Метролль, – это про армию белесых слизней, наверно».

И тут этот клочок бумаги натолкнул его, потерянного и обескураженного, забытого и заплутавшего, на простую, но спасительную, как он решил, мысль. Если Булгаков мог включить в свой роман «Белая гвардия» отрывки из собственного мира, то почему он, Метролль, не может включить в свое произведение мозаику того мира, из отрывков той жизни? И если получилось у него тогдашнего сотворить целую Вселенную, заключенную, правда, всего в три ветки метро, то почему не выйдет у него теперешнего?

Идея казалась беспрюграмной. Он тотчас же представил себе яркий свет в вагоне метро, наполненном обычными людьми. С папилломами, бородавками на шее, перхотью и варикозным расширением вен на натруженных за день ногах и воспаленными до крови деснами. Сидящих, стоящих, висящих на поручнях, толкающихся, спешащих к выходу, на пересадку, топчущихся в очереди к кассам или турникетам, мечтающих о безлимитном Интернете, загородном доме, муже, айфоне, читающих фантастику и фэнтези, детективы и мелодрамы, донцовых и перумовых, Хемингуэя, Набокова и Платонова, погруженных в газеты, журналы, беллетристику на все вкусы, вспоминающих о долге соседу, брату, снохе, банку, Родине, в конце концов, переживающих о забытом утюге, чайнике, дне рождения жены, о расстрепанной прическе, колготках, пустивших стрелку, пятне на брюках, пересказывающих друг другу пошлый анекдот, сплетню, криминальные сводки, утренние новости и прогноз погоды, обменивающихся мнениями по поводу нового сотрудника, любовника или любовницы, стервозности жены, парикмахерши, ведущей телеканала, тянущих за ручку малышей, полных своих забот и тревог, тискающих котят, песиков, хамелеонов и хорьков, терпящих до ближайшего общественного клозета, вслушивающихся в хэви-метал в наушниках, пританцовывающие под хаус, брейк-бит, транс и лезгинку, помышляющих о покупке новой сковороды, скейтборда, набора для бритвы, отзывающихся недобрым словом о ремонтной бригаде, проститутке, таксисте, сокурснике, пребывающих под кайфом, в забытьи и полной прострации...

Рыжиков был абсолютно спокоен. Он смотрел прямо перед собой, на коленях его мирно лежал огромный походный рюкзак. Бывший тиран и душегуб набил его до краев, теперь ноша стала тяжелой, но, как известно, своя она не тянула.

12

Егор уже месяц как уволился с работы и снялся со съемной квартиры. Целыми днями он носился по городу на метро, посещал книжные развалы, скупал произведения всевозможных авторов и читал, перечитывал, впивался глазами. Ему даже удалось раздобыть кое-что из перечисленного обходчиком.

Между «Почтовой» и «Майданом» поезд опять резко сбавил скорость и замер совсем. Двери на этот раз послушно открылись, пассажир спрыгнул вниз и дальше пошел пешком. Он на всякий случай заглянул на станцию – гермозатворы закрыты, здесь не пройдешь. «Все так и должно быть. Все так и должно». Егор затопал вперед, до самой «Арсенальной».

От нее начинался немного изогнутый тоннель, в конце которого классически брезжил свет. Не тусклый, аварийный, а яркий, солнечный. С той стороны, от выхода, проникали не только лучи, но и свежее, прохладные потоки ветра. Их тянуло с реки, с великой, неспешной реки, разрезавшей этот город надвое. Здесь, где ветка метро встречалась с водной лентой, рельсы резко вырывались из тоннеля в

холме и неслись по мосту. Так что пассажиры, будучи всего несколько секунд назад глубоко под землей, вмиг оказывались на открытом пространстве, да еще и высоко над водной поверхностью, поигрывавшей солнечными бликами. Чудеса, да и только.

Егор уверенно вышел на берег, к платформе станции «Днепр». По сторонам весело болтали, курили свои папироски и перешучивались несколько групп матросов. Егор сразу понял: это и были те самые флотские, планировавшие выдвинуться отсюда на «Крещатик». Рыжиков неспешно подошел к одной из компаний людей в тельняшках. Чуть в стороне от них он заметил отставленные сейчас тяжеленные пулеметы, переделанные из станковых. «Хорошо все-таки, что они тогда не выступили, – подумалось Егору, – с выступлениями у них, надо полагать, все в порядке».

– Привет, ребята!

– Здорово, здорово, – на разные голоса отозвались мужчины.

– Выходит, это вы и есть матросы с Днепра?

– Они и есть, – улыбаясь, ответил один из них, с орденом на широкой груди. Егор не рассмотрел его толком, понял только – выполнен он был в виде жетона метро – синий, с крупной буквой М посередине.

– Только не просто матросы, а Герои Днепра!

– Герои Днепра? – удивленно спросил Егор.

– Ну да, знаешь, говорят, «Герои Гоголя», – и он процитировал кого-то: «К героям своим Гоголь бывает и беспощадным...» Или, – «Герои Пушкина»: «Герои Пушкина в смене эпох и в восприятии читательских поколений»... Ну так вот, а мы – Герои Днепра.

Они благодушно рассмеялись. Егору помогли взобраться на платформу, похлопали по плечу и угостили беломориной. Рыжиков скинул рюкзак – шнурок развязался, и все увидели, что тот был полон книг. Герои одобрительно закивали головами. Кто-то уже спешил с новой тельняшкой и флягой.

За ограждением, внизу, послышался девичий смех. Да такой задорный и звонкий, какого он еще не слышал. Новобранец вопросительно посмотрел на матроса с медалью. Тот подмигнул парню и, слегка подталкивая его в спину, подвел к парапету моста. Егор глянул вниз. В темной, зеленоватой, но чистой воде плескались русалки, заигрывая с матросами и обдавая героев веселыми искрящимися брызгами.

Киев, декабрь 2011 г.

Любовь ПРОКОПИЙ

Родилась в с. Талмазы, р-н Штефан-Водэ. Окончила с отличием филологический факультет Тираспольского пединститута. С 1983 года работает в ТГУ преподавателем на кафедре русского языка и литературы. Доктор филологических наук, председатель профсоюзного комитета родного вуза. Увлекается музыкой, театром, но основная страсть – поэзия. Печаталась в разных периодических изданиях Молдовы на русском и румынском языках, участвовала в традиционном фестивале-конкурсе романа «Серебряная хризантема», неоднократно становилась его призером как автор музыки и стихов романсов. В 2010 году выпустила книгу стихов на румынском языке «Дом моей души».

Бег по кругу

Беготня. Маета. Суета.
А в душе – все мрачней – пустота.
Я придумала эту игру:
Я, как пони, по кругу бегу.
Круг за кругом, быстрее и быстрее
Череда повторявшихся дней,
И мелькают события, лица,
Катит Время свою колесницу.
Я бегу от забот, от людей,
Круг за кругом, быстрее и быстрее.
Я бегу, ненавидя, любя,
Я бегу от тебя, от себя...
А судьба не ослабит подпругу,
Все гоняет – по кругу, по кругу...

Дом

Есть дома, что не просто здания,
Просто крыша и просто стены –
В нем основа всего Мироздания,
В нем случилось рождение Вселенной.

Все в том доме – до боли – знакомо,
И родное – до светлой слезинки,
От трубы до фундамента дома,
Щелки каждой в полу и щербинки.

Этот дом... Он качал мое детство,
Он же позже встречал со свидания.
Он вмещал роковое соседство
Тысяч счастливых и тысяч страданий.

В нем когда-то так радостно было,
Столько света, тепла, доброты,
Столько музыки в доме том жило
И душевной святой широты!..

А теперь в нем живет только мама,
Вместе с ней ожиданье... Еще
Смех сестренки, ушедшей так рано,
Голос папы... И сердце моё...

Приручаю

Я тебя, милый мой, приручаю,
Я тебя от другой –
отучаю,
Я тебя от тебя –
отлучаю,
Понемногу к себе приручаю.
Приручаю к глазам –
цвета моря,
Приручаю к словам –
вкуса горя,
Приручаю к речам
соловьиным,
Приручаю к рукам
лебединым.
Я тебя у беды отнимаю,
Все твое на себя –
принимаю,
Перед Богом, собой –
отвечаю, –
Все равно, милый мой, – приручаю.

Самолеты

Между нами тучи грозовые,
Между нами волны штормовые,
Между нами – черный и вспененный –
Океан – прореха на Вселенной.
И зияет, нас разъединяя,
Сердце ржей забвенья покрывая,
Ты так далеко – не докричаться,
До души твоей не достучаться.
Только самолеты-сверхгиганты
По небу снуют туда-обратно,
Как игла в руках у белошвейки,
Оставляя след – трассиры-змейки.
Самолеты небо прошивают,
Ту прореху истово латают,
Берег мой с чужим соединяют,
Нас с тобой, любимый мой, сближают.

Море

Месяц-серп висит над морем,
Косит пену с волн широких,
И с ш-ш-шипением бросает
на искрящ-щийся песок.

Белоснежная на гребнях
пена так смеялась шумно,
На песке же грязно-сером
ос-с-стывает ...и молчит.

Волны гл-л-адыю лижут гальку,
И ласкают глыбы-скалы,
После же плывут л-л-лениво
вдаль, к иным причалам льня.

Все меняется и дышит
то сникая, то вздымаясь,
Море то лепечет еле,
То р-р-рокочет, как р-р-ревун.

Все проходит – люди, время,
Это было, есть и будет.
Неизменно только море,
Небо, скалы и песок.

Через тыщи лет на берег
ступит кто-то и увидит
зачарованный, как месяц
косит пену с волн морских.

Мостик

Жизнь, как мост, что перекинут
От «не быть» и до «не быть»
Над Ничто, где с ног отринут
Прах земли и крест судьбы.
Мостик – шаткие перила,
Досочки – через одну,
Остальные Летой смыло...
Жизнь торопит. Я – тяну.
Берег, что со мной простился,
Далеко, нельзя назад;
Тот, другой, в тумане скрылся,
Что там ждет: Эдем или ад?

Мой качается мосточек
Между чуждых берегов.
Кинь соломку, стебелёчек –
Подари свою любовь.
Нет опоры крепче, тверже,
Пусть твердят – «тонка как нить».
Но меня лишь это держит:
Не любить – равно – не жить.

Поворот

Дорога ровная идет,
Лечу, не убавляя ход,
Но вдруг, откуда ни возьмись,
Нарисовался поворот.

Ну не горел там красный свет!
И указателя там нет!
И с полотна Судьба меня
Чуть не забросила в кювет.

Но в путь пора, и я держусь,
А вдруг заметят, что боюсь?
И снова – лязг по тормозам,
Вновь поворот, и вновь я мчусь.

И повторяется сюжет,
Нет сил, лечу на кураже,
И аж захватывает дух
На новом скользком вираже.

Что мне готовит поворот:
Туман? Заносы? Гололед?
Провал? Тупик? Конец пути? –
Я все еще стремлюсь вперед.

Так день за днем, за годом год,
За поворотом – поворот,
И нет ответа на вопрос:
Что там, за поворотом, ждет?

Tombe la neige

Так нежно-грустно «Tombé la neige»
Звучит, и прямо под погоду:
Метелица снежит и нежит,
Разверзлись будто неба своды.

А хлопья белые tombé,
И вдоль дорог сугробы строят,
А мы с тобой сидим в кафе
И кофе пьем. И нас здесь трое.

И больше в мире никого –
Лишь мы с тобой и песня эта,
И пусть la neige стучит в окно,
Нам жарко, как в разгаре лета.

Татьяна НЕКРАСОВА

Родилась 24 января 1974 года. Стихи пишет с семи лет. Окончила Технический университет Молдовы, специализация – инженер-системотехник. Работает проектировщиком. Публикует стихи в Интернете. Увлекается стихотворными переводами с английского языка.

иногда просто

счастье пахнет мандаринами
хвоей воском и смолой
ты любишь витринами
и игрушками старинными
мишурой под слоем слой

мокрой шерстью пахнут варежки
и пальтишко всё в снегу
марципановая барышня
спрашиваешь: что подарить мне?
счастье только и могу

ловцу цикад

пока стрекочет муза в коробке' –
ни горстки риса, ни глотка sake

а за монету музу мне продашь –
и сыт, и пьян – так, что несчастен аж

давай же музу выпустим в траву –
послушаем про счастье наяву

Песенка про желтый дом

Кто в здравии, кто мается, кто в коме –
Все как везде, но есть один момент:
Из тех, кто обитает в этом доме,
Я – самый безнадежный пациент.

Диагноз однозначен (шутки кроме) –
Надежды нет, но есть одна деталь:
Из всех, кто лечит души в этом доме,
Ты – самый терпеливый санитар.

Казалось – выход... как же – дохлый номер:
Рецепт, микстуры, шприц, таблетки слов...
Из всех болезней в этом желтом доме
Не лечится одна – моя любовь.

арбузное маньяческое

арбузий век недолог –
пронзён по рукоять,
и трещину раскола
уже не запаять.

расхватывают мякоть,
размазывают сок –
кого бы железякой
пырнуть ещё разок?

выход на классическую тему:

завирущий язык завирущий
ух болтливый язык растрезвонный
помело – не язык даже пуще
и слова – холостые патроны

заглядущие глазки стрелялки
никогда вам ни сна ни покоя
из-под век из-под рук из-под палки
всё равно не понять – что такое

загребущие ручки царапки
ледяной пяточок на ладошке
не согрею так выплюсь на травке
если что – заживёт как на кошке

заплетущие ножки подножки
вечно водят ко кругу и мимо
не овраги так топи и кочки
и в плечо кто-то дышит незримо

беспокойная – сердце ведь – пташка
и бесплотная – странно – ведь душка...
вот и вся я плюс фи́га в кармашке
выпью с горя... а где, кстати, кружка..?

Дмитрий УНГУРЯН

Родился 15 декабря 1991 года в Каменке. Стихи начал писать еще в школьные годы. В настоящее время студент Молдавского Технического университета.

* * *

Кайся сейчас или никогда.
Времени нам теперь не хватает.
Наша любовь неизменно тает
и испаряется в никуда.

Нам остается одна беда
и нескончаемые угрозы.
Чтоб не сковали сердца морозы,
кайся сейчас или никогда.

Мы перепутали наши тропы
или направились не туда...
Кайся сейчас или никогда!
Наша любовь – мимолетный опыт
или сплетение навсегда?

В нас не останется ни следа,
только царапины и невроты?
Я уже задал свои вопросы...
Кайся сейчас или никогда.

* * *

Конечно, тебе нет дела,
оттого глядишь так сыро
и кажешься подлецом.
Но что же ты будешь делать,
если все лица мира
глянут в твое лицо?

Ты давишь на жизнь угрозой,
легко затыкаешь дыры,
воюя с чужой судьбой.
Но как же ты сдержишь слезы,
если все души мира
станут твоей душой?

Вот снова в людское море,
благословенный Ирод,
невод бросаешь свой.
Но как же ты стерпишь горе,
если все беды мира
станут твоей бедой?

* * *

Вся жизнь моя скука, хоть вдоль изорви.
Лишь взрывы страстей, и только.
Любимые, дайте мне дольку любви,
чтоб не было мне так горько.

Мне нечего вспомнить из прожитых дней –
все прошлое – пятна на тряпке.
Счастливые, дайте мне горстку углей,
чтоб не было мне так зябко.

Устал я, хоть в поле удачу лови, –
бессмысленно бейся в драке...
О, смелые, дайте холодной крови,
чтоб я не растаял в страхе.

Стараясь страдания закончить быстрее,
я вновь умываю руки...
Эй, умные, дайте мне новых идей,
чтоб я не погиб от скуки!

* * *

Пусть в честь тебя закипают звезды
в ночном котле,
а мне теперь загораться поздно
в кромешной мгле.

Пусть о тебе сочинят поэмы
в хмельной ходьбе,
а обо мне теперь плачут стены
в пустой избе.

Если вдруг углубится в память
твоя печаль,
тогда не вздумай себя изранить
ты сгоряча.

Пускай несет золотые речи
тебе другой,
а я устало ложусь на плечи –
ищу покой.

* * *

Сквозь злобу беспорядочности дней
 все реже бьет изменчивая радость.
 Наверное, влюбленность – это слабость,
 и мне давно пора бороться с ней.

Есть в нашем мире миллион страстей,
 и к каждой я тянулся малым сроком.
 Вы в праве мнить мечтательность пороком
 и вольнодумством молодых людей.

Остыла кровь, и я не свой, ничей.
 В моей душе все палки перегнуты.
 Жалею я, что жег в тоске минуты
 и возвышал природу мелочей.

Теперь клянусь бессмысленность ночей,
 храню мгновенья длинным днём на радость.
 Наверное, вся жизнь – сплошная слабость,
 и надо перестать считаться с ней.

* * *

Пусть утопают в красоте
 чужие дали.
 Но в их привычной маете
 о дружбе говорят лишь те,
 кого кидали,

и люди льют из-под брови
 свои печали.
 Сто раз братались на крови,
 но братской искренней любви
 не повстречали.

Пусть утопают в красоте
 чужие дали.
 У нас же и поля не те.
 Когда-то жили мы в мечте,
 но перестали.

У нас твердят о ерунде,
 не уставая.
 Кто молод – бесится в узде,
 а старики плывут в беде,
 не выгребая.

О, как нас манят красотой
 чужие дали.
 И мы в погоне за мечтой,
 надеясь там найти покой,
 себя продали.

Теперь мы вроде бы не те, –
 умнее стали.
 А те, кто тонет в красоте,
 о нас, тянувшихся к мечте,
 и знать не знали.

* * *

Как смешно и печально стесняемся мы,
 Доживая остаток недели.
 Как глашатаи бурные в сценах немых,
 Мы с тобою совсем охладели.

Все, что было, без памяти падает ниц
 И беспомощно рвется на части.
 У меня исподлобья не видно ресниц,
 Из которых ты черпаешь счастье.

У меня в голове беспорядки одни
 И совсем не мужицкие руки.
 Протыкают себя наши сладкие дни,
 Подстрекая двоих на разлуку.

Неужели все чувства прогнили на дне,
 Неужели любить перестали?
 Только дай мне понять, что все дело во мне,
 Чтобы черви меня не съедали.

И пускай я надолго увязну во тьме
 И замерзну в душевных морозах.
 Пережду терпеливо остатки зимы,
 Даже при неприятных прогнозах.

Ну а ты же иди, несмотря ни на что,
 И пиши некрасиво и крупно.
 У тебя без любви получается то,
 Что влюбленным порой недоступно.

Растворяйся, как ты растворилась во мне,
 Избегая обыденной скуки.
 Может быть, где-то в омуте будущих дней
 Ты отыщешь мужицкие руки.

* * *

Давай не ставить многоточий
 Хотя б сейчас!
 Молчание погубит нас.
 Пускай летят осенней ночью
 Обрывки фраз.

А если осень станет точкой,
 Остынет кровь.
 Тогда, стараньем долгих строчек,
 Пускай взойдут весной из почек
 Початки слов.

Ольга КИЧИГИНА

Родилась 8 июля 1944 года в с. Корналеевка Белгород-Днестровского района Одесской области. Окончила Государственный университет Молдовы, факультет русской филологии. Автор трех сборников стихотворений.

Когда синее небо...

Когда синее небо надо мной
И солнца луч ласкает жаркий,
Когда ты рядом и никто другой,
Бесценным кажется мне жизнь подарком!

В круговороте дней, забот
Минуты жизни мы проводим врозь,
И где-то там, где жизни поворот,
Нам не любить друг друга под сияньем звезд.

Торопливо пролетело лето...

Торопливо пролетело лето,
Жарким солнцем опалив меня.
Наступила осень незаметно,
По асфальту ливнями звеня.

Вот и дни короче, холоднее,
Голубого неба не видать...
Огонек любви лишь душу греет,
Заставляя жить, любить, мечтать!

Солнечный зайчик

Солнце зайчиком скатилось
Незаметно за порог,
Заиграло, заискрилось,
Освещая множество дорог.

Но из множества дорог – одна на сердце,
Что бежит в зеленые поля,
Где ковыль волною стелется,
Где так пахнет травами земля!

Я люблю тебя, молодость

Я люблю тебя, молодость, страстно,
Восхищаюсь твоей красотой!
Воспеваю твой образ прекрасный
Своей рифмой, словесной струей.

Добрый друг

Белоснежный и лохматый,
В щель забора смотрит он.
Он нечесан и блохатый,
Кличкой «Пес» он награжден.

Пусть не знает пес дивана,
Ест с земли, что подаем,
Но в душе он, без обмана,
Добротой одарен.

Зачем же каштаны цвели?

Каштаны в цвету, как зажженные свечи,
В майский солнечный день.
Я в толпе не ищу с тобой встречи,
Не хожу за тобою как тень.

Я вечером майским тоскую,
О днях, что с тобой провели.
Тебя я ревную, ревную...
Зачем же каштаны цвели?

Апрельский ветер

Я иду в обнимку с ветром,
А вокруг весна в цвету,
Мой апрель, апрель мой, где ты?
В косы я тебя вплету.

Весенние мотивы

Прощай, зима, с последнею метелью!
Опять веселый птичий гам звенит,
Апрельский день весеннею капелью
Бежит в овраг и ручейком журчит,
Колышет ветром сосенок верхушки,
Как в дверь, стучат дождинки по листве,
Притихли вдруг березоньки-подружки,
Раскаты грома в выси-вышине...
Весна надежды наполняет душу...
Шепчу я благодарно в тишине,
Что поступь тихую твою я не нарушу...
За что же жизнь все это дарит мне?!

Евгений БАРДАНОВ, *литературовед*

Ах, этот Власов ещё и прозаик?

Роман «Последний рассвет» раскрывает нам Виктора Власова с неожиданной стороны. Оказывается, он не только скандалист, но ещё и сочинитель стильной прозы, который обещает в будущем, творчески взрослея, вырасти в писателя неординарного, с широким тематическим охватом и со своим лицом. Я уверен, где-то на Аллее литераторов, что на бульваре Мартынова, греет место солнышко воздвигнутому потомками в будущем памятного камню с инициалами В.В.В. и крылатой фразой от Виктора Витальевича: «Ах, слава, слава! Скорее бы уж...»

Да, историк из Виктора никакой. Но писатель и не обязан уподобляться хроникёру – его задача двойка: создать захватывающий сюжет и художественно его оформить. В романе «Последний рассвет» действие развивается по нескольким линиям, стремительно, с неожиданными поворотами, с интригой, и потому он исторический и авантюрный. Действующие лица – уроженцы Дальнего Востока, Японских островов, страны с особенной, непонятной и непривычной нам культурой. Виктор Власов принял смелое решение – одновременно с увлекательным повествованием передать ощущение иного мира. Это ему удалось!

На первый взгляд, роман перегружен иностранными словами. Имена, значение которых автор зачем-то расшифровывает в сносках, оказывается, имеют смысл! Они отражают черты характеров действующих лиц. Этот приём интересен и впервые был использован Власовым в повести «Под стопой Одина». Много внимания автор уделил внедрению в сознание читателя японских слов, обозначающих предметы обихода тамошних жителей. Сперва это читать неудобно, приходится отвлекаться на сноски, но впоследствии, если перетерпеть самое начало, иностранные слова уже не вызывают отторжения – их читаешь легко и ясно понимаешь, о чём идёт речь. Автор мог бы избежать такого неудобства, если бы ввёл в роман главного героя-европейца и уже его понятиями описывать ситуацию. Но тогда самураи сражались бы не катанами и нагинатами, а мечами, саблями, алебардами, обувались бы не в гэтта и дзори, а в сандалии и сапоги. Что осталось бы японского в романе?

Сюжет романа «Последний рассвет», словно в волшебном зеркале искажённо отображая исторические реалии, показывает нам символизмом интереснейшей переломной эпохи Страны Восходящего солнца, когда создавалось и укреплялось своеобразие культуры японского народа, начинавшего отделять свою самобытность от

китайского или корейского культурного образца. Интерес Власова к проблеме героического служения Отечеству можно усмотреть в схожести двух его произведений, написанных одно за другим в 2012, високосном, году Чёрного Дракона накануне ожидаемого светопреставления. Средневековые горной Шотландии, отображённое в повести «Под стопой Одина», столь же насыщено героикой, сепаратизмом и непримиримым национализмом, что и средневековые Ямато, притом, Япония – тоже горная страна, раздробленная на многочисленные изолированные горными хребтами анклавов, и её исторические пути подобны путям становления Шотландии.

Проблема междоусобной борьбы кланов и группок в раздробленной при слабой центральной власти стране на фоне растущего национализма актуальна и для современности, поэтому роман читается легко – мотивы героев понятны. Но Виктор Власов не был бы собой, придерживайся он исторического реализма. Наверное, причина ухода вполне реалистичного сюжета в открытую демонстрацию мистической природы событий – это протест автора, отказ признавать рациональными мотивы противоборствующих сторон. Вроде бы вожди обоих лагерей по-своему любят народ и видят благо страны в её объединении под началом справедливого и разумного правителя, приверженца традиции. Но почему же они никак не могут поладить, отчего непременно должна литься кровь этого самого обожаемого народа? Причины неприязни современников, считает Власов, коренятся в приверженности нынешних патриотов славе предков, которые в своё время не сумели установить мир и оставили вражду в наследство потомкам. Наверное, поэтому тема патриотизма звучит в романе «Последний рассвет» даже не двусмысленно, а с отчётливо ироничной интонацией.

Надуманность официальной Истории, ответственность официальной Культуры – как никогда контрастно выявляются именно в переломный период, и таким периодом для Японии был конец правления сёгуната Муромати. Роль сёгуна из рода Асикага в романе – нулевая, роль императора Гоннары тоже ограничена его присутствием во дворце в Киото. Император Нинтоку вместо руководства подконтрольной ему страной тихонько сидит в пронизанном интригами Эдо, в полной безопасности, потому что он – марионетка и ничего не способен решать. Зато активна роль придворной аристократии, во все века строившей всевозможные козни друг против друга, изыскивая новейшие

средства для преобладания шкурных интересов, и тем самым двигавшей исторический процесс. Такие средства Власов показывает, создавая образы придворных и военных аристократов – советника Мотохайдуса, сёгуна Ёсисады, главаря якудза Кендзо, генералов Ямамото, Хавасана, Риозо, Имагавы. Каждый из них являет в романе свою правду, собственное видение происходящих событий, их поступки индивидуальны.

Яркая индивидуальность присуща и героям, наиболее близким читателю эмоционально, к числу которых можно отнести и мятежную принцессу Суа, и мастеров Лао, Шуинсая, известных нам по повести «Красный лотос». Глубокий драматизм их личностных переживаний обусловлен сплетением нелепых и тяжёлых внешних обстоятельств, в которых им невольно приходится участвовать, то и дело принимая ответственные решения – правильные или ошибочные, зачастую вынужденные. И вновь иррациональная природа подсознательного выдвигается автором на передний план. Как элемент, связующий мистическое и реалистичное, в романе действуют предсказатели и медиумы: настоятель храма Минобусан, ямабуси Сэндей, Саюке-химэ в образе демонессы Оннигороши, мудрец Генбо и его дополняющий образ – кот с поселившейся в животное душой самурая Идзавары, старая шаманка народной традиции – Казуми ёси, придворный звездочёт из Эдо, жрица святилища Исэ Юкио-мико, неизвестная женщина на острове Иё, и прочие. Такое разнообразие действующих лиц, отображающее различия отнюдь не единой мистической традиции японской культуры, гово-

рит об очень серьёзной работе автора романа с материалом источников.

Любопытен сам факт рождения такого романа в городе на Иртыше. По свидетельствам этнологов, Японские острова заселялись с нескольких направлений, и в генофонде наиболее успешного народа, который мы называем японцами, определяются маркеры, указывающие на их родство с аборигенным населением... Сибири. Судя по склонности автора «Последнего рассвета» к мистификациям в периодике и к мистике в прозе, вполне возможно то, что древние духи, бестелесно населяющие сибирские просторы, как-то повлияли на выбор Виктором Власовым темы и идеи странного жанра «мистико-исторического авантюрного романа». Второе замечательное художественное явление – смелое, сказал бы я, соединение двух произведений, совершенно разностильных, в дилогию. Действительно, если повесть «Красный лотос» – очевидная мультипликация, авторская речь и образы в ней откровенно упрощены, то роман «Последний рассвет» – это «взрослый» триллер, с детективным сюжетом, с яркими внутренними переживаниями героев, насыщенный познавательными сведениями.

Возможно, автору романа неоднократно попаются за упущения и огрехи, которые не удалось устранить, но ведь критика помогает совершенствоваться. В заключение этой статьи хочется пожелать Виктору Власову творческого роста в серьёзной художественной прозе и предостеречь от легкомысленного распыления душевных сил на бестолковые скандальные газетные публикации.

Борис КУДЕЛИН

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Продолжение. Начало в №10-12(2012)

Попутный ветер до стен Нотр Дам де Пари

Я стою на мосту Шарля де Голля, по которому в несколько потоков движутся роскошные легковые автомобили, изредка проплывают и высокие городские рейсовые автобусы. Мост новый, выстроен в конце нашего родного, совсем недавно прошедшего двадцатого столетия, т.е. в 1996 году. Поток машин с односторонним движением течет от Аустерлицкого вокзала к Лионскому, которые и соединяются этим мостом. Если повернуться лицом к высокой белеющей башне с часами Лионского вокзала, то справа, совсем близко, мост «Берси». В районе этого моста, по которому в обе стороны бегут поезда метро, находится современный прекрасный концертный зал, тоже «Берси».

Ноябрь. Поздняя осень. Темнеет очень рано. Сейчас, наверное, нет еще и шести вечера, но сумерки из светло-синих на глазах сгущаются и превращаются в густо-темные. Настали холодные и почти обязательные для Парижа дождливые сырые дни. Температура хотя и выше нуля, все же холодный пронизывающий ветер пронесется вдоль Сены. Недалеко от моста белеет грузноватый и довольно большой «пениш» (приспособленная для жилья плавучая баржа). Он не путешествует по Сене – круглый год стоит на причале. В сумерках, несмотря на волнистую поверхность реки, «пениш» кажется неподвижным, застывшим. В это вечернее время в его огромных окнах горят огни. Там, внутри «пениша», сейчас идет жизнь. Я неплохо знаю эту жизнь. И, вероятно, поэтому в моей душе рождается нежное, щемящее чувство грусти, которое легко принимаешь за тихую душевную радость...

Совсем недавнее прошлое, реальное и какое-то полусказочное, оживает в моей памяти...

Сентябрь 1998 года во Франции был теплым, хотя нередко шли не холодные прозрачные дожди. По утрам в городских парках Парижа по клумбам с еще яркими цветами стелется белый сквозной, в общем-то нестойкий туман. Мы – Гена, Батыр и я, в первых числах сентября приехали из Италии в Париж. Поезд прибыл на Аустерлицкий вокзал. Вышли из вагона. Вокруг ни паники, ни полицейских, которых могли бы заинтересовать несколько потрепанные ветрами странствий наши скромные личности. Многолюдно, шумно. Мы понаслышке знали, что на крупных вокзалах Франции существует служба «SOS». С сумками, рюкзаками за плечами мы стали ходить по вокзалу, искать табличку с буквами «SOS». Нашли. За дверью в маленькой комнатке сидел сухонький мужчина преклонных лет. Он нам ничем не смог помочь, кроме того (но и этого оказалось немало!) как перевести нас через мост Шарля де Голля к Лионскому вокзалу. Там в одном из углов вокзала размещался постоянно действующий пункт социальной помощи. Здесь бесплатно кормили ужином и вечером увозили на автобусах на ночлег. Мы были приятно удивлены этими гуманными особенностями гостеприимной Франции и с удовольствием отужинали. Тем более что ужин на самом деле был и вкусным, и достаточно плотным.

В помещение заходили все новые и новые люди. В основном только мужчины, чаще лет 20-30. Всех, без исключения, новоприбывших кормили ужином. Часам к 10 вечера тех, кто пришел ранее и успел записаться, по спискам запускали в автобус и увозили на ночлег. Около полуночи подавали другой автобус, и в него садились уже другие люди, но также по заранее составленному списку. Мы втроем тоже вышли к автобусу.

Пожилый энергичный мужчина, стоя в дверях на подножке автобуса, выкрикивал фамилии из списков, которые держал в руках. Фамилии, почти все, имели странное, если не сказать смешное звучание, типа: Орески, Мугэ, Бука, Фигу и т.п. Списки «счастливиц» на этот последний полуночный автобус закончились. А возле его дверей еще толпилось около десятка людей. Среди них и мы. Человек со списками стал кое-кого дополнительно пропускать в салон. Я также топтался у дверей и старался попасть в поле зрения мужчины, естественно, не особенно навязчиво. Но моя внешность ему, очевидно, не нравилась. А Батыру он кивнул, и тот, схватив свою сумку, вскочил в уютный салон. Мы с Геней махнули ему рукой, и автобус поглотила ночная и в то время еще таинственная для нас тьма.

Мы с Геней и еще человек 7-8 вернулись в «кафе». Было около полуночи, и оно закрывалось. Человек, который пропускал в автобус, сказал мне, чтоб мы группой шли к отелю «Европа» и там, мол, к

нам подъедет автобус и всех заберет на ночлег. Нам ничего не оставалось, как отправиться на поиски непонятно где расположенного отеля. Все же нашли сияющий огнями отель «Европа» напротив входа в метро. Но время позднее и метро уже закрыто. Постояли с полчаса. Было очевидно, что нас просто отравили, чтоб избавиться от нас. Стали расходиться – кто куда. Мне Гена сказал, что где-то у вокзала видел каменные скамейки. Мы стали их искать. Но в темноте, хотя и при свете фонарей, ничего не нашли. И, чтобы укрыться в каком-то затишье и спрятаться от взоров возможных прохожих, мы спустились в подземный переход. Подстелив кое-что из своих вещей на асфальт межлестничной площадки, подремали до открытия метро. То есть до половины шестого. Но к этому времени открылся и вокзал «Гар де Лион». Мы вошли в его светлые просторы и удобно уселись на стулья. Здесь было тепло и, как нам казалось, даже уютно. Часам к восьми появились двое полицейских и неторопливо стали проверять документы у таких же, как мы, сидящих на стульях. Мы решили не испытывать судьбу и на всякий случай вышли на улицу. Сонливость наша полностью развеялась, и мы решили погулять по еще совсем не знакомому нам Парижу. Передвигаться мы могли только пешком, так как денег на метро и автобусы у нас уже – увя! или, как говорят французы «елас!» – не имелось. А ездить в общественном транспорте без билетов тогда мы еще побаивались, так как были новичками на улицах Парижа и ничегошеньки в этом новом для нас мире не знали.

Первое, что я хотел увидеть, так это Собор Парижской Богоматери. Гена со мною на этот счет не спорил. От «Гар де Лион» мы пошли пешком к собору. Впрочем, это не так далеко, если идти по берегу Сены. Да и с моста Шарля де Голля, а он у вокзала, виден собор, который стоит на островке, любовно омываемым с двух сторон голубыми водами Сены, – «Иль де ла Сите». Несмотря на осеннее время, в Париже солнечно, тепло. На улицах многолюдно, весело и оживленно. Французы, вне всякого сомнения, – приветливый народ! А вообще в Париже очень много иностранцев. Цветные и чернокожие, китайцы и японцы, которых как-то проще выделить из потока толпы. Но в этом же гудящем движущемся улье – поляки, румыны, албанцы, сербы, украинцы, армяне, русские и представители еще многих других национальностей нашей планеты.

Центр Парижа в основном состоит из многоэтажных домов – это семи- или восьмиэтажные старинные здания кирпичной кладки. Кирпич красный и желтый, золотистый. Обычно эти два цвета кирпичей гармонично переплетаются, делая дома особенно нарядными. На балконах ничего, кроме ярких цветов, чаще розовых и красных. На крышах-палубах высокие, почти настоящие деревья, пальмы, какие-то кустистые цветы. Я спрашивал иногда у прохожих дорогу. Француз будет не французом, если к просьбе что-либо указать, подсказать отнесется равнодушно или же не поможет. Обычно всё толково, с шикарной улыбкой объясняется. Но если он не может ответить на вопрос, указать нужное направление, то все равно посоветует зайти в газетный киоск или в магазин за справкой. И попробуй не зайти под его провозжающим неусыпным взором!

Мы идем по набережной Сены. Совсем близко проплывают, и их множество, маленькие прогулочные пароходики. С них доносится веселая музыка. Туристы сидят под цветными зонтиками на открытой палубе. Многие из туристов вооружены фотоаппаратами. Они с живым интересом смотрят на этот древний музей архитектуры, расположенный по обеим сторонам полноводной Сены, на прославленные на весь мир достопримечательности, созданные из камня. Одно из наизамечательнейших созданий – это, конечно, собор «Нотр Дам» (Собор Парижской Богоматери). Он стоит на самом краю набережной острова «Сите» Я не специалист по архитектуре, но думаю, что собор своей строгой, но все же праздничной, нарядной каменной вязью на протяжении веков (начали его строить в 1163 году) восхищает людей. А выражаясь возвышенным, поэтическим языком, можно сказать так: это архитектурное сооружение являет собой застывший сон в камне, в котором слились готическая эlegantность с вековой набожностью. Представьте, что значил этот, в моих глазах полностью погруженный в светлую романтику, старинный собор на территории ранее всегда далекой и, как мне казалось, недоступной Франции?!

Мы идем по набережной с сумками, не очень-то легкими. За нами медленно ползет полицейский рафик (со свободными местами). Как-то беспокойно. Но полицейским нет до нас никакого дела. К слову, полиция во Франции разительно вежлива в общении с людьми. Нашей бы милиции (полиции) перенять хотя бы малость этого неукоснительного уважения к любой личности, лишь бы в человеческом образе. Да что там говорить о личности, когда у французов собаки, кошки и другие животные на очень высоком пьедестале.

И вот мы у высоких поседевших стен «Нотр Дам». Над центральным входом огромная Роза из камня, а на ее фоне святая Дева Мария с младенцем и по бокам два крылатых ангела. Я буквально сгораю от

нетерпения проникнуть внутрь храма. Слева мы замечаем очередь в боковую дверь. Подходим и узнаем, что здесь стоят люди, желающие подняться наверх, откуда открывается чудесная панорама Парижа с высоты птичьего полета. Очередь шла быстро. По очень узкой извивающейся каменной лестнице один за другим, не видя ничего, кроме спины впереди идущего, мы медленно поднимались. Наконец, выбравшись на узенькую площадку, остановились и некоторое время обзередали окрестности. Увидели мы многое – и «Шателе», и «Опера Франсэз», и уже на далеком расстоянии высокое, многоэтажное и темное здание «Монпарнас». Кстати, видна и Эйфелева башня. Просматривается центр Парижа. Здесь же недалеко и Лувр, а напротив, через Сену, современный, с богатой коллекцией полотен импрессионистов, музей «Дорсей».

Затем мы вошли внутрь собора. Вход бесплатный. Как обычно в католическом соборе, между двумя рядами высоченных белокаменных колонн стоят скамейки. В глубине помост в виде сцены, с которой ведется месса. На сцене стоит кафедра с микрофоном, в глубине распятие Господа Бога Иисуса Христа. Полумрак. В окнах цветные витражи с евангельской тематикой. У колонн с обеих сторон колышется море огней – это свечи. Собор очаровал мою душу, напоил ее эстетическим медом, ароматом нежных цветов. И вот прошло уже немало лет, а я до сих пор испытываю радостное волнение, когда вхожу под эти древние и вечно торжественные своды.

После посещения собора мы еще походили по Парижу. Нам было все интересно. К вечеру подошли к «Гар де Льон». Опять хороший ужин. И нас уже записали на автобус, во-первых, потому что мы пришли вовремя. И во-вторых, потому что мы были уже знакомы с прошлого вечера обслуживающему персоналу. Около одиннадцати часов подъехал автобус и нас, опять-таки можно сказать «счастливчиков», загрузили в автобус. Тепло, удобно. Едем через весь Париж – с одного конца города в другой. Поездка длится минут 30.

Люблю ехать в машине. Через окна автобуса видны опустевшие, но хорошо освещенные улицы. Магазины давно закрыты. Редкие прохожие убегают от осенней сырости и холода. И только огромные, зеленого цвета грузовики для сбора мусора да обслуживающие их, нередко чернокожие мужчины, остаются полновластными хозяевами в эти ночные часы на улицах Парижа.

Подъехали к станции метро «Данюб». Выходим из автобуса и направляемся к большим железным воротам. Тут нас уже ждут. Ворота открывает чернокожий дежурный. У него в руках тоже список. Нас распределяют по спальным вагончикам, где стоят двухъярусные кровати. Заняв постель и положив вещмешок на рядом стоящий стул, мы выходим и идем в другой вагончик, где можно выпить чашку чая, кофе. На столах в вазах печенье, булочки («мадлен»). Уже за полночь ложимся в постель. Простыни чистые, белоснежные, хорошо проглаженные. Бывают и одноразовые простыни, в виде плотной бумаги. Но в любом случае это все же счастье спать в тепле и на кровати. На завтрак горячий кофе, варенье, молоко, сыры, печенье. В общем, завтрак такой, как полагается, может, не по мировым стандартам, но по парижским. Нас всех тот стандарт вполне устраивал...

В Западной Европе меня всегда влекли русские церкви. Еще в Италии, в Милане, я старался не упустить случая и побывать в них.

И вот конец сентября. В Париже уже чувствуется осень. Покраснели, точнее – порыжели листья каштанов. А в Париже каштанов вдоль тротуаров великое множество. Много их и вдоль набережной Сены. Помню огромный каштан с могучей кроной, склоненный над самой рекой. Он, несомненно, и сейчас нависает над неустанно бегущими волнами реки, берега которой заботливо окаймлены бетонными плитами. Это где-то недалеко от Нового моста (кстати, старейшего в этом древнем городе).

Мы с Геней узнали у таких же, как мы, ночующих в ночлежке, но уже давно живущих на улицах Парижа, что русская церковь находится в районе Триумфальной арки. По карте «Метро Парижа» мы нашли «крестик», означающий церковь. Действительно, недалеко от Арки. Поехали на метро до станции «Шарль де Голль». Или еще она называется «Этуаль». А можно – «Триумфальная арка». С нами поехал также один наш новый знакомый, парень из Украины. Ехали, как всегда, без билетов. Вышли из метро. Под Аркой, где покоится прах неизвестного солдата еще с Первой мировой войны. Мы с Геней, правда, уже тут ранее успели побывать. Храм, который мы искали, носит имя русского святого Александра Невского. Название улицы нам тоже было известно. Поэтому было легко спрашивать дорогу у прохожих. Но на улицах много туристов или людей, впервые попавших в столицу. Например, провинциалов из глубинки страны. Ни те, ни другие город, конечно, не знают.

Наконец недалеко от русской церкви я обратился к прохожему с вопросом: «Не скажете ли, где находится русская церковь на рю Дарю?» (рю – в переводе – улица, Дарю – ученый-историк позапрошлого

столетия). Встречный француз знал, где находится эта русская церковь. Мы разговорились. Оказалось, что его предки были поляками. Мне сейчас кажется, что у 20-30 процентов парижан – славянские корни. У меня даже есть знакомый француз (ни слова не знающий по-русски), в роду которого великий русский философ Николай Бердяев.

То ли ласковая, теплая осенняя погода, то ли не совсем еще заглошшая тяга к родине предков подталкивали на этого человека, но в результате он пригласил меня в кафе «на чашку кофе». Кафе находится на авеню «Вограм». Одна из наиболее ярких улиц-лучей, разлетающихся от площади Этуаль. Кстати, от этой же площади берет начало блистательная, всегда нарядная и праздничная авеню – «Елисейские поля». Маленькими глоточками выпили кофе. Польский потомок на прощание подарил мне 50 франков и пачку сигарет. Я не курю, но пачку с благодарностью взял – для Гены.

И вот мы наконец на уютной, небольшой, но с обычными высокими домами, – рю Дарю. Собор среди зданий сразу и не увидишь. Но, действительно, это настоящая русская церковь! С пятью сияющими на солнце золотыми маковками-куполами, а на них также золоченые православные, русские кресты. Небольшой, озелененный, с цветами на клумбах двор. Ступени из серого камня ведут к высоким застекленным дверям. Их три: центральные – для особо торжественных событий, и две двери по бокам. Говорят, на этих ступенях всю ночь играл Ростропович, исполняя на виолончели торжественные кантаты (может, даже «Александра Невского» С. Прокофьева) в честь исторического события – развала Берлинской стены.

Я, забыв о попутчиках, ринулся под святые своды. В церкви на самом деле высокие, по-особенному светлые своды. И в этой высоте окна на все стороны света. Из окон в мягкий полумрак собора с высоты вливаются нежно-розовые осенние лучи солнца. Между окон, там же на высоте в простенке – всегда озабоченная, даже в вечернее время, икона Пресвятой Богородицы с Младенцем. Помню, во время Литургии я часто поднимал глаза к Богородице-Царице Небесной, освещенной загадочным светом. О чем думал я?.. Какие надежды вселял в меня образ мировой Заступницы?.. И на самом деле – трудно передать, каким источником надежды и радости вошла в мою душу эта церковь! Притом я тогда уже знал, что этот храм посещали и Александр Иванович Куприн, и Иван Алексеевич Бунин. Бунин даже венчался здесь. Храм посещал и русский царь, святой великомученик Николай II.

В тот день, а это было воскресенье, церковь была битком набита людьми. Старинные, почерневшие от времени иконы освещались красными огоньками. А у образов нашего Господа Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы колебалось живое море огней из свечей, поставленных прихожанами. Горела среди них и моя. Великолепно пел хор человек из пятнадцати. При входе в храм справа, за прилавком продают свечи, можно заказать службу «за здравие» и «за упокой» и др. Продает свечи русский пожилой человек. Невысокого роста, с усиками, галантный в обращении. К нему обращаются и на русском, и на французском. Говорит он свободно на французском. По-русски – с акцентом и необычным построением фраз. Поэтому оставалось чувство удивления: как это он так стойко изъясняется на русском? Вероятно, родился во Франции, в Париже, а в России, что случается нередко, ему так и не довелось побывать...

Кончилась служба около часа. В церковном дворе по обеим сторонам от ворот стоят два трехэтажных здания. В них живут семьи церковных служителей-священников, дьяков, старосты.

В здании, справа при входе в ворота, находится канцелярия. Прием ведет староста. Когда-то, то ли еще в Италии, то ли уже где-то во Франции, но не в Париже, мне рассказывали, что в Париже есть русская церковь (названия не помнили) и что в ней есть отец Евгений – добрый и отзывчивый священник. Помню, мне настоятельно советовали, если даст Бог попасть в Париж, познакомиться с отцом Евгением. И я решил попытать счастья – зайти. Вхожу в здание, в нем все по-французски, то есть чисто, аккуратно и как-то даже торжественно. По наитию поднимаюсь по этажам. Кого-то встречаю. Спрашиваю: «Не скажете, в какой квартире живет отец Евгений?» – «Вы стоите у его дверей», – отвечают мне. Звоню. Открывается дверь. Миловидная блондинка с русским лицом, лет сорока, спрашивает, кого мне надо. Я говорю, что хотел бы увидеть отца Евгения. «Заходите, он скоро будет», – с мягкой улыбкой сказала, как я догадался, жена отца Евгения.

В не очень большой комнате стоял круглый стол. На столе печенье, конфеты, ваза с виноградом и яблоками, бутылки с напитками. Вокруг стола сидят женщины, их четыре. Меня пригласили к столу. «Чай, кофе?» Я попросил чаю. Разговор за столом был спокойный, неторопливый, но для меня интересный – о текущей жизни русских эмигрантов в Париже.

Примерно через час в комнату вошел отец Евгений. Жена его (матушка Ирина) сказала ему: «Тут тебя человек ожидает, он недавно приехал во Францию». Отец Евгений мне с первого взгляда понра-

вился. Невысокого роста, фигура плотная, слегка рыжеватая пышная борода. На спокойном лице внимательные, умные серые глаза.

Я ему все как есть рассказал. Отец Евгений отнесся к услышанному вполне нормально. Видимо, он уже привык к подобным знакомствам. А вообще-то, мне теперь думается, что и во мне он почувствовал родственную душу. Во всяком случае, добрые отношения мы с ним поддерживаем до сих пор. (Пусть простит меня читатель за то, что забегаю вперед!) Я сказал ему, что хочу найти какую-нибудь работу. «Ладно, заходите, Борис, как-нибудь, когда у меня будет свободное время, поговорим. Может, что и найдется для вас».

В последующие дни мы с Геной бродили по Парижу. Ночевали в «ночлежке», а по утрам, после легкого завтрака выходили на улицы столицы Франции. Благо, эти осенние дни были солнечными и теплыми. Что было неудобно, так это то, что при нас был багаж, еще из Италии. В «ночлежке» его оставлять было нельзя. У меня в багаже брюки, рубахи, пара обуви и уже подаренный во Франции словарь «Larousse». В общем, и выкинуть жалко, и таскать с собой очень уж тяжело. Решили сдавать в автоматические камеры хранения. За сутки – 10 франков. Зато какое мы почувствовали облегчение!

К шести часам вечера мы подходили к пункту, называемому в переводе на русский язык «Крошка хлеба». Все тот же пункт, около Лионского вокзала. Там ужинали, записывались в автобус, который около 10 часов нас с шиком увозил на ночлег, под крышу, к теплым постелям. Нас уже знал обслуживающий персонал, и это давало больше шансов на то, чтобы попасть в списки на ночлег. Кормили на Лионском вокзале нормально, можно сказать, хорошо. Продукты постоянно свежие. Во Франции на этот счет очень строгие законы. Не дай Господь: где-то кому-то что-то продадут или выдадут с просроченным сроком годности – засудят.

Этот пункт посещала весьма разношерстная публика. Я бы не сказал, что именно французы, точнее – франкоговорящие. Здесь и арабы, и метисы, и чернокожие из бывших французских колоний, например, с острова Таити. Реже встречались русскоговорящие, с просторов нашего бывшего Советского Союза. Встреча с соотечественниками по Союзу всегда радовала и нередко вносила что-то новое, даже, как сейчас говорят, конструктивное. Правда, бывало и напротив – встреча вносила что-то скандальное, неприятное. Но такое все же случалось значительно реже.

На самых первых порах на Лионском вокзале мы познакомились с говорящим по-русски поляком. Это был парень лет двадцати двух. Невысокий, плотный, белобрысый, с красным лицом и небольшими голубенькими глазками. Жил он, то есть спал, как он говорил, в Булонском лесу. Нам он без утайки рассказывал, как воровал в парижских магазинах. Оказывается, это совсем несложно и почти безопасно. Если ты крадешь продукты – сыр, колбасу, конфеты и т.п., то, как говорил наш новый знакомый, это совершенно не рискованное дело. То есть, если поймут, отберут продукты и выгонят. Нередко даже могут что-то тебе оставить. Бывало, он брал продукты с полок и ел тут же, в магазине. Например, съел плитку шоколада. «Однажды, – рассказывал он, – я огляделся: в магазине все покупатели что-то жуют». Но наш поляк не увлекался выносом продуктов из магазинов. Пообедать всегда можно бесплатно на пунктах, как, например, на Лионском вокзале. Он специализировался по выносу вещей. И прятал их (наивный человек!) в лесу. А впрочем, если подумать, в подобном положении больше и некуда прятать. В один «прекрасный» день он обнаружил, что все его кожаные, новокраденные вещи погрызли лесные мышки... Несмотря на то что этот парень говорил по-русски и вообще, вероятно, был неплохой человек, мы с ним отношений почему-то не поддерживали, скорей всего – не хотелось.

Однажды мы с Геной пришли на Лионский вокзал с утра. Там принимали «путешественников», не успевших позавтракать, а может – и поужинать, в гостеприимной столовой. Позавтракать можно было, но уже за деньги, правда, не очень большие. На вокзале были и душевые с туалетами. При желании всегда можно было помыться. Но в отличие от других душевых, которые мне уже приходилось встречать, здесь душевые были менее удобные и менее чистые.

В это утро мы познакомились с двумя парнями из Узбекистана. Узбеки свободно говорили по-русски. Это знакомство было для нас с Геной действительно значительным. Когда мы вошли в зал, который служил и столовой, один из них сидя спал, положив голову на стол, другой просто сидел на стуле рядом. Мы познакомились. Одного из них звали Рошван, другой сказал, чтоб мы не «ломали» язык и звали его просто Колей. Ребята, как мы узнали, в путешествиях были уже далеко не новички. Не менее года они жили в Германии. Тоже на таких же правах, то есть без постоянного места жительства. Переехав во Францию, они также спали в ночлежках, иногда, если везло, подрабатывали – «по-черному». Плохо было то, что ни один, ни другой совершенно не знали французского.

Мы не сразу с ними сдружились. Просто некоторое время изредка встречались в общеизвестных и общедоступных местах, например, в пунктах, где кормили обедами, в ночлежках. Обменивались приветствиями и все.

Александр, один из первых знакомых кишиневцев, посоветовал нам сразу же, не теряя времени, обратиться за помощью в «ассистанс», то есть социальную службу. «Например, – сказал он, – познакомьтесь с фондом Льва Николаевича Толстого. Там помогают русскоязычным, да и всем выходцам из Союза в получении ночлега. Могут помочь и материально. Некоторым, по необходимости, дают бесплатно телефонную карту, а то и месячный проездной на метро». Он нам дал адрес фонда, помнится, где-то в центре, на Риволи. Сюда, на Данюб, в «ночлежку», нас привезли на автобусах. А как дальше передвигаться по Парижу? Денег на транспорт у нас уже, конечно, давно не было.

Из этого затруднения нас вывел также Александр. Он спустился с нами в метро, сам перелез через турникет, а нам открыл двери, которые, по задумке инженеров, открываются только в том случае, когда люди выходят. При этом все эти действия происходили на глазах кассиров, сидящих в кассе, окошечки которой как раз «смотрят» на вход и выход. Но, как нам пояснил Александр, это их не только не касается, но и совершенно не беспокоит – они не контролеры, а кассиры. И он был прав! Здесь каждый отвечает за свой участок работы. Александр нам дал адрес, а сопровождать нас у него не было времени, так как были свои, какие-то неотложные дела. Здесь обычно для всех, как бы ни казалось странным, каждый новый день несет и свои проблемы. Маленькие или большие, но требующие своего решения.

И мы самостоятельно с Геной пошли на поиски этого фонда, оказывающего помощь всем русскоязычным без прописки и даже без каких-либо документов. Найти это место было для нас непросто. Мы шли по, как нам казалось, праздничным улицам. И воздух, и дома, потоки парижан, многочисленных туристов – все было окрашено веселыми красками, как будто смотришь цветной кинофильм. Конечно же, мы нашли этот фонд имени Л.Н.Толстого. А чтобы добраться до него, мы прошли мимо великолепного белоснежного здания XVII века «Отель де Виль», мимо высокой, как бы недостроенной с древних времен башни «Шателе». Да и сама по себе улица Риволи, с ее тянущимися аркадами у зданий XIX века, под которыми размещены многочисленные магазины, проходит мимо парка «Тюйлери», Лувра и выливается на площадь Конкорд. Это одна из оживленных улиц Парижа, полная шика и блеска, как полноводная река плеска. Это о ней писал Ги де Мопассан: «Кишмя кишела экипажами и гуляющими по ее обеим сторонам». Впрочем, такое же можно сказать о многих проспектах и улицах Парижа. Только, естественно, экипажи, запряженные лихими вороными, сейчас заменяют шикарные автомобили.

Продолжение следует.

